

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

---

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ  
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ  
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

103

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*  
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарев,  
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

## І. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

*И. Т. КРУГЛИКОВА*

### БОСПОР III—IV ВВ. Н. Э. В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

История Боспора в позднеантичный период, когда внутри античного общества складываются уже черты будущего средневекового феодального общества, совсем не изучена. Кроме книги В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», последняя из глав которой посвящена истории Боспора в III—IV вв.<sup>1</sup>, в литературе даже не было сколько-нибудь серьезных попыток изучить причины, особенности и условия гибели античного общества на территории Боспора. Отсутствие таких исследований объясняется прежде всего состоянием источников. Письменные источники очень малочисленны и фрагментарны. Данные пумизматики помогают осветить лишь некоторые стороны жизни. Наиболее многочисленны источники археологические, использование которых в сочетании со всеми остальными позволяет наметить общие линии развития Боспора в позднеантичную эпоху. Упадок античной культуры Боспора заметен уже в первые века н. э. Однако наиболее ярко он проявляется в III и IV вв. н. э. Именно в этот период наблюдаются особенно существенные изменения всего облика материальной и духовной культуры боспорцев, отражавшие, по-видимому, социально-экономические изменения, произошедшие в боспорском государстве.

Раскопки городов и поселений показывают, что первая половина III в. н. э. еще тесно связана с предшествующим периодом так называемого второго экономического расцвета Боспора и является его заключительным этапом.

Города сохраняют свое значение торговых и ремесленных центров. Пролетают многочисленные сельские поселения. Они втянуты в оживленную торговлю с боспорскими городами, которые в свою очередь осуществляют торговые связи с обширной варварской периферией и с античными государствами Средиземноморья и Южного Причерноморья. Раскопки Пантикапея показали, что террасная планировка, большие общественные здания, храмы, статуи, воздвигнутые еще в предшествующий период, продолжали сохраняться и в течение первой половины III в. н. э.<sup>2</sup> Они реконструировались, возводились новые, согласно старым античным традициям. По-видимому, то же было в Фанагории<sup>3</sup> и в других городах. В 1958—1959 гг. в Мирмекии были обнаружены комплексы жилищ I—III вв. н. э., по своей планировке почти не отличающиеся от домов предшествующего периода. В одном из них стены главного помещения были украшены росписью и

<sup>1</sup> В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 439—484.

<sup>2</sup> И. Т. Кругликова. Города Боспора в III в. н. э.—Сб. «Античный город». М., 1963, стр. 75.

<sup>3</sup> Там же, стр. 76.

штуковыми рельефными карнизами<sup>4</sup>, что характерно для богатых античных домов. Особенно интересно наблюдение В. Ф. Гайдукевича о временном прекращении жизни в городе в середине III в., тогда как в конце III или начале IV в. н. э. на месте разрушенных жилищ жизнь вновь возрождается<sup>5</sup>.

Раскопки последних лет позволили составить представление о позднеантичном периоде в истории Горгииппии, о которой раньше можно было судить только по письменным источникам. Расположенная на восточной окраине Боспорского царства Горгииппия была его важным опорным пунктом на Кавказе. Уже случайные находки на ее территории скульптур<sup>6</sup>, надписей<sup>7</sup> и архитектурных деталей<sup>8</sup> свидетельствовали о богатстве города и его эллинистическом характере. Раскопки курганов<sup>9</sup> и грунтового могильника<sup>10</sup> показали, что население города и его окрестностей было полностью эллинизировано. В результате раскопок последних лет удалось выявить, каков был облик города в позднеантичный период. Как и другие города Боспора, во II и в начале III в. Горгииппия была цветущим городом. Одна из главных улиц города, участок которой был открыт в 1963 г., имела ширину 7,5 м и была вымощена большими каменными плитами. Она вела к общественному центру города, в районе которого в 1961—1962 гг. были найдены остатки больших общественных зданий, мраморных статуй и рельефов, а также правительственные декреты и другие эпиграфические памятники. Раскопки вскрыли часть ремесленного квартала. В 1962 г. была раскрыта гончарная печь конца II — начала III в. н. э., в которой обжигали небольшие двуручные сосуды с оригинально изогнутыми ручками, по форме напоминающими звериные морды с глазами — налпами<sup>11</sup> (рис. 1, 7), небольшие глиняные алтари. В 1963 г. были найдены следы кузнечной мастерской, от которой сохранились железная наковальня, клещи и масса железного и бронзового шлака. К улице примыкали жилые дома. Ко II — началу III в. относятся статуэтки богинь, найденные при раскопках 1961—1962 гг. Два обломка мраморных статуэток<sup>12</sup> и небольшая бронзовая фигурка Афродиты Анадиомены со следами позолоты (рис. 2)<sup>13</sup>. Особенно интересные наблюдения сделаны в отношении событий III в. н. э. Исследовавшийся участок улицы существовал непрерывно с IV в. до н. э. до III в. н. э. Только новые

<sup>4</sup> В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия. — «Сообщения Государственного эрмитажа», XXIV, 1963, стр. 57.

<sup>5</sup> В. Ф. Гайдукевич. Отчет о работах Боспорской экспедиции в 1959 г. — Архив ИА АН СССР, д. Р1, № 9196, стр. 40—41.

<sup>6</sup> М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. — МИА, № 19, 1951, стр. 171; И. Т. Кругликова. Из раскопок в Анапе. — «Искусство», 1963, IX, стр. 67—68; ОАК за 1881 г., стр. IV.

<sup>7</sup> IOSPE, II, стр. 206—224, № 394—420; IV, стр. 237—254, № 430—445; В. И. Латышев. Неизданные горгииппийские надписи. — ИАК, вып. 37, 1910, стр. 36—63; Он же. Эпиграфические новости из южной России. — ИАК, вып. 58, 1915, стр. 33; А. И. Болтунова. Надписи Боспора. — ВДИ, 1959, № 4, стр. 92; Она же. Неизданные надписи Боспора. — Сб. «Нумизматика и эпиграфика», II, стр. 1951; Л. А. Ельницкий. Надпись под статуей из Анапы. — ВДИ, 1949, № 4, стр. 132.

<sup>8</sup> Собрание Гос. Анапского краеведческого музея.

<sup>9</sup> Раскопки Тизенгаузенца в 1881—1882 гг. — архив ИА АН СССР, д. Ф1, № 8—1882; ОАК за 1881 и 1882 г.; Раскопки Веселовского в 1894—1895 гг. и в 1903 г. — Архив ИА АН СССР, д. Ф1, № 65, 1894 г.; № 93, 1895 г.; № 14, 1903 г.

<sup>10</sup> Раскопки Н. В. Поздеевой в 1954—1956 и 1959 гг. — Архив ИА АН СССР.

<sup>11</sup> Аналогичной формы сосуд, но покрытый густым черным лощением, найденный в Анапе в 30-х годах XX в., хранится в Новороссийском музее.

<sup>12</sup> И. Т. Кругликова и Г. А. Цветасва. Раскопки в Анапе. — КСИА, вып. 95, 1963, стр. 69, рис. 26, 1 и 2.

<sup>13</sup> Изображение Афродиты Анадиомены воспроизводило фигуру богини по известной картине Аппелеса IV в. до н. э. Особенно популярен этот сюжет был в римскую эпоху (Ernst Pfuhl. *Melerei und Zeichnung der Griechen*, II. München, 1923, стр. 740). Часто встречаются аналогичные статуэтки, но лучше выполненные, на территории римских провинций (см. Миодрач Грбич и др. *Одобрена грчка и римска пластика у народном музеју у Београду*, табл. LXVI, кн. 4. Београд, 1958).

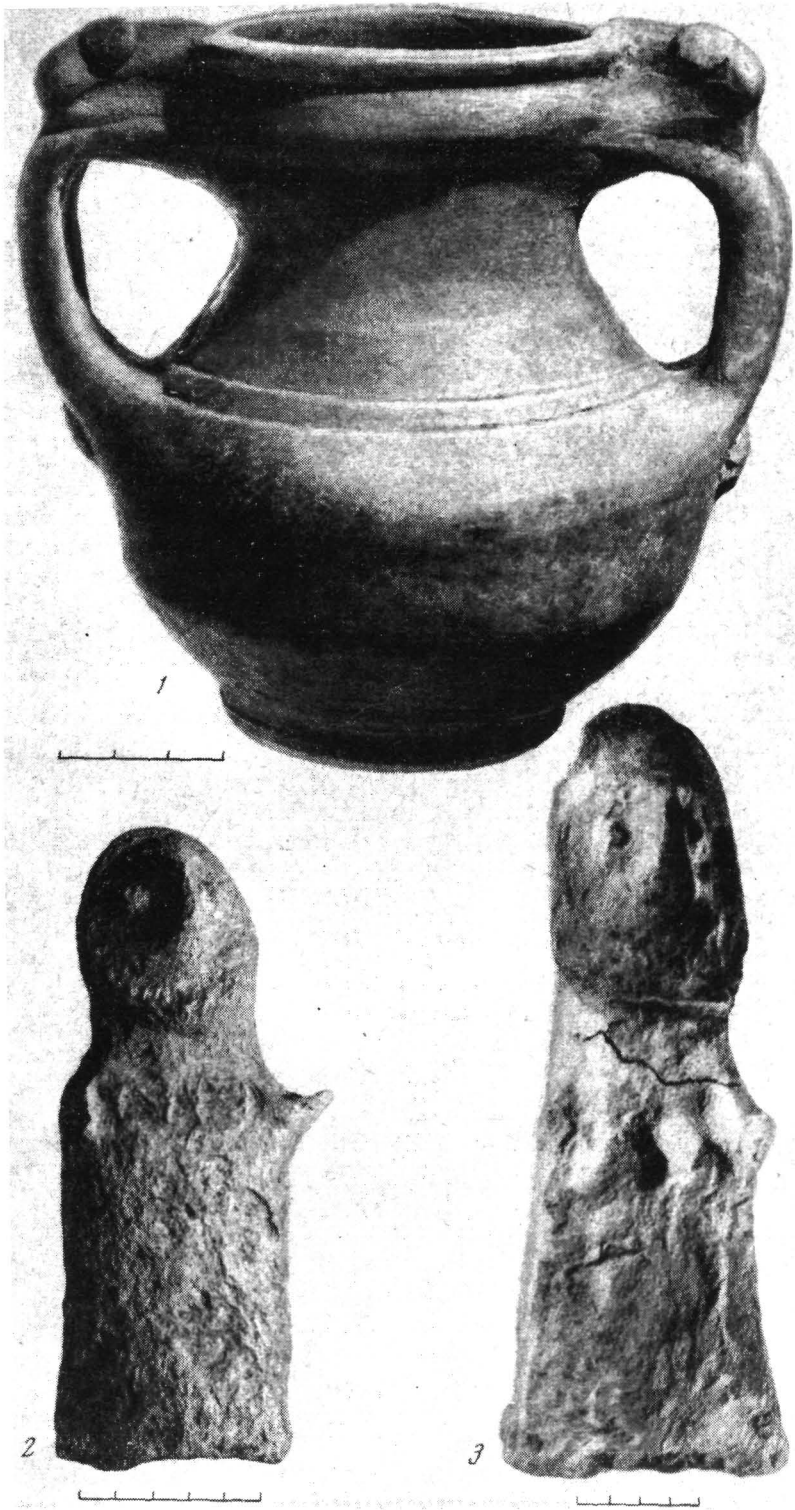


Рис. 1. Находки из Горгиппии

подсыпки периодически поднимали уровень мостовой. А в III в. на прекрасных каменных плитах вымостки была сооружена глинобитная стена какой-то незначительной постройки. Таким образом, существовавшая в течение 600 лет планировка города была нарушена. По-видимому, какая-то большая катастрофа произошла еще в первой половине III в. н. э. Неслучайно до сих пор не было найдено ни в Горгиипии, ни в ее ближайшем округе боспорских монет<sup>14</sup> или надписей<sup>15</sup>, относящихся к периоду после царствования Котиса III. Таким образом, можно предположить, что Горгиипия около 234 г. подверглась вражескому нападению и была разрушена. Именно к этому времени следует отнести первую волну зарытия кладов<sup>16</sup>. Жизнь в городе вскоре возобновилась, но в меньших масштабах. Может быть, Горгиипия перестала даже входить в состав Боспорского царства. Разрушение ее, по-видимому, произошло еще до так называемого готского нашествия и даже до разрушения Танаиса, относящегося к середине 40-х годов III в. н. э. В настоящее время мы не можем сказать, какие именно племена совершили это нападение. Мы можем только предположительно связать их с теми племенами, которые оставили клады и отдельные монеты так называемых варварских подражаний римским денариям<sup>17</sup>; можем предположить участие здесь аланских племен, проикновение которых на Кавказ уже в I в. засвидетельствовано письменными источниками<sup>18</sup>, а их возросшее значение и связи с Боспорским царством в начале III в. н. э.—эпиграфическими памятниками<sup>19</sup>. Очень интересны для истории позднеантичного Боспора и материалы, полученные Таманской<sup>20</sup> и Патрейской<sup>21</sup> археологическими экспедициями. Патрей, Кепы и другие поселения на азиатском берегу Керченского пролива, по-видимому, не испытали катастрофических разрушений во второй половине III в., в результате которых прекратили существование многие из поселений и малых городов европейской части Боспора<sup>22</sup>. Можно предположить, что его азиатская часть развивалась в это время спокойнее.

<sup>14</sup> О монетах Котиса III, Савромата III и Рискупориды III (IV) сообщает только Е. Е. Луценко в рукописи «Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах, частью в Новороссийском крае», хранящейся в Архиве ЛОИА АН СССР (ф. 28, д. 22, 1880, стр. 29—30). Наиболее поздняя из монет, найденных на территории Горгиипии, относится ко времени Рискупориды III.

<sup>15</sup> IOSPE, IV, стр. 433.

<sup>16</sup> Около 234 г., по-видимому, были зарыты клады, найденные в Керчи в 1863 и 1867 гг., в станице Усть-Лабинской в 1849 г. и в районе г. Анапы около 1852 г. (см. Е. Е. Луценко. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах, частью в Новороссийском крае.—Архив ЛОИА, ф. 1, д. 22, 1880 г., стр. 10, № 5, 6; стр. 27—28, № 3, 4).

<sup>17</sup> Последней из посвященных этим монетам работ является статья Л. Н. Казамаковой и В. В. Кропоткина «Варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса» (ВДИ, 1961, № 1, стр. 128). Там приводится и литература по этому вопросу. Эти подражания были найдены главным образом в Азиатской части Боспора и на Кавказе: в Новороссийске, в окрестностях Анапы (на городище у станиц Раевской и Гай-Калзор), в станицах Сенной и Крымской, а также в Чечено-Ингушской АССР и Грузинской ССР. В европейской части Боспора они зафиксированы только в Пантикапее и Тиритаке.

<sup>18</sup> Амн. Марс., XXIII, 5, 16.

<sup>19</sup> ИАК, вып. 40. СПб., 1911, стр. 112, № 28.

<sup>20</sup> См. Н. И. Сокольский. Отчеты о работе Таманской экспедиции в 1960—1963 гг.—Архив ИА АН СССР.

<sup>21</sup> А. С. Башкиров. Отчет о работе Патрейской археологической экспедиции в 1951 и 1961 гг.—Архив ИА АН СССР, л. Р—I, № 661, 238б.

<sup>22</sup> В 60—70-е годы прекратили свое существование: Илурат, Киммерик, поселения у деревень Семеновки, Мысовки, Ново-Отрадного. Были сильно разрушены: Пантикапей, Нимфей, Мирмекий; поселения у деревень Тасуново, Андреевки, Михайловки, Николаевки и другие также были разрушены в III в., однако данных для установления более точного времени их гибели недостаточно. Наиболее поздняя монета, найденная до настоящего времени в Нимфее, относится к правлению Иннифимеса (234—239 гг.), а в Мирмекии наиболее поздней является денарий Рискупориды III (210—226 гг.).



Рис. 2. Бронзовая статуэтка Афродиты из Горгиппии

Вряд ли можно объяснить случайностью, что клады, зарытые в 50—60-е годы III в., были найдены именно в европейской части Боспора<sup>23</sup>.

Результаты археологических раскопок заставляют по-новому взглянуть на вопрос о так называемом готском завоевании. По сведениям письменных источников первый морской поход варваров на боспорских судах произошел в 255 или 256 гг.<sup>24</sup> По свидетельству Зосима, бораны, воспользовавшись смутным временем и сменой царствующей династии<sup>25</sup>, на боспорских кораблях переправились в Азию и осадили Питиунт. Зосим сообщает, что пока на Боспоре были цари, получавшие власть по праву наследства от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых сношений и ежегодно присылаемых императорами даров они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали люди недостойные и потерянные, то, боясь за себя, они предоставили скифам переправиться через Боспор<sup>26</sup>. Это свидетельство хорошо подтверждается данными археологических раскопок. Бораны проникли к берегам Меотиды в середине 40-х годов III в., что совпадает с временем гибели Танаиса. Несколько лет они пытались прорваться в Азию, но им не удавалось. Когда же в 253—254 гг. на боспорском престоле появляется Фарсанз-узурпатор, не связанный с царствующей династией Тибериев-Юлиев, им удается войти с ним в соглашение. Это было соглашение, а не захват флота силой. Поэтому внутренние смуты не сопровождались разрушениями городов и поселений. По-видимому, отношения боспорской аристократии и племенной знати новых пришельцев не были враждебными, а позднее, возможно, они частично сблизились. Потрясения конца 60-х и 70-х годов, в результате которых погибли многие поселения, таким образом, следует связывать не с нападением боранов, а с вторжением других племен, вероятно, пришедших из восточных степей.

В культуре Боспора второй половины III в. не наблюдается сколько-нибудь сильного германского влияния, тогда как сарматские элементы там очень заметны, а в IV в. они еще более усиливаются. Период 50—70-х годов был наполнен потрясениями. К этому времени относится новая волна зарытия кладов<sup>27</sup>, что совпадает со свидетельством Константина Багрянородного о войне Боспора с Херсонесом и о поражении боспорян<sup>28</sup>. Уже упоминалось о разрушении в 70-х годах целой серии городов и поселений европейской части Боспора. Все это сопровождалось глубоким экономическим кризисом; ухудшением монетной чеканки, падением стоимости денег, длительными перерывами в чеканке монет, упадком торговли и ремесла. Несмотря на временные улучшения, выйти из кризиса Боспорскому царству так и не удалось. Боспорские города в IV в. н. э. еще продолжают оставаться центрами ремесла и торговли. Но в большей своей части они уже теряют античный облик. Изменяются художественные вкусы и религиозные представления граждан. Упадок строительного дела и искусства в значительной степени связаны с изменениями социального и этнического состава

<sup>23</sup> Среди них клады, найденные в Керчи в 1871 г. (см. Е. Е. Луценко. Указ. соч., стр. 15, № 11); в 1954 г. (см. Н. Э. Кунина. Керченский клад серебряных римских монет.—Сб. «Археология и история Боспора», II. Симферополь, 1962, стр. 329) и клад боспорских статов из Семеновки (И. Т. Кругликова. Клад. СА, 1958, № 6, стр. 134).

<sup>24</sup> А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954, стр. 93.

<sup>25</sup> Zosim, I, 32.

<sup>26</sup> Там же, I, 31, I—3.

<sup>27</sup> Клады, найденные в Тиритаке в 1937 г. (см. А. Н. Зограф. Тиритакский клад.—КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 59), в Судаке в 1959 г. (П. Н. Шульц. Доклад на секции нумизматики пленума ИА АН СССР в 1960 г.) и на Таманском п. о.—Сб. «Археология и история Боспора», II, стр. 343.

<sup>28</sup> Константин Багрянородный об управлении государством.—ИГАИМК, вып. 91, стр. 38.



городских жителей. В 30-х годах IV в. прекращается чеканка монет. На это время падает последняя волна зарытия кладов<sup>29</sup>. Накопление этих кладов происходило большей частью после 70-х годов III в., одновременно и в азиатской и в европейской частях Боспора, что свидетельствует об единстве социально-экономического развития обеих частей государств. За исключением Таракташского<sup>30</sup>, эти клады не включают римских императорских монет. Наиболее поздняя из монет Таракташского клада относится ко времени Константина (306—377 гг.), что свидетельствует о зарытии клада вскоре после окончания боспорской чеканки монет<sup>31</sup>. Хотя в могилах и склепах IV в. неоднократно находили римские монеты и их индикации, широкого распространения среди населения римские монеты не имели. В культурных слоях они встречаются единицами. По-видимому, это следует связать с социально-экономическими изменениями, произошедшими в IV в. н. э. в Боспорском царстве. С усилением натурализации хозяйства массы населения оказались исключенными из денежного обращения. Лишь для внешней и городской торговли в обращении сохранялось небольшое количество римских монет, которые обслуживали нужды аристократической верхушки боспорского общества. Судя по отсутствию в III в. боспорских монумиссий<sup>32</sup>, процесс вытеснения рабского труда трудом свободного или закрепощенного населения в основном был уже закончен. Из надписей известно о наличии зависимых земледельцев на храмовых землях<sup>33</sup> и о прикреплении освобожденных рабов к еврейским молельням, возможно, имевшим свои земельные владения<sup>34</sup>. С появлением новых социально-экономических отношений произошли и серьезные изменения в материальной и духовной культуре боспорского царства, наметившиеся уже в III в. н. э., но наиболее заметно проявившиеся в IV и V вв. н. э.

Для боспорской культуры позднеантичного периода характерна некоторая двойственность. Еще сохранялось преобладание античных традиций, которые все более и более угасали, но варварское, главным образом сарматское, влияние все более усиливалось. Это отчетливо заметно на изменении религиозных культов. В городах из многоликого Пантеона греческих богов почитались лишь несколько, получивших в большинстве случаев новое синкретическое содержание: Зевс, Гера, Посейдон, Афродита и Арей. Получили распространение новые синкретические божества Бог Всевышний и Бог Гремящий и особенно богиня Мать, поклонение которым, по-видимому, было связано с исполнением различных мистических культов. Уже в III в. получило распространение христианство, были и последователи иудейской религии. Но в сельских поселениях развивалась своя народная религия, связанная с поклонением высшему женскому божеству земледелия. Особенно интересна находка глиняных примитивных статуэток богини на поселении у дер. Семеновки. Там в различных помещениях было най-

<sup>29</sup> В настоящее время известно 11 таких кладов.

<sup>30</sup> А. Х. С т е в е н р. Таракташский клад.—ИТУАК, вып. 43. Симферополь, 1809, стр. 99.

<sup>31</sup> Последним годом чеканки монет считают сейчас 633 г. б. э. или 336 г. н. э. (см. К. В. Г о л е н к о. К хронологии заключительных монетных выпусков.—ЗОО, т. I, 1960, стр. 334), но между 332 и 336 гг., по-видимому, чеканки не производились.

<sup>32</sup> Подавляющее большинство известных нам боспорских манумиссий относится к I и началу II в. К перечисленным в статье В. Д. Блаватского «Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья» (СА, XX, 1954, стр. 31) следует добавить плохо сохранившуюся манумиссию, опубликованную В. В. Латышевым (IOSPE II, 53), и манумиссию 67 г. н. э., опубликованную Т. В. Блаватской (СА, XXVIII, 1958, стр. 91), кроме того, имеется ряд надгробий I—II вв., где упомянуты вольноотпущенники. Лишь одна из манумиссий (IOSPE II, 54) датирована В. В. Латышевым началом III в., но А. И. Болтунова относит ее ко II в. н. э.

<sup>33</sup> Б. И. Н а д е л ь. Об экономическом смысле оговорки  $\chi\omicron\rho\iota\varsigma$   $\epsilon\iota\varsigma$   $\tau\eta\nu$   $\pi\rho\omicron\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta\nu$   $\theta\alpha\lambda\epsilon\iota\alpha\varsigma$   $\kappa\alpha\iota$   $\pi\rho\omega\kappa\alpha\rho\tau\epsilon\rho\acute{\upsilon}\tau\epsilon\omega\varsigma$  боспорских манумиссий.—ВДИ, 1948, № 1, стр. 203.

<sup>34</sup> И. Т. К р у г л и к о в а. Позднеантичные поселения на берегу Азовского моря.—СА, XXV, 1956, стр. 254, рис. 11, б.

дено около 16 изображений богини (частично целых, частично в обломках) в виде идолов с уплощенными не расчлененными туловами, руками-выступами, с носом в виде защипа, глазами и грудью в виде налепов или бугорков (рис. 1, 2, 3). Подобные статуэтки найдены на поселениях у деревень Мысовой<sup>35</sup>, Тасуново<sup>36</sup>. Они близко напоминают антропоморфные статуэтки из Таврского святилища близ Ялты, из Елизаветовского и Краснодарского городищ, из Неаполя Скифского<sup>37</sup>. Распространение этих статуэток-идолов, по-видимому, связано с приходом на Боспор новых сарматских племен. В Неаполе-Скифском они найдены в здании, погибшем на рубеже II—III вв. н. э., на жертвенном месте среди костей барашков. В Херсонесе близкая по типу статуэтка найдена в доме III в. Но особенно интересны следы культовых действий, производившихся над статуэтками на поселении у дер. Семеновки. Там найдены фигурки, покрытые толстым слоем светлой обмазки типа гипса, покрывавшей несколькими пластами всю статуэтку без сохранения ее очертаний. Каждый из нанесенных пластов был покрыт красной краской. Возможно, культовые действия здесь носили элементы магии, и скрытие статуэтки имитировало скрытие в почве семян, до их прорастания. Во всяком случае эти действия были связаны с негреческими культами, распространившимися на Боспоре уже в первые века н. э. Особенно заметно варварское влияние сказалось на произведениях боспорских торевтов, изделия которых широко распространялись среди варварских племен. Их находят на территории от Казахстана до Венгрии. Именно в ювелирных изделиях особенно ярко проявляется влияние сарматских представлений и вкусов, способствовавших развитию своеобразного инкрустационного стиля, образцы которого так широко представлены в гробницах IV—V вв. Госпитальной улицы в Керчи<sup>38</sup>. Аналогичные им вещи часто встречаются в аланских могильниках Северного Кавказа<sup>39</sup>, в Казахстане, Поволжье, Подонье<sup>40</sup>, Поднепровье<sup>41</sup> и в других местах.

Варварская струя в культуре Боспора стала полностью преобладать после гунинского нашествия, в результате которого были разрушены поселения и европейской, и азиатской частей Боспора. В конце IV в. Боспор представляет собой уже не греко-варварское, а чисто варварское государство. Но старая боспорская династия Тибериев Юлиев, по-видимому, остается во главе государства. Об этом свидетельствует надпись Диуптуна, боспорского царя, сохраняющего в своем титуле старую формулу «друга цезарей и друга римлян»<sup>42</sup>. Названия должностных лиц, упоминаемых в этой надписи, говорят о тесных связях в это время Боспора с Византийской империей.

<sup>35</sup> И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения на берегу Азовского моря.—СА, XXV, 1956, стр. 254, рис. 11, 6.

<sup>36</sup> В. Д. Блаватский и Д. П. Шелов. Разведки на Керченском п. о.—КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 112, рис. 46.

<sup>37</sup> В. М. Маликов. Жертвенник из пригородного здания Неаполя Скифского.—КСИА АН УССР, вып. 11, Киев, 1961, стр. 64.

<sup>38</sup> А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб.—ИАК, вып. 17, СПб., 1905, стр. 115—126.

<sup>39</sup> П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа.—МАК, VIII, 1900; Т. М. Миннаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани.—МИА, № 23, 1951, стр. 273; Она же. Могильник Байтал-Чапкан.—«Сб. материалов по изучению ставропольского края», вып. II. Ставрополь, 1950.

<sup>40</sup> К. М. Скалон. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время.—«Археологический сборник», 2. Л., 1961, стр. 114; Она же. Изображение дракона в искусстве IV—V вв.—«Сообщения Гос. Эрмитажа», Л., 1962, стр. 41.

<sup>41</sup> С. И. Капошина. Золотые серьги из окрестностей Ольвии.—КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 103.

<sup>42</sup> IOSPE II, 49.

## II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

М. Н. ПОГРЕБОВА

## НЕСКОЛЬКО ИРАНСКИХ КИНЖАЛОВ НА КАВКАЗЕ

Среди бронзового оружия Закавказья и Северного Кавказа выделяется группа импортных кинжалов, впервые отмеченная А. А. Иессеном<sup>1</sup> и относящаяся к типу кинжалов, широко распространенных по всей Передней Азии, начиная со второй четверти II до начала I тыс. до н. э.<sup>2</sup> Эта общая датировка и переднеазиатское происхождение отмеченной группы кавказских кинжалов признаются всеми исследователями<sup>3</sup>. Настоящая работа посвящена вопросу о том, в какое время и из каких именно областей Передней Азии поступали на Кавказ эти кинжалы, во всяком случае одна из их разновидностей.

Кавказские кинжалы переднеазиатского типа неоднородны по форме. Наиболее широко представлена группа кинжалов, главным образом случайных находок, происходящая из разных мест Закавказья и Северного Кавказа. Это кинжалы из могильника Кизил-Банк (Нахичеванская АССР)<sup>4</sup>, из селения Богви (ГССР)<sup>5</sup>, из Армении (Эчмиадзинский музей, Артик. Лчашен)<sup>6</sup>, Мильской степи<sup>7</sup>, из могильника Фаскау (два) в Северной Осетии<sup>8</sup>, из Маджалиса (Даг. АССР)<sup>9</sup>, несколько отличающийся от остальных, но отнесенный к той же группе кинжал из Кумбулты<sup>10</sup> (рис. 3).

<sup>1</sup> А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 162—163.

<sup>2</sup> H. Bonnet. Die Waffen der Völker des ältesten Orients. Leipzig, 1926, S. 65; T. Meek. Bronze swords from Luristan.— «Bulletin of the American School of Oriental Research», 1939, № 74, April, p. 7—11; R. Dussaud. Дополнение к статье: C. Schaeffer. Les fouilles de Minet el Beida et de Ras Shamra.— «Syria», X, Paris, 1929, p. 299; R. Maxwell-Hyslop. Daggers and swords in Western Asiae.— «Iraq», VIII, 1946, p. 1—65 и др.

<sup>3</sup> Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, № 23, 1951, стр. 168.

Правда, последние находки в Армении позволили выдвинуть гипотезу о местном производстве подобных кинжалов (С. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Автореферат дисс. Ереван, 1962, стр. 13; Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963), но в этом случае несомненно подражание импортным образцам.

<sup>4</sup> Е. И. Крупнов. Указ. соч., рис. 25, 5. ГИМ.

<sup>5</sup> Там же, рис. 25, 4. ГИМ.

<sup>6</sup> А. А. Мартиросян. Раскопки в Кировокане и некоторые памятники раннеурартского периода.— Известия АН Армянской ССР, 1956, № 9, стр. 81; С. Есаян. Указ. соч.; Т. С. Хачатрян. Указ. соч.

<sup>7</sup> И. М. Джафар-Заде. Элементы археологической культуры древней Мугани.— Известия АН Азербайджанской ССР, 1946, т. I, № 9, Музей истории Азербайджана.

<sup>8</sup> Е. И. Крупнов. Указ. соч., рис. 25, I, 2. ГИМ.

<sup>9</sup> А. А. Иессен. Указ. соч., рис. 27. Махачкалинский музей.

<sup>10</sup> Е. И. Крупнов. Указ. соч., рис. 25. ГИМ.

Все перечисленные кинжалы имеют прямой ствол рукоятки, четко отделенное навершие, рикассо, то есть нижнюю часть рукоятки, охватывающую верхнюю часть клинка<sup>11</sup>, резко отделенную от ствола рукоятки. Узкие закраины расположены по всей рукоятке и на рикассо расширяются в так называемые крылья. Клинки узкие, прямые или чуть овальные в плане, составлявшие, по-видимому (сейчас концы обломаны), две трети длины всего кинжала, которая достигала приблизительно 40 см. Все клинки имеют срединное узкое ребро, или сильно выпуклое или прорезанное двумя параллельными бороздками. Все кинжалы были в употреблении.

Кинжал из Кумбулты отличается узким рикассо (2,5 см при обычной ширине 3 см). Самая рукоятка очень тонка в сечении (3 мм). Закраины на стволе рукоятки сейчас отсутствуют, но следы их можно заметить. Плохо сохранились остатки крыльев на рикассо. На рукояти есть сквозные отверстия от гвоздиков, удерживавших инкрустацию. Следов ребра на сильно стертом клинке не видно. Навершие расширяется слабее, чем у остальных кинжалов этой группы. Создается впечатление, что кумбултский кинжал больше, чем остальные, пострадал от времени.

Кинжалы с четко выделенным рикассо хорошо известны в Сирии, Ассирии и Иране. Очевидно, в пределах этих областей и следует искать родину импортных кавказских кинжалов<sup>12</sup>.

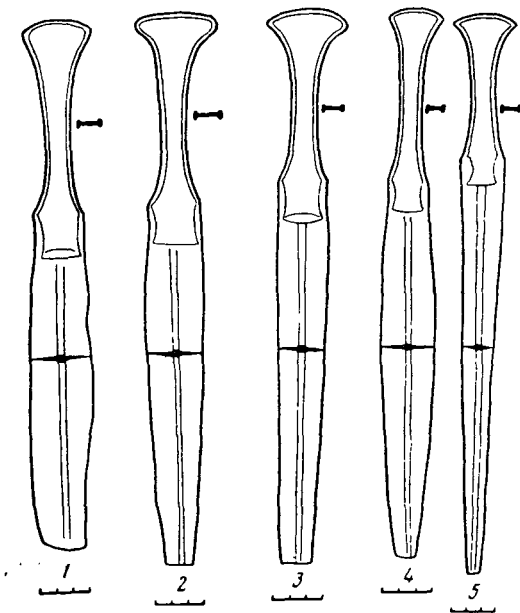


Рис. 3. Кинжалы переднеазиатского типа, найденные на Кавказе

1, 2 — могольник Фаскау (Сев. Осетия); 3 — Богви (Грузинская ССР); 4 — Кизыл-Ванк (Нахичеванская АССР); 5 — Маджалис (Дагестанская АССР)

В литературе было высказано предположение об ассирийском происхождении кавказских кинжалов<sup>13</sup>.

К сожалению, ассирийские кинжалы лучше всего известны по изображениям на каменных рельефах IX—VII вв. до н. э., что, конечно, затрудняет их типологическую характеристику. Тем не менее ясно выделяются две разновидности кинжалов — с четко выделенным полукруглым навершием и округлым, расширяющимся книзу стволом рукояти и с прямым стволом рукояти, мало выделенным навершием и прямоугольным рикассо<sup>14</sup>. Известно несколько подлинных экземпляров обеих разновидностей.

Так, к первой разновидности относится миниатюрный (15 см) кинжал из храма Ану-Адада<sup>15</sup>, найденный вместе с миниатюрным топором в храме

<sup>11</sup> J. F. Haskins. Northern origin of «Sasanian» metalwork. II *Artibus Asiae*, XV, № 4, 1952, p. 14.

<sup>12</sup> В других местах кинжалы с четко выраженным рикассо встречаются лишь изредка и нередко совпадают по форме с кинжалами указанных областей.

<sup>13</sup> А. А. Мартиросян. Указ. соч., стр. 80.

<sup>14</sup> Perrot et Chipiez. *L'histoire de l'art dans l'antiquité*. Paris, 1884, II, 43, 4; *The Assyrian sculptures in the British Museum*, pl. 6, и др.

<sup>15</sup> Andrae. *Anu-Adad Tempel in Assur*. Leipzig, 1909, S. 53.

Салманасара III, очевидно, ошибочно названным Андре Салманасаром II, что и определяет дату кинжалчика концом IX в. до н. э. (рис. 4, 1).

Форма рукоятки в сочетании с клинком, имеющим ромбическое сечение, не дает никаких оснований для сравнения кинжалов этой разновидности с кавказскими. Многочисленные аналогии этой формы известны среди иранских кинжалов (см. ниже).

Ко второй разновидности относится хорошо известный кинжал из Ниневии, опубликованный Лэйердом<sup>16</sup> (рис. 4, 2). Для чего характерно четко выделенное прямоугольное рикассо, без крыльев; ствол рукоятки прямой, голько слегка расширяющийся вверх и равномерно сужающийся к острию клинок без центрального ребра. Относится он к началу I тыс. до н. э.<sup>17</sup>

Эта разновидность ближе остальных к найденным на Кавказе кинжалам, но целый ряд деталей сильно отличает их, например, короткий ствол рукоятки и очень слабо расширяющееся навершие, что заметно даже на рельефах и особенно четко видно на ниневийском экземпляре.

Нельзя также не учитывать, что оружие подобного типа было в Ассирии скорее всего не боевым, а ритуальным. Так, в изображениях на рельефах это оружие не воинов, а крылатых гениев, мифологических существ, носящих их, как правило, по два, за поясом. О том же свидетельствует и находка вотивного кинжалчика, форма которого явно связана с более древними экземплярами соседних областей и к IX в. уже становится пережиточной.

Все эти соображения не позволяют считать кавказские импортные кинжалы ассирийскими и датировать их IX—VIII вв. до н. э.

Сиро-палестинские кинжалы известны в значительно большем количестве и по форме делятся в основном на три группы (рис. 4).

Кинжалы первой группы имеют закраины для удержания инкрустации по всей рукоятке, отличающейся прямым стволом с рикассо и слабо выраженным навершием и в свою очередь разделяются на две подгруппы: А — с глубокими закраинами-крыльями на рикассо и В — без крыльев. Рикассо с крыльями, как правило, плавно переходит в ствол рукоятки. Клинки все, за редким исключением, узкие, с параллельными, сужающимися к концу сторонами и чаще всего без центральных ребер. Навершие, как правило, выражено слабо, за исключением наверший «рогатых» кинжалов<sup>18</sup>. Кинжалы этой группы четко датируются серединой, началом второй половины II тыс. до н. э.<sup>19</sup> (рис. 4, 3—10).

К более раннему времени — концу III<sup>20</sup> — началу II<sup>21</sup> тыс. до н. э. относятся уже упомянутые выше кинжалы «с рогами» (рис. 5, 7—8). Все кинжалы этой группы по форме сильно отличаются от кавказских.

Вторая группа сиро-палестинских кинжалов (рис. 4, 14—19) отличается характерными формами рукояток, присущими именно этой области. Захваты для удержания инкрустации расположены по всей длине рукояток, имеющих плавно вогнутые стороны ствола, сильно расширяющегося вверх и вниз. Основание рукоятки не охватывает верхнюю часть клинка, а четко отделяется от него и нередко бывает даже шире, чем клинок. Клинки большей частью плоские, с уплощенно-линзовидным сечением. Срединные ребра очень редки.

Как уже было отмечено, кинжалы таких форм встречены главным образом в Сирии и Палестине. Это дает основание отнести кинжал неизвест-

<sup>16</sup> L a y a r d. The monuments of Nineveh, p. 338—348, pl. 96.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> R. M a x w e l l - H y s l o p. Указ. соч., стр. 34.

<sup>19</sup> R. D u s s a u d. Указ. соч., стр. 299; XVI, 1934, я. 187; C. S c h a e f f e r. Stratigraphie comparée et chronologie dans l'Asie Occidentale. Paris, 1948, p. 84; «Antiquaries journal», 1939, XIX, p. 28, pl. 84.

<sup>20</sup> Кинжал продемонстрирован Е. И. Крупновым на докладе о поездке в Сирию, прочитанном на заседании Ученого Совета Института археологии АН СССР в 1962 г.

<sup>21</sup> C. S c h a e f f e r. Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit.—«Syria», XIX, 1938.

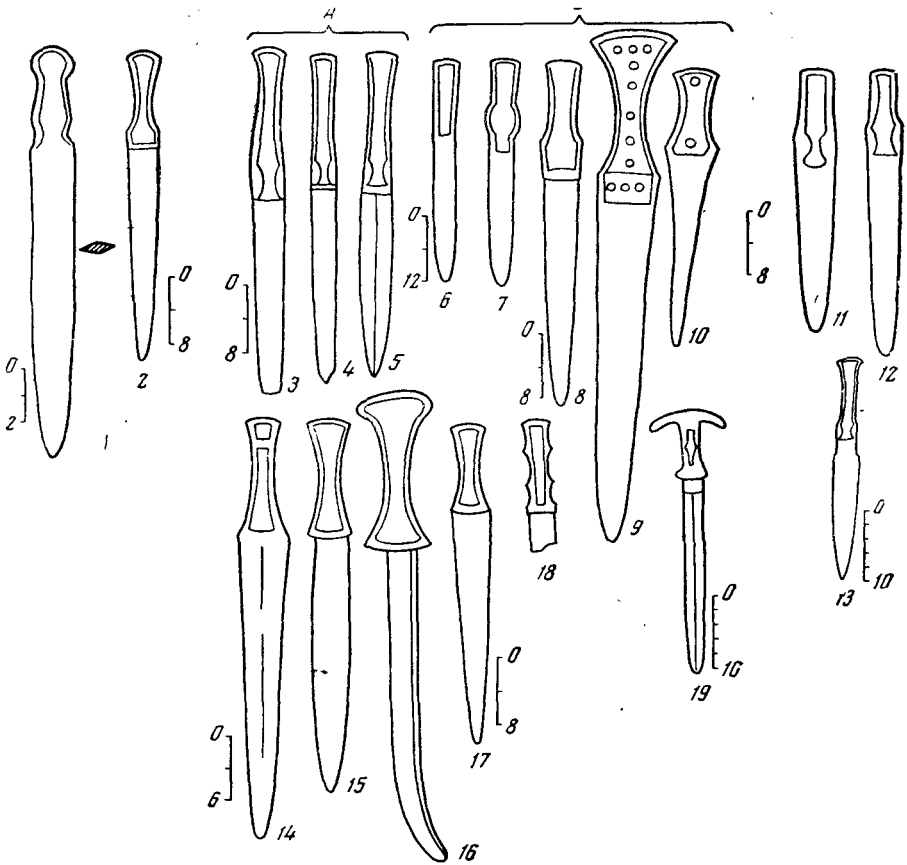


Рис. 4. Кинжалы из Ассирии (1—2), Сирии и Палестины (3—19)

ного происхождения из Британского музея, опубликованный Петри<sup>22</sup>, (рис. 4, 17) к сиро-палестинским. Он является почти полной аналогией кинжалу из Мегиддо (рис. 4, 14).

Основная масса этих кинжалов датируется XV—XII и преимущественно XIV в.<sup>23</sup>

Наиболее интересна третья, очень немногочисленная группа сиро-палестинских кинжалов. Это кинжалы с удлиненным, четко выделенным рикассо и крыльями. Кинжал из Рас Шамры<sup>24</sup> (рис. 4, 11—13) имеет короткий широкий клинок, чем сильно отличается от кавказских. Значительно ближе к ним кинжал, хранящийся в Бейрутском музее<sup>25</sup>, и два других кинжала из Рас Шамры<sup>26</sup>. Кинжалы этой группы относятся ко второй половине II тыс. до н. э.<sup>27</sup> Близость этих кинжалов к закавказским позволяет ставить вопрос о едином источнике их происхождения. Однако нужно учитывать, что в районе Сирии и Палестины кинжалов подобной формы известно очень мало и все они резко отличаются от остальных, более распространённых сиро-палестинских кинжалов.

<sup>22</sup> Petrie. Tools and Weapons. London, 1912. pl. XXXIII, 30.

<sup>23</sup> C. Schaeffer. Les fouilles...—«Syria», XIX, стр. 239; Macalister. Excavations of Geser, p. 376; H. Bonnet. Указ. соч., стр. 46; The Illustrated. London News, 1927, november, 12, p. 859.

<sup>24</sup> C. Schaeffer. Les fouilles...—«Syria», XIII, pl. X.

<sup>25</sup> Демонстрирован Е. И. Крупновым на докладе о поездке в Сирию.

<sup>26</sup> C. Schaeffer. Les fouilles..., стр. 13, 14.

<sup>27</sup> Там же. Тем же временем датирован кинжал Бейрутского музея (по сообщению Е. И. Крупнова).

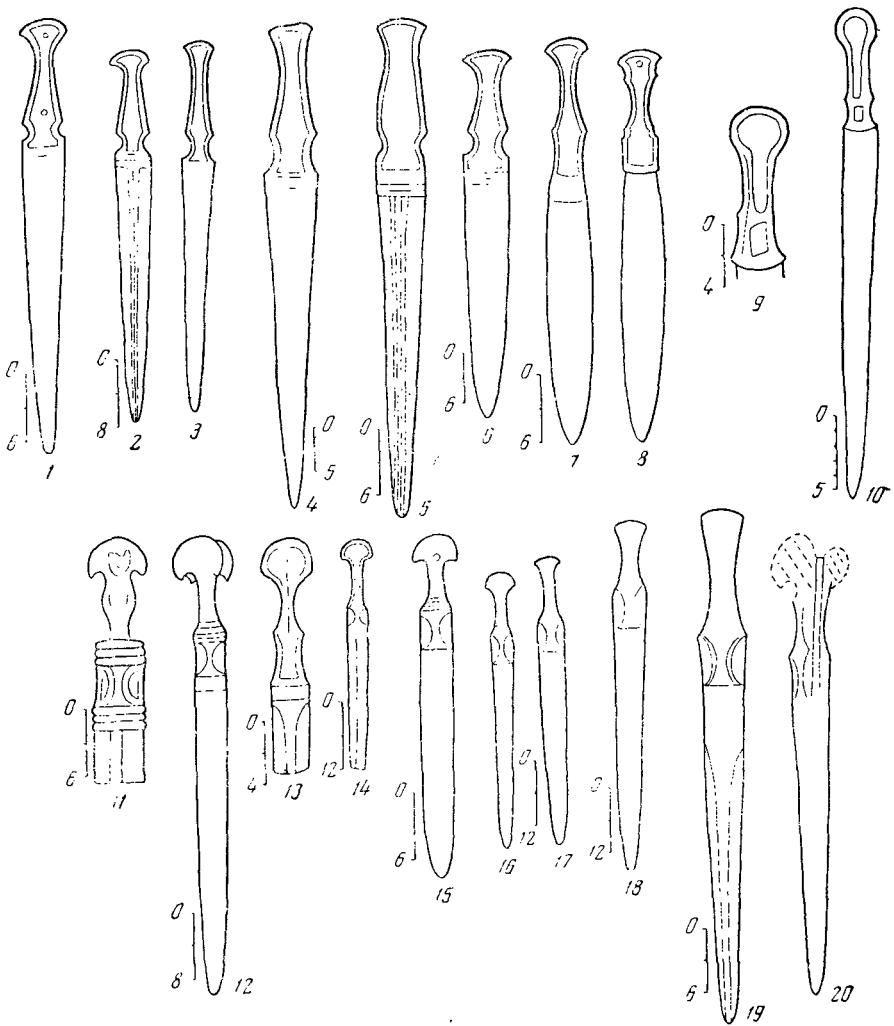


Рис. 5. Кинжалы из Ирана

Инкрустированные кинжалы, известные с территории Ирана, также могут быть разделены на три основные группы.

Кинжалы первой группы отличаются изящными очертаниями рукояти, имеющей двухстороннюю выемку у основания ствола, очевидно для лучшего упора пальцев, и сужающейся к верхнему концу, после чего она вновь расширяется в полукруглое навершие. Нередко имеется рикассо. Клинки или длинные, с параллельными суживающимися к острию, или же с выпуклыми сторонами. Некоторые из них имеют срединные ребра (рис. 5, 1—10).

Именно эти кинжалы, и в частности кинжал из некрополя „В“ Тепе Сялка, близки уже упоминавшемуся ассирийскому кинжалу из храма Ану-Адада.

В целом кинжалы этой группы бытовали главным образом в конце II — начале I тыс. до н. э.<sup>28</sup> и, судя по надписям, были, возможно, связаны своим происхождением с Вавилоном.

Кинжалы второй группы характеризуются рукоятками с закраинами для удержания инкрустации в виде далеко выступающих крыльев, распо-

<sup>28</sup> Т. Меек. Указ. соч., стр. 10. H. R. Dussaud. Указ. соч., стр. 299. Chirshmann. Fouilles de Tepe Sialk, pres de Kashan. Paris, 1931, p. 93.

женных только в нижней части рукоятки, на рикассо. Ствол рукоятки, как правило, значительно тоньше рикассо и отделен от него очень резко. Нередко между рикассо и стволом располагается валик. Навершие сильно расширяется, принимая иногда веерообразную форму. Иногда ствол и навершие инкрустации вообще не имеют. Клинки прямые с параллельными сторонами, сужающимися к острию, иногда имеют хорошо выраженное ребро.

Вариантом этой группы являются кинжалы, имеющие закраины по всей рукоятке, но также четко выраженное рикассо с крыльями и довольно четко расширяющимися навершиями (рис. 5, 18—20). Они напоминают сириано-палестинские кинжалы третьей группы.

Эта форма является переходной между второй и третьей группой иранских кинжалов переднеазиатского типа.

Датируется вторая группа в основном серединой и второй половиной II тыс. до н. э.<sup>29</sup> и представлена главным образом луристанскими экземплярами.

Третья группа иранских кинжалов принадлежит к наиболее широко распространенной по всей Передней Азии категории кинжалов переднеазиатского типа. Ряд переходных форм показывает типологическую связь этой группы с только что рассмотренной, более своеобразной группой иранских кинжалов.

Кинжалы третьей группы характеризуются наиболее простыми очертаниями рукояток и являются, очевидно, рядовым оружием. Закраины располагаются, как правило, по всей рукоятке. Подгруппа III-A объединяет кинжалы с крыльями на рикассо, плавно переходящими в ствол рукоятки. Навершие расширяется больше или меньше, но не образует при этом сложных форм (рис. 6, 1—8).

Кинжалы подгруппы III-B не имеют крыльев и навершие их расширяется меньше, чем в подгруппе III-A. Характерны некоторые экземпляры, рикассо которых переходит в рукоятку не плавно, а под тупым углом, что делает их похожими на кинжалы группы II.

Клинки у кинжалов обеих подгрупп длинные и узкие. Некоторые из них, главным образом происходящие из Луристана, имеют срединные ребра. Датируются кинжалы этой группы в основном концом II тыс. до н. э.<sup>30</sup>

Из этого краткого обзора видно, что все отличительные особенности кавказских импортных кинжалов, взятые вместе, наиболее характерны для иранских кинжалов, в частности, для тех, которые выделены здесь во вторую группу, то есть преимущественно луристанские. Именно для них характерны удлиненные рикассо с крыльями, четко отделяющимися от значительно более тонкого ствола рукоятки. Этот принцип четкого отделения рикассо связан, по-видимому, с характерной формой луристанских кинжалов и мечей, имеющих удерживаемую крыльями инкрустацию только на рикассо, что делает рикассо особенно выделяющейся частью рукоятки. Как отмечалось, рикассо в луристанских кинжалах нередко отделено от ствола рукоятки еще и особым валиком. Этот же принцип удерживается и на переходных от второй к третьей группе кинжалов. При общем упрощении формы кинжалы переходного типа, несущие инкрустацию по всей рукоятке, сохраняют это удлиненное, четко выделенное рикассо и длинный тонкий ствол рукоятки (навершие их иногда было двуструбным или веерообразным, но это достигалось за счет материала инкрустации).

Четко выделенное навершие также особенно характерно для двух первых групп иранских (особенно луристанских) кинжалов, что может быть связано с нередким для Луристана фигурным оформлением наверший кинжалов.

<sup>29</sup> C. Schaeffer. Les fouilles...— «Syria», XIV, t. 1—2; Максвелл (Указ. соч., стр. 36) относит подобные кинжалы к 1200—600 г., но верхняя дата представляется малообоснованной.

<sup>30</sup> R. Dussaud. Указ. соч.; Schaeffer. Stratigraphie comparée..., p. 431.



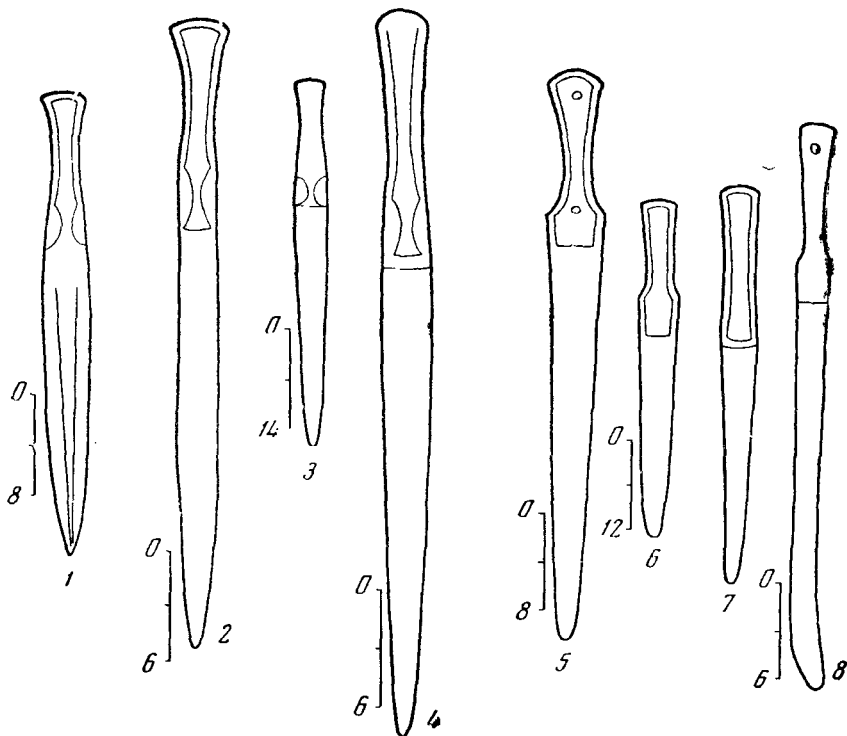


Рис. 6. Кинжалы из Ирана

Обе разновидности клинков кавказских кинжалов также находят ближайшие аналогии в иранских клинках. Луристанские клинки с прямыми узкими клинками того же типа, что Дагестанский (Маджалис) и армянские (Эчмиадзинский музей) клинки имеют ширину, которая составляет от  $\frac{1}{16}$  до  $\frac{1}{18}$  всей длины кинжала, тогда как ширина, например, сирийских клинков колеблется от  $\frac{1}{16}$  до  $\frac{1}{9}$  длины клинка с преобладанием средних цифр. К сожалению, почти все кавказские кинжалы обломаны, но, восстанавливая их примерную длину и сравнивая ее с шириной клинков, мы получим примерно те же цифры, что и для иранских кинжалов.

Самая форма узких и длинных клинков этих кинжалов с параллельными сторонами находит аналогии в Луристане, так же как и клинок Кизил-Ванкского кинжала, имеющего округлые выпуклые стороны, особенно расширяющиеся к середине клинка и сужающиеся к его острию (подобные клинки имеют кинжалы из Фаскау и Богви, но там эта выпуклость выражена менее резко). Не менее характерной деталью является и наличие ребра, выпуклого или резко очерченного. Центральные ребра чаще всего встречаются на иранских, в частности луристанских, кинжалах и мечах<sup>31</sup>.

Конечно, приведенный здесь материал далеко не полон, но основным критерием должна в данном случае являться устойчивость и закономерное развитие перечисленных выше основных особенностей описываемых кинжалов именно в иранском оружии.

Все это позволяет выдвинуть гипотезу об иранском, в частности луристанском, происхождении рассматриваемой группы кинжалов.

Большое сходство всех кавказских кинжалов между собой позволяет предполагать их вывоз из одного или нескольких близких центров и, оче-

<sup>31</sup> Ребра встречаются, как правило, на талышских кинжалах и мечах, но их форма резко отличается от формы рассматриваемой группы кавказских кинжалов.

видно, в близкое время. Этот вывоз должен был осуществляться, судя по дате иранских кинжалов, в конце II тыс. до н. э.

Характерно, что хотя луристанские кинжалы и проникли на Кавказ далеко на север, — от Мильской степи и Нахичевани до Северной Осетии, все они, за исключением одного, сосредоточены главным образом в восточной части Кавказа, очевидно, связанной с Ираном особенно тесно. Это не единственный пример проникновения иранских вещей и иранского оружия на Кавказ, главным образом в восточную его часть, в конце II — начале I тыс. до н. э. Именно из тесно связанного с Ираном Тальша попал в Северный Азербайджан кинжал переднеазиатского типа, отличающийся по форме от рассматриваемой группы<sup>32</sup>.

Проникали на Кавказ и луристанские мечи и кинжалы, отнесенные здесь ко второй группе<sup>33</sup>.

Ряд вещей как Кизыл-Ванкского могильника, так и могильника Фаскау открывает несомненные связи с Луристаном. Таковы булавки с пятиконечными головками, булавки с головками в виде птичек и др.

Несомненно, что кавказско-луристанские связи, на которые уже было обращено внимание<sup>34</sup>, были не менее интенсивны, особенно в конце II тыс. до н. э., чем связи Кавказа с южными и юго-западными районами, то есть с Ассирией и Урарту, усилившиеся главным образом в начале I тыс. до н. э.<sup>35</sup>

---

<sup>32</sup> М. Н. Погребова. Кинжал переднеазиатского типа из Кедабекского могильника в Северном Азербайджане. Труды ГИМ, вып. 37, 1960, стр. 60—67.

<sup>33</sup> М. Н. Погребова. Некоторые формы Закавказского оружия раннескифского времени. — КСИА, вып. 89, 1962, стр. 22—29.

<sup>34</sup> F. N a ñ a r. *Kaukasus. Luristan.* — *ESA*, IX, 1934, S. 47—108.

<sup>35</sup> Так как остальные кавказские кинжалы переднеазиатского типа четких и бесспорных аналогий в Передней Азии пока не имеют и, может быть, частично являются местными вариантами этого типа, я не буду здесь останавливаться на них подробно. Отмечу только, что для двух из них — кинжала из Квасатели и обломка кинжала из Рачи можно предположить сиро-палестинское происхождение. В таком случае упомянутые кинжалы должны были попасть на Кавказ раньше луристанских, очевидно, в середине II тыс. до н. э.

И. Т. ЧЕРНЯКОВ

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ НАВЕРШИИ  
ИЗ КРАСНОМАЯЦКОГО КЛАДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

В составе известного Красномаяцкого клада<sup>1</sup> имеется половинка литейной формы для отливки предмета, который был определен как «навершие» (рис. 7, 3). Такое определение впервые было сделано при записи материалов в инвентарной книге Одесского археологического музея после поступления клада в музей<sup>2</sup>. Описавшая затем Красномаяцкий клад, И. В. Фабрициус вслед за инвентарной описью утвердила это определение<sup>3</sup>.

О. А. Кривцова-Гракова в своей монографии «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы» обратила особое внимание на литейную форму для отливки «навершия», которое, по ее мнению, являлось прототипом скифских бронзовых наверший<sup>4</sup>. В составе Красномаяцкого клада находилась керамика сабастиновского типа<sup>5</sup>. На этом основании О. А. Кривцова-Гракова совершенно правильно отнесла клад к выделенному ею в Северо-Западном Причерноморье сабастиновскому этапу срубной культуры<sup>6</sup>. Но сабастиновский этап ею был датирован сравнительно поздним временем X—VIII вв. до н. э.<sup>7</sup> Одним из аргументов такой поздней датировки сабастиновского этапа было наличие в Красномаяцком кладе разных блях и особенно «навершия», имеющих якобы аналогии среди бронзовых предметов скифского времени<sup>8</sup>. «Навершие» Красномаяцкого клада как нельзя лучше подходило для подтверждения такой поздней датировки, генетически связывая отдельные типы изделий сабастиновского этапа поздней бронзы со скифскими бронзовыми предметами. Однако в результате новейших исследований было доказано, что памятники сабастиновского типа

<sup>1</sup> T. Sulimírski. Die thrako-kimmerische periode in Südostrpollen, Wiener Prähistorische Zeitschrift, XXV, 1938, стр. 146, табл. III, 10; А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 27; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 37—38, табл. XIX—XX; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.—МИА, № 46, 1955, стр. 7, 133, 149, рис. 30, 1—14.

<sup>2</sup> Фонды ОГАМ, Научный архив, № 105, Инвентарная книга, отдел I (Предметы каменного века), стр. 162—164. Интересно, что автор записи не был уверен в своем определении и после слова «навершие» поставил вопросительный знак.

<sup>3</sup> И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 38, табл. XX, 6.

<sup>4</sup> О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 133.

<sup>5</sup> Там же, стр. 136, рис. 30, 11, 12.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же, стр. 7.

<sup>8</sup> Там же, стр. 7, 133.

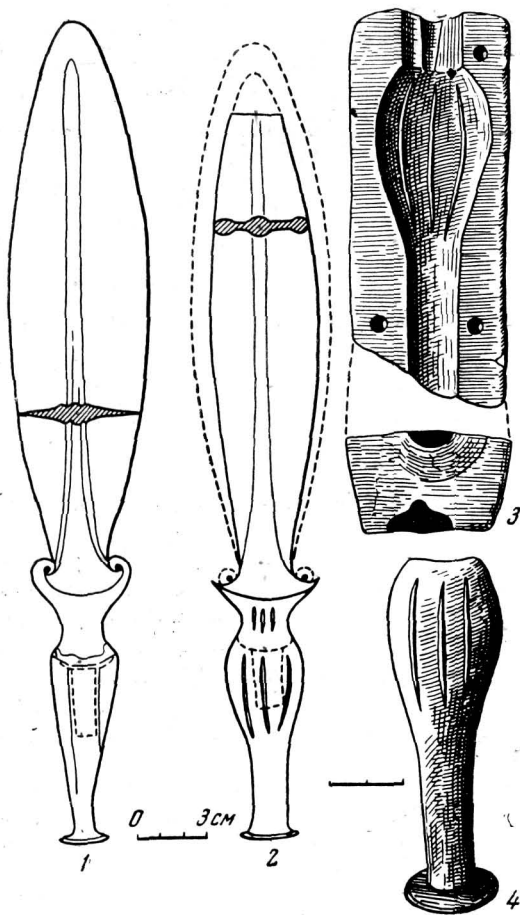


Рис. 7. Кинжалы и литейная форма поздней бронзы

1 — кинжал-меч с металлической рукоятью из Ингульского клада; 2 — реконструкция кинжала-меча с рукоятью по гипсовым отливкам из литейных форм Красномаизского клада; 3 — литейная форма для отливки рукоятки кинжала из Красномаизского клада; 4 — гипсовый слепок рукоятки кинжала

вана. На одной плоской стороне вырезан негатив узкого кельта<sup>15</sup>, на второй — негатив для отливки так называемого навершия, которое представляет собой стержень с утолщением, украшенный с двух сторон тремя продольными выступами. Длина негатива — 9 см, длина утолщения — 4 см, диаметр утолщения — 3,2 см, длина стержня — 5 см, диаметр его —

в Северо-Западном Причерноморье являются более ранними<sup>9</sup>, чем это предполагала О. А. Кривцова-Гракова. Специального пересмотра заслуживает и вопрос о «навершии» из Красномаизского клада.

При тщательном осмотре литейной формы вызывает сомнение уже само определение данного изделия как «навершия». Приведенные О. А. Кривцовой-Граковой<sup>10</sup> в качестве аналогии скифские бронзовые навершия из собрания Ханенко<sup>11</sup> очень далеки от Красномаизского «навершия». В. А. Ильинская справедливо отвергла это определение и предложила считать данный предмет булавой<sup>12</sup>. Но и такое определение также вызывает возражения. Во-первых, для булавки «навершие» очень легко<sup>13</sup>, во-вторых, втулка у него находится со стороны утолщенной части и назначение стержня остается непонятным.

Попробуем подробно разобраться в том, что же представляло собой это загадочное изделие. Литейная форма в виде прямоугольной плитки сделана из светло-серого талька<sup>14</sup>. Ее размеры: длина — 10,5 см, ширина — 4,8 см, толщина — 2,5—2,8 см. Углы плитки закруглены, один угол отбит, поверхность хорошо зашлифована.

<sup>9</sup> Д. Я. Телегин. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я — «Археологія», Київ, 1961, XXI, стр. 3.

<sup>10</sup> О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 133.

<sup>11</sup> Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, 1907, табл. 1, 434, 435.

<sup>12</sup> В. А. Ильинская. Про скифські навершники. — «Археологія», XV, 1963, стр. 59, рис. 11.

<sup>13</sup> Вес около 40 г. (установлено путем взвешивания слепка из гипса).

<sup>14</sup> ОГАМ, инв. № 17967.

<sup>15</sup> И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 38, § 17, 18.

1,5 см. К верхней части негатива утолщения примыкает паз для вкладыша, который вставляли при отливании полости втулки<sup>16</sup>. Подобные пазы имеют все литейные формы для отливки кельтов и втульчатых копий<sup>17</sup>. Внизу по обе стороны негатива сделано два круглых углубления и вверху справа одно углубление для соединительных штифтов. Справа от негатива стержня — горизонтальная линия, вырезанная острым инструментом; она осталась на поверхности, вероятно, после разметки негатива. В нижней части негатив поврежден, вся его поверхность имеет следы прокаленности — несомненный признак использования формы для литья. Таким образом, вышеописанная плитка с негативом «навершия» представляет собой одну из половинок двусторончатой литейной формы<sup>18</sup>.

Особый интерес представляет нижняя часть литейной формы, где негатив для отливки стержня «навершия» выходит на торцовую часть плитки<sup>19</sup>. Литье в такой форме невозможно без опоры нижней части формы на какую-нибудь ровную поверхность, которая бы препятствовала вытеканию металла из литейной формы. На торце негатив стержня окаймляет углубление в виде полукруга (диаметр 3,2 см). При литье должно было получиться изделие в виде продольного круглого стержня с утолщением на одном конце и круглым пяточком на другом. Утолщение, украшенное шестью продольными выступами, имело поую втулку (рис. 7, 4). В результате такой реконструкции изделие, отлитое по негативу навершия, получается несколько иным, чем это представляли раньше. Но и ему трудно было бы найти объяснение, если бы не одна находка, позволившая, как нам представляется, решить этот вопрос.

В 1962 г. на берегу р. Громоклен (приток р. Ингул) у с. Антоновка Баштанского района Николаевской области был случайно найден клад изделий поздней бронзы<sup>20</sup>. В его составе имеется большой кинжал (рис. 7, 1), негативы аналогичных кинжалов которого есть в составе Красномаяцкого клада<sup>21</sup>. Существенной особенностью этого кинжала из Ингульского клада является то, что он имеет металлическую рукоять. При внимательном осмотре кинжала после очистки выяснилось, что рукоять отлита не вместе с клинком, а отдельно; затем она была надета на штырь для рукояти и заклепка<sup>22</sup>. Расклепанные за упор рукояти края втулки прочно соединили рукоять с клинком кинжала.

Рукоять представляет собой вытянутый восьмигранный стержень с постепенным утолщением к месту крепления с клинком и с круглым пяточком на конце. Взятая отдельно рукоять Ингульского кинжала имеет много общих черт с красномаяцким «навершием»; формы в целом почти одинаковые, размеры, втулка, утолщение, пяточок на конце. Правда, утолщение в красномаяцкой рукояти более резкое, вместо восьми ребер граней — шесть продольных выступов. Литье ингульской рукояти, вероятно, производилось так же, как и красномаяцкой.

Размеры стержня и упора одного из негативов кинжалов Красномаяцкого клада, кстати, совершенно сходного по форме и размерам с кинжалом

<sup>16</sup> Вкладыши для отливания полости втулки известны на Днепровском Правобережье (см. А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 112, рис. 78, 7, 8).

<sup>17</sup> См. о процессе литья: М. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1925, стр. 156—159, § 11—13, табл. 76.

<sup>18</sup> И. В. Фабрициус пишет о двух половинках литейной формы для отливки «навершия» (Указ. соч., стр. 38). Однако это утверждение не соответствует ни записи в старой инвентарной описи, ни современному наличию вещей в кладе.

<sup>19</sup> Торцовая часть хорошо обработана и имеет законченный вид.

<sup>20</sup> Э. А. Симонович. Ингульский клад (в печати).

<sup>21</sup> О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 134, рис. 30, 3—5.

<sup>22</sup> Неизвестно, заливали ли при этом во втулку рукояти расплавленный металл, или укрепляли ее только расклепыванием. Это можно было бы выяснить при продольном распиливании рукояти. На ингульском кинжале хорошо видны следы расклепывания, на месте соединения рукояти с клинком остался шов-трещина.

Ингульского клада, не противоречат тому, чтобы стержень этого кинжала с упором вошел во втулку рукояти этого же клада. Такая реконструкция Краснояцкого кинжала, сделанная по негативам для кинжала и рукояти, почти ничем не отличается от кинжала из Ингульского клада (рис. 7, 1, 2). Можно отметить также общность украшений в виде продольных выступов на рукояти. У всех негативов кинжалов Краснояцкого клада штыри для рукояти имеют небольшую длину (от 2,5 до 4 см); их можно было надежно закрепить, пожалуй, только в металлической рукояти, хотя не исключена возможность крепления и в костяных, деревянных рукоятях при дополнительной отковке штырьков для рукояти<sup>23</sup>.

Выяснение назначения загадочного изделия из Краснояцкого клада, которое оказалось не «навершием» и не булавой, а рукоятью для кинжала, раскрывает довольно сложную технику обработки металла в эпоху поздней бронзы, достигшую высокого развития в Северо-Западном Причерноморье<sup>24</sup>. Наши наблюдения над литейной формой Краснояцкого клада позволяют отклонить один из аргументов в пользу непосредственной связи памятников сабатиновского типа поздней бронзы со скифскими. Решить отдельно вопрос о датировке краснояцкой рукояти кинжала невозможно без определения хронологии больших кинжалов, а также всего комплекса вещей клада, что является предметом отдельного исследования.

---

<sup>23</sup> Как это сделано, например, на большом кинжале, найденном в с. Чутулешты Флораштского района МССР. См. И. Т. Черняков. Новые находки предметов поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье. КСОПИ, 1964, стр. 133, рис. 5, 1.

<sup>24</sup> А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 27.

М. И. МАКСИМОВА

МИФ О ПОХИЩЕНИИ ГАНИМЕДА  
В ПЕРЕДАЧЕ ВОСПОРСКОГО МАСТЕРА

Широкой известностью пользуется роскошная золотая диадема, найденная в 1879 г. в одной из гробниц Артюховского кургана на Тамани. По обилию затраченного на ее изготовление драгоценного металла, великолепию украшающих ее гранатов-альмандинов, по богатству форм и орнамента эта диадема занимает одно из самых видных мест среди памятников греческого ювелирного искусства эпохи эллинизма (рис. 8). Тем не менее одна ее деталь остается до сих пор необъясненной. Мы имеем в виду миниатюрную группу, находящуюся в самом центре налобной части диадемы, имеющей, согласно моде того времени, форму Гераклова узла<sup>1</sup>.

Группа изображает летящего с распростертыми крыльями орла, несущего в своих когтях нагого мальчика. При виде этой композиции вспоминается миф о похищении Ганимеда орлом Зевса. Однако скоро начинают появляться сомнения в правильности такого толкования. Согласно мифу, изложенному уже в Илиаде<sup>2</sup>, Ганимед происходил из Троянского царского рода. Зевс пленился необычайной красотой этого отрока и приказал своей священной птице орлу доставить Ганимеда на Олимп. Похищение состоялось в то время, когда мальчик пас стадо быков своего отца. На Олимпе Ганимед стал виночерпием богов и получил бессмертие. Согласно этому мифу, Ганимед всегда изображался в виде отрока, почти юноши; его постоянными атрибутами были фригийская шапка — намек на Троянское происхождение — и посох пастуха. Именно такими чертами Ганимед был охарактеризован в дошедшей до нас в римских копиях скульптурной группе, приписываемой знаменитому мастеру IV в. до н. э. Леохару, и представлявшей самый момент похищения. Эта композиция послужила образцом для последующих изображений того же сюжета, как это видно по многочисленным дошедшим до нашего времени изделиям прикладного искусства (рис. 10, 1)<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Ширина группы 0,055 м, высота — 0,038 м. Голова и туловище орла составлены из двух сформованных на матрицах и спаянных друг с другом половинок; ноги сделаны из золотой проволоки. Основу крыльев и распущенного веером хвоста составляют золотые листы; на них при помощи рубчатой проволоки нанесены контуры перьев, и перья заполнены зеленой, лиловой и розовой стекловидной массой. Фигурка мальчика целиком, кроме крыльев, отлита в форме и отделана резцом. Крылья сработаны отдельно и припаяны к спине мальчика.

<sup>2</sup> Ил., 20. 231.

<sup>3</sup> О Ганимеди и о его изображениях в греческом искусстве см.: Hellmut Sichtern a n n. Ganymedes. Berlin, 1953; Philippe Bruneau. Ganymède et l'aigle. Bull. de Corr. Hell, 1962, I, p. 193.

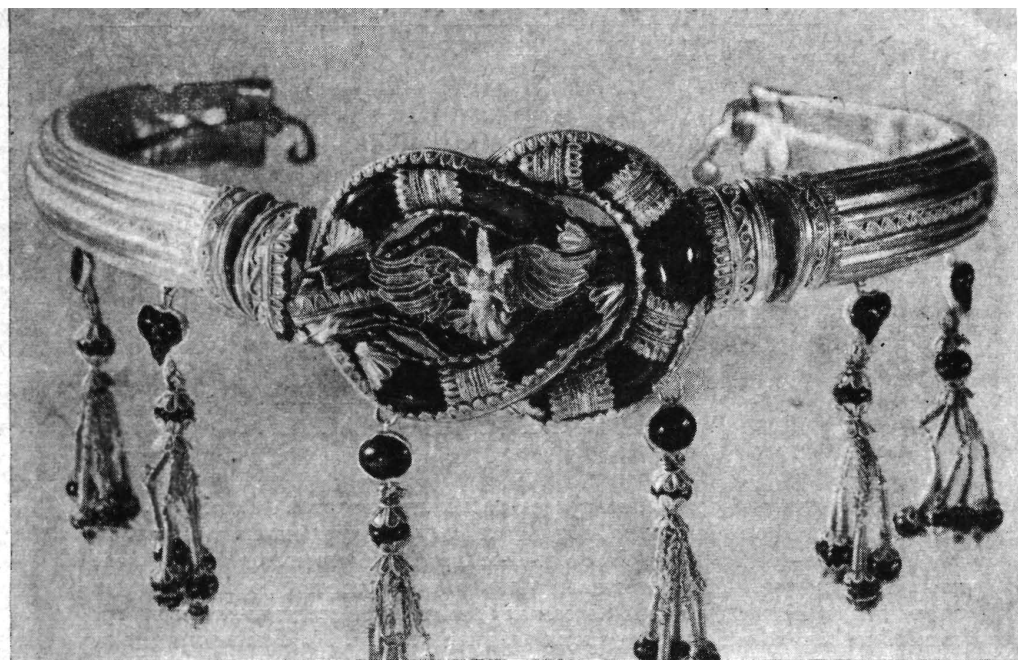


Рис. 8. Диадема из Артюховского кургана. Эрмитаж

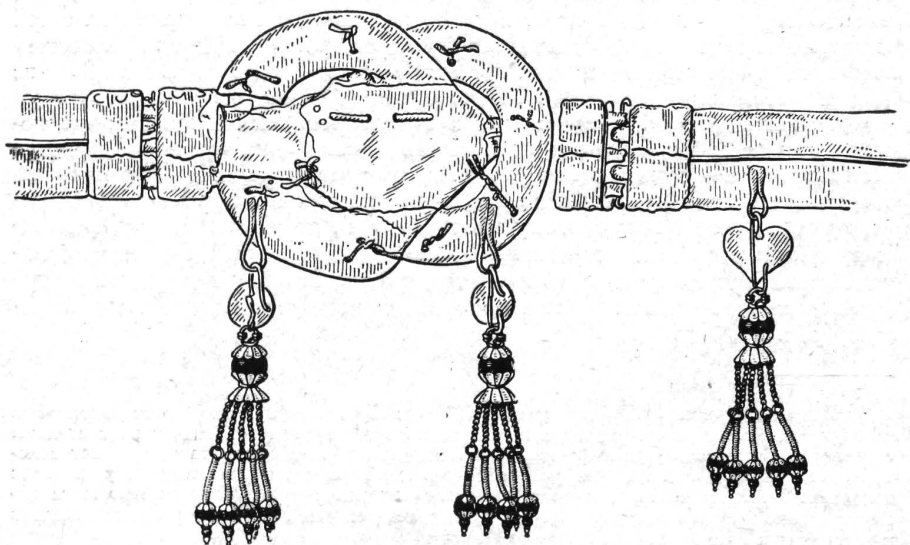
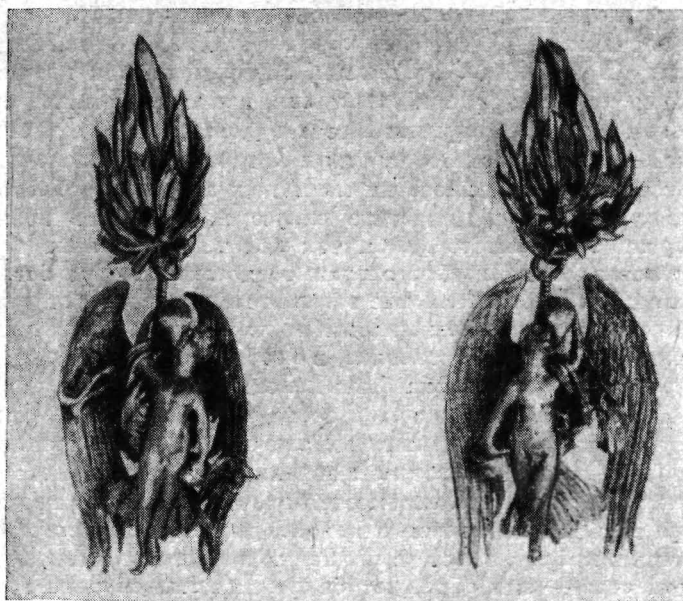


Рис. 9. Обратная сторона налбной части диадемы из Артюховского кургана





1



2

Рис. 10. Золотые серьги с изображением похищения Ганимеда IV в. до н. э. (1) Нью-Йорк, Метрополитенский музей; золотая подвеска от серег. Парящий Эрот (2). Британский музей

Однако мальчик нашей миниатюрной группы совсем не похож на традиционный образ Ганимеда. Прежде всего это не отрок, а примерно годовалый младенец с пухленьким, неразвитым тельцем. Нет при нем ни фригийской шапки, ни посоха. Зато за его плечами выросли крылышки — вещь для Ганимеда неслыханная. Следовательно, мальчик, которого несет орел, не может быть Ганимедом. Но в таком случае, кто же это? Неужели сам бог любви Эрот, которого античное искусство эпохи эллинизма и после-

дующих веков всегда изображало в образе шаловливого мальчугана с крылышками за плечами?

Первоиздатель диадемы Л. Стефани, большой знаток греческой мифологии, потратил немало труда и остроумия, пытаясь доказать существование греческого мифа о похищении Эрота орлом Зевса<sup>4</sup>. Однако ему пришлось в конце концов признать, что ни в литературном наследии, ни в античном искусстве не сохранилось ни малейших следов подобного сказания. Думается, едва ли можно допустить самую возможность возникновения подобной версии знаменитого мифа, так как такой вариант его противоречил бы представлениям греков о взаимоотношениях отца богов и людей Зевса и бога любви Эрота. Решение загадки миниатюрной группы, как нам кажется, следует искать в ином направлении: не в тонкостях греческой мифологии, а в той реальной обстановке, в которой бытовала диадема Артюховского кургана до того как она была положена в могилу.

На рис. 9 изображена обратная сторона нашей диадемы. Внимательное ее изучение чрезвычайно поучительно, так как здесь сохранились следы переделки, произведенной на готовом изделии. На тыльной стороне налобной части диадемы ясно прослеживаются очертания петель Гераклова узла. Видны днища трубок, сделанных из полосок плотного золотого листа. Края полосок отогнуты кверху, вместе с припаянным к ним орнаментом — рядом точек и рядом «ов» — они образуют бока открытых спереди трубок, в которых помещаются алмадины (см. рис. 8). Эти камни удерживаются на месте при помощи богато орнаментированных перехватов, находящихся на местах соединения отдельных камней. Перехваты прикреплены также к днищу трубок при помощи двух тонких, округлых в сечении проволок, концы которых пропущены через мелкие парные отверстия, сделанные в золотом листе, затем перевиты между собой и прижаты к днищу трубок. Эта часть обратной стороны Гераклова узла сделана столь же чисто и аккуратно, как вся диадема в целом. Совсем иной вид имеет средняя часть той же стороны узла. Как можно заметить по сохранившимся в неприкосновенности другим Геракловым узлам, исполненным в том же стиле и в той же технике<sup>5</sup>, между петлями узла должны быть видны очертания их концов, пропущенных через противоположную петлю. На обратной стороне Гераклова узла нашей диадемы эти концы отсутствуют. Все здесь прикрыто одним сплошным листом золота, привлекающим к себе внимание своим неряшливым видом: у него рваные края, в двух местах на него наложены заплатки, а на левой стороне имеется пара мелких дырочек, таких же, как на петлях узла, но в данном случае пустующих. В центре листа проделаны две крупные дырки, и в них пропущены две толстые квадратные в сечении проволоки, концы которых отогнуты в стороны и прижаты к листу. Последнее устройство служит для закрепления на месте миниатюрной группы. Все это несомненные признаки предпринятых в этом месте диадемы переделок, причем объектом их, видимо, была интересующая нас группа, изображавшая похищение Ганимеда, и, как показывает неряшливость работы, выполнял эти переделки какой-то не очень искусный в своем деле мастер. Раз это так, то нельзя ли предположить, что этот же мастер виновен и в искажении первоначальной композиции миниатюрной группы? Такая гипотеза представляется нам весьма вероятной по следующим дополнительным соображениям.

Обычай украшать налобные части золотых диадем и венков миниатюрными фигурками был очень распространен в эпоху эллинизма<sup>6</sup>. Эти мас-

<sup>4</sup> ОАК, 1880, стр. 29, сл.

<sup>5</sup> См., например, пряжку от пояса, происходящую из Фессалии (P. Amandry. Collection Hélène Stathatos, vol. I. Strasbourg, 1953, № 265, p. 124, fig. 75, pl. XLIX—L).

<sup>6</sup> См., например: P. Amandry. Указ. соч., № 217, pl. XXXI; H. B. Marshall. Catalogue of Jewellery... in the British Museum, London, 1911, pl. XXXIV; C. Alexander. The Metropolitan Museum of Art Jewellery. N. Y., 1928, № 26; A. Manzewitch. Ein Grabfund aus Chersones. L., 1932, Taf. I, 1.

сивные литые фигурки ничем не отличались от фигурных подвесок к модным в это время серьгам в виде диска, розетки или цветка (см. рис. 10, 2). Наибольшей популярностью в обоих родах изделий пользовался Эрот, изображавшийся в самых разнообразных позах и видах<sup>7</sup>. Однако как это было замечено современными учеными<sup>8</sup>, разнообразие часто достигалось путем изменения положения рук и ног и прибавления тех или иных атрибутов, тогда как туловище и голова Эрота оставались неизменными. В ювелирных мастерских ввиду большого спроса на такие украшения видимо имелись стандартные заготовки таких фигурок, и мастерам не стоило большого труда придать им окончательный вид согласно требованиям заказчика.

Такой же заготовкой, вероятно, воспользовался и мастер, взявшийся за переделку миниатюрной группы диадемы Артюховского кургана. Как видно по качеству его работы, это был скорее всего местный мастер и как таковой, он, возможно, не очень ясно представлял себе содержание мифа о Ганимеде. От первоначальной композиции миниатюрной группы уцелел к тому времени только орел, фигура же Ганимеда, по тем или иным причинам, была утрачена. Чтобы восстановить ее, местный мастер взял готовую фигурку Эрота, примерно типа подвески, изображенной на рис. 10, 2<sup>9</sup> и, не отдавая себе отчета в совершаемой ошибке, заменил ею потерянную или испорченную фигуру Ганимеда. Так произошла столь непонятная на первый взгляд метаморфоза троянского юноши в младенца Эрота. В греческой общественной среде подобная путаница едва ли могла бы произойти, но в этнически смешанном населении Боспорского царства имелись для этого надлежащие предпосылки. Особенно показателен в этом отношении тот факт, что не только местный мастер, но и собственники диадемы, принадлежавшие к эллинизированной местной знати, видимо, не подозревали допущенной мастером ошибки. Их знакомство с греческими сказаниями, следовательно, было не очень глубоким<sup>10</sup>.

<sup>7</sup> В Британском Музее хранится около 50 подобных подвесок. См. Н. В. Marshall. Указ. соч., № 1859. Много таких же изделий было найдено на Боспоре (см. ДБК, табл. VII).

<sup>8</sup> R. Zahn. Sammlung Baurath Shiller. Berlin, 1929, № 60, taf. 60; S. Arvanitopoulos. Ein Thessalischer Gold und Silberfund. A. M. 1912, Band. 37, S. 101; Н. В. Marshall. Указ. соч., № 1858.

<sup>9</sup> Н. В. Marshall. Указ. соч., № 1874, pl. XXXII.

<sup>10</sup> В своей докторской диссертации А. П. Иванова собрала ряд интересных примеров искажений греческих мифологических образов боспорскими мастерами (см. А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, стр. 63).

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

МИРМЕКИЙСКИЕ ЗОЛЬНИКИ — ЭСХАРЫ<sup>1</sup>

В течение последних лет одним из объектов, исследуемых в Мирмекии, является очень интересный и своеобразный памятник, связанный, очевидно, с культовой сферой жизни населения города. Как известно, в послевоенный период раскопочные работы в Мирмекии сосредоточены в основном на участке «И»<sup>2</sup>. Расследованная площадь городища здесь в настоящее время составляет 3625 м<sup>2</sup>. Вполне надежно установлено, что данная территория была использована под городскую застройку с конца VI в. до н. э. Об этом свидетельствует соответствующий вещевой, главным образом керамический материал, обнаруженный наряду со строительными остатками в самом нижнем горизонте культурных напластований, глубина которых (от поверхности городища до материка) достигает 5,40 м.

Вся свита культурных отложений вместе с залегающими в них остатками построек отражает шесть строительных этапов или периодов, в каждый из которых настоящая часть города подвергалась основательной перестройке, при этом каждый раз с более или менее значительным повышением уровня дневной поверхности. Указанные строительные периоды охватывают время с конца VI в. до н. э. до второй половины III в. н. э., когда Мирмекий перестал существовать.

Одна из капитальных перестроек городских кварталов, отлично прослеживающаяся на участке «И», падает на III в. до н. э. Здесь открыто много остатков сооружений, нередко хорошей сохранности, относящихся к эллинистическому времени. Следует заметить, что в III в. основательной реконструкции подверглись не только кварталы города, но также и его оборонительные стены, во всяком случае их восточная часть. Как установлено раскопками 1957—1958 гг. на участке «М», первоначальная оборонительная стена, ограждающая город с востока и построенная в начале IV в., была снесена около середины III в. и заменена тогда же новой, более мощной стеной<sup>3</sup>.

На участке «И», как это уже отмечалось, строительный период, связан-

<sup>1</sup> Доклад, прочитанный 21.I 1964 г. на заседании группы античной археологии ЛОИА АН СССР.

<sup>2</sup> Работы здесь велись в 1938, 1946—1950 и 1956—1963 гг. О результатах исследований, производившихся на участке «И» в 1938 и 1946—1950 гг. см.: В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг.—МИА, № 85, 1958, стр. 185. О раскопках в последующие годы см.: К. Michałowski. Mirmeki Warszawa, 1957; В. Ф. Гайдукевич. Мирмекий. Варшава, 1959; В. Ф. Гайдукевич и К. Михайловский. Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956—1958 гг.—В кн.: «Исследование по археологии СССР». Л., 1961, стр. 127; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия. Сообщение Гос. Эрмитажа, XXIV, 1963, стр. 53.

<sup>3</sup> В. И. Пругло. Восточные кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г.—ЗООА, I (34), 1960, стр. 266. Ширина стены ранней — 2,40 м, более поздней — 3,80 м.

ный с III в. до н. э., очень ярко выражен. В числе раскопанных здесь руин жилых и хозяйственных зданий имеются между прочим две винодельни III в.<sup>4</sup> Они свидетельствуют об интенсивном внедрении виноградарства и виноделия в хозяйство Мирмекия, начиная именно с III в. до н. э.

Когда в результате многолетних раскопок на участке «И» раскрытая часть древнего города уже достигла обширных размеров и на исследованной территории были выявлены многочисленные постройки различных периодов, в том числе постройки эллинистического времени, дальнейшее расширение раскопа в северном направлении (1958—1963 гг.) дало весьма неожиданную картину. По мере того как раскопке подвергались один квадрат за другим, здесь выяснилось полное отсутствие следов строительства эллинистического и римского периодов. Строительные остатки имеются в нижних горизонтах — V и первой половины IV вв. до н. э. Но с конца IV в. до н. э. на обширной территории никаких построек больше не возводили.

После раскопочной кампании 1963 г. эта «пустая» площадь уже составляет 352,5 м<sup>2</sup>. Пустая — в том смысле, что тут отсутствуют обычные городские строительные остатки, начиная с раннеэллинистического времени. Но зато здесь есть другое. Вся указанная площадь занята мощным массивом культурных отложений весьма специфического характера. Это мелко-слоистая по своей структуре насыпь, глубина которой в среднем равняется 2 м. Изучение ее вертикальных разрезов привело к единственно возможному выводу: насыпь является следствием систематического ссыпания золы и столь же последовательного сбрасывания сюда вещевого материала — разнообразной керамики, терракот, монет, костей животных и т. д. По преобладанию золы в напластованиях насыпи последняя в процессе ее раскопок получила рабочее наименование — «зольник». Однако накопление наблюдений как над стратиграфией этого «зольника», так и над вещевым содержанием последнего делали все более очевидным его непосредственную связь с областью культа. За это прежде всего говорит присутствие в числе керамических находок ряда вещей с посвятельными надписями — граффито. На нижней стороне дна одного чернолакового рыбного блюда вырезано слово *ἱερ[ός]*, — очевидно, подразумевается *ὁ πίναξ*. Подобное же граффито имеется на маленьком красноглиняном блюде *ἱε(ρός)*. Особенно интересна чернолаковая тарелка, дно которой украшено тисненными пальметками и кругами из штрихов, а на нижней поверхности вырезано несколько надписей, из коих следует, что некий Герей (*Ἥραϊος*) посвятил это блюдо времени правления Спартока. Форма сосуда, его орнаментация и характер письма позволяют отнести данный предмет, являвшийся вотивным приношением, к началу III в. до н. э., ко времени Спартока III (304—283 гг.). Наряду с вещами, имеющими посвятельные надписи — граффито, очень показательен состав терракотовых статуэток, представленных обильной серией находок. Это почти исключительно женские изображения, причем среди них имеются так называемые полуфигуры Деметры (рис. 11, 4)<sup>5</sup>. Такая атрибуция должна быть признана правильной, но

<sup>4</sup> Одна винодельня III в. открыта (1958 г.) в западной части раскопа (КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 86); другая обнаружена (1961 г.) в юго-восточной его части, но от этой винодельни уцелели только остатки цистерн. Тем не менее, совершенно очевидно, что по своему устройству она была такой же, как винодельня, раскопанная в 1957 г. на участке «М» (см. В. И. Пругло. Указ. соч., стр. 270).

<sup>5</sup> Этот тип протом хорошо известен на Боспоре, начиная с V в. до н. э. При раскопках боспорских городов, производившихся в течение последнего тридцатилетия, такие протомы (разных вариантов) в особенно большом числе были найдены в Нимфее и Тиритаке (см. М. М. Худяк. Работы Нимфейской экспедиции 1939 г. Гос. Эрмитаж.— Труды отдела античного мира, 1. Л., 1945, табл. XVI); Он же. Из истории Нимфея. Л., 1962, табл. 25, 42; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове.— ВДИ, № 3/4, 1940, стр. 316 (Нимфей); Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки.— МИА, № 4, 1941, стр. 29; М. А. Наливкина. Терракоты Мирмекия и Тиритаки.— МИА, № 25, 1952, стр. 332.



Рис. 11. Находки из «зольника» конца IV — первой половины III в. до н. э.

она, однако, не является исчерпывающей. Иконографические элементы, присущие данному типу протом, по-видимому, позволяли воспринимать их в более широком аспекте как воспроизведение образа женского божества, олицетворявшего плодородие<sup>6</sup>. Такая оговорка нужна, чтобы избежать чересчур прямолинейного вывода о необходимости предполагать в данном археологическом комплексе обязательную связь с культом Деметры.

Кроме упомянутых протом, найдены фигуры Кибелы, сидящей на троне (рис. 11, 5), а также фрагменты женских статуэток, представляющих, вероятно, изображения реально бытовых образов (рис. 11, 1—3).

В «зольнике» заключено огромное количество разнообразной керамики, причем первое место по численности занимают фрагменты простых остродонных амфор. Среди них найдено много клейм, оттиснутых на ручках или горлах. Всего (1958—1963 гг.) в «зольнике» найдено 645 амфорных клейм. По центрам производства они распределяются следующим образом: Синопа — 416; английские, так называемые гераклеийские — 93, Фасос — 33, Хиос — 12, Родос — 10, Книд — 6, Херсонес — 9, неизвестных центров — 66<sup>7</sup>.

Обращает на себя внимание крайне незначительное количество родосских клейм. Их непропорционально мало на фоне очень обильного собрания синопских клейм. Забегая несколько вперед отметим, что указанное обстоятельство вызвано хронологическими причинами. Рассматриваемый мирмекийский «зольник» относится к тому времени, когда импорт с Родоса на Боспор имел еще весьма скромные масштабы.

Чернолаковая керамика занимает в «зольнике» едва ли не второе место по количеству находок. Широко представлены чернолаковые чаши, каффары, рыбные блюда. Все это встречается, конечно, в фрагментированном состоянии, а еще чаще в виде обломков. Нижние пласты «зольника», наряду с чернолаковой группой сосудов, заключают в себе также фрагменты краснофигурных ваз, принадлежащих последним десятилетиям IV в. до н. э. (рис. 12). Много боспорской простой посуды — миски, чаши, кувшины, рыбные блюда и т. д. Особенно примечательно обилие миниатюрных сосудиков в виде тарелочек, одноручных и двуручных кувшинчиков (рис. 11, 6—8). Видное место среди керамических находок занимают хорошо известные двуручные котлы, предназначенные для варки пищи (рис. 13).

Довольно регулярно в «зольнике» обнаруживаются светильники. Обычно это светильники местного производства — красноглиняные, без покрытия.

Упомянем, наконец, обломки черепиц, главным образом боспорских, иногда с клеймами; имеются и синопские черепицы, но в небольшом количестве. К разделу вещей, связанных с трудовыми занятиями, относятся рыболовные медные крючья и глиняные подвески для ткацких станков — пирамидальные и дисковидные.

Монет в «зольнике» не очень много, но все же их найдено уже не менее ста. Все они — пантикапейские, хронологические их рамки: от 330-х годов до середины III в. до н. э.

На основании показания всех монет, при учете определенных уровней их залегания, мы вправе расчленить «зольник» на два яруса. Нижние напластования, в пределах уровневых отметок от + 7,75 до + 8,40 м<sup>8</sup>, охватывают рубеж IV—III вв., то есть примерно 320—280-е годы; от + 8,40 до + 10,20 м — отложения 280—230-х годов. Строго говоря, в качестве верхней даты вполне можно было бы принять 250-е годы, так как более поздние

<sup>6</sup> L. R. Farnell. *The Cults of the Greek States*, t. III. Oxford, 1907, стр. 227, табл. IX.

<sup>7</sup> Классификацию клейм по центрам произвела В. И. Пругло.

<sup>8</sup> Высотные отметки при раскопках в Мирмекии исчисляются от нулевого горизонта, соответствующего уровню моря.

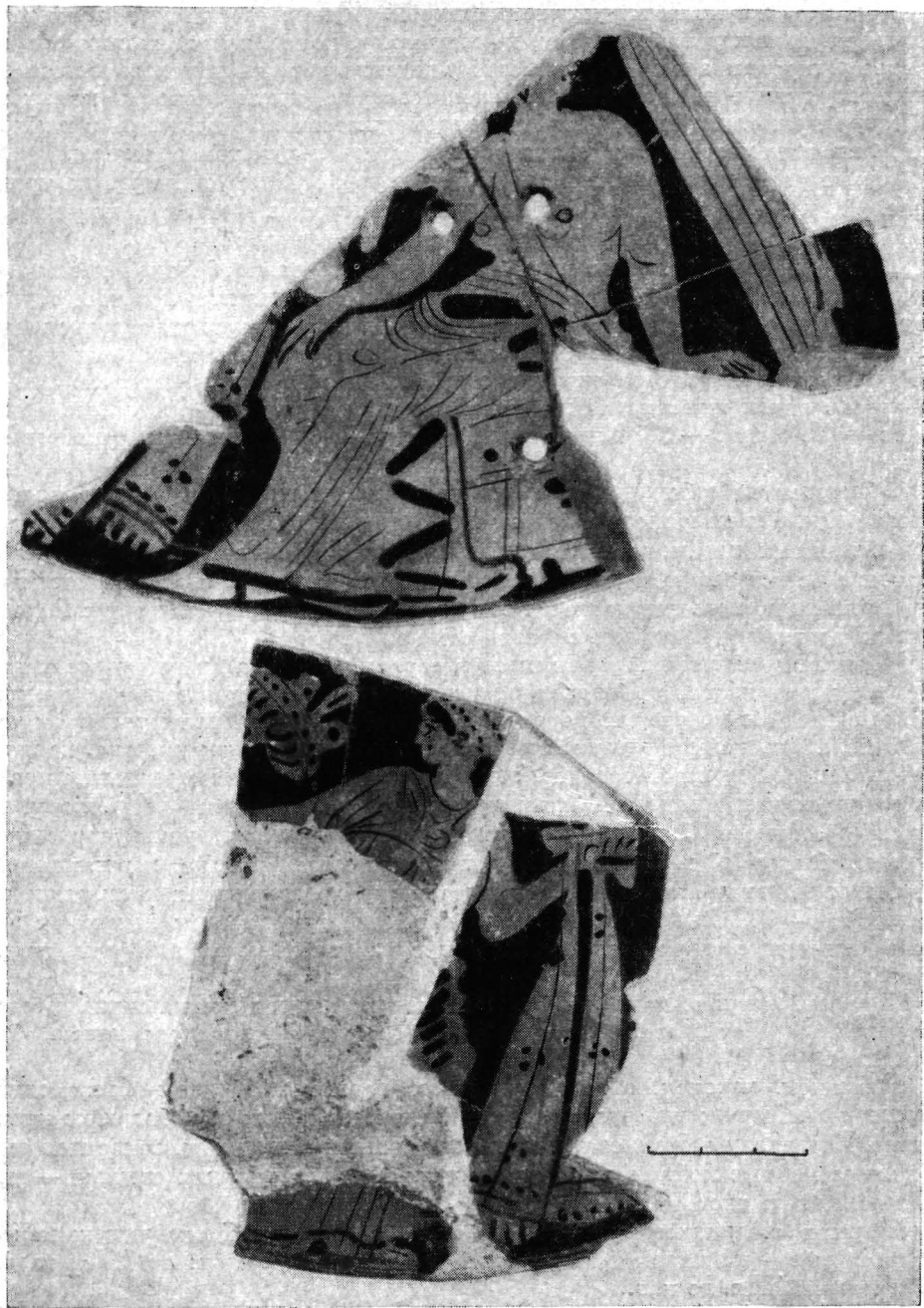


Рис. 12. Обломки крышки леканы

монеты отсутствуют. Но учитывая, что и датировка медных монет Пантикапея эллинистического периода не является еще абсолютно точной и принимая во внимание возможность попадания монет в «зольник» на несколько десятилетий позже их выпуска, мы принимаем пока условно указанную выше дату как верхнюю хронологическую границу «зольника». Дальнейшее детальное исследование всех групп материала, обнаруженного в «зольнике», позволит уточнить время верхних напластований.



Возвращаясь к монетным находкам, надлежит к уже сказанному добавить следующее. Разумеется, монеты первой половины III в. могли оказаться в «зольнике» не только до 230-х годов, но и гораздо позднее. Однако у нас имеются довольно надежные основания, позволяющие исключить последние десятилетия III в. В напластованиях зольника полностью отсутствует ряд групп вещевого материала, неизменно присутствующего в культурных отложениях и археологических комплексах конца III в. В этой связи следует здесь еще раз вспомнить одно существенное обстоятельство, а именно — крайне незначительное количество родосских амфорных клейм. В «зольнике» обнаружены лишь единичные клейменные ручки родосских амфор, притом только ранние, не позже первой половины III в. Между тем хорошо известно, что как раз с конца III в. начинается массовое поступление на Боспор родосских амфор, в которых доставлялось виноградное вино. Мирмекийский «зольник» безусловно не отражает этого периода. Весьма симптоматично и полное отсутствие рельефной керамики, прежде всего мегарских чаш. На всей расследованной площади «зольника» не найдено ни одного фрагмента такой керамики, являющейся, как известно, непременным спутником эллинистических слоев — конца III и особенно II в. до н. э.

Таким образом, все наблюдения возможные на данной стадии изучения «зольника» заставляют считать, что его верхние наслоения образовались не позже 250—230-х годов.

Раскопками 1962—1963 гг. обнаружена сложенная из плит ограда (ее сохранившаяся высота около 0,50 м), обрамляющая «зольник» с восточной стороны. Она открыта уже на протяжении 15 м. Такое ограждение очевидно было и с других сторон, но это выяснят последующие раскопки. Наличие каменной ограды является дополнительным подтверждением важного значения, какое придавалось «зольнику», это и потребовало четкого определения его границ.

Судя по топографическим признакам, «зольник» занимал площадь размерами около 500 м<sup>2</sup>. Если это так, то в ближайшее время, вероятно, можно будет осуществить полное его раскрытие поскольку свыше  $\frac{2}{3}$  всего объема «зольника» уже раскопано.

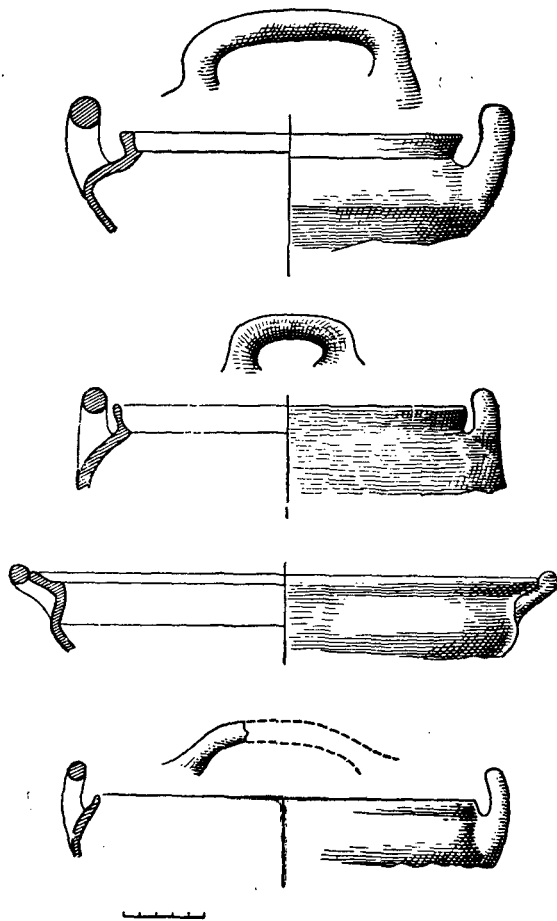


Рис. 13. Кухонные сосуды, начало III в. до н. э.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что под «зольником», охарактеризованном выше и относящемся к раннеэллинистическому времени, раскопками выявлен другой, более ранний «зольник», который впредь будет именоваться «зольником I» в отличие от его перекрывающего и нам уже хорошо известного «зольника II».

«Зольник I» обнаружен под восточной частью «зольника II», причем в сравнении с последним «зольник I» гораздо меньше как по занимаемой площади (она составляет приблизительно  $\frac{1}{3}$  площади «зольника II»), так и по глубине (она не превышает 0,70—1 м). Вершина «зольника I» была увенчана плитовой оградой, часть которой сохранилась *in situ*. Плиты, образующие ограду, имеют высотные отметки от +8,04 до +8,27.

«Зольник I» также состоит из пластов золы, но они менее насыщены вещевым материалом, а сама зола имеет зеленоватый оттенок, чего не наблюдается в эллинистическом «зольнике II». Присутствие многочисленных фрагментов чернолаковых киликов с резными и штампованными украшениями позволяет без труда датировать «зольник I». Он охватывает вторую половину V в. и начала IV в.

Эти хронологические пределы «зольника I» отличнейшим образом подтверждаются найденными в нем двумя хиосскими остродонными амфорами.

Одна из них — с вздутым горлом, причем вздутие имеет снизу четкий срез. На нижней части горла отгиснуто энглифическое клеймо, состоящее из одной буквы А. Такого типа хиосские амфоры (мы имеем в виду ее форму) относятся к третьей четверти V в. до н. э.<sup>9</sup> Вторая, тоже хиосская амфора с цилиндрическим горлом принадлежит рубежу V—IV вв. или самому началу IV в.<sup>10</sup>

Весьма примечательна находка в «зольнике I» обломка чернолакового килика с посвятельным граффито, вырезанным вдоль верхнего края сосуда. Надпись гласит: ΠΕΡΙ ΑΦΡΟΔΙΤΗΣ | = ἱερ(κόλιξ) Ἀφροδίτης — «посвященный Афродите (килик)». В надписи, возможно, было обозначено имя жертвователя<sup>11</sup>.

Это граффито, по-видимому, дает ответ на вопрос о том, с каким культом связаны «зольники». Очень похоже на то, что это был культ Афродиты. Позволительно надеяться на дополнительные находки, которые еще обнаружатся при доследовании «зольников» и которые помогут сделать окончательные выводы.

Каково же происхождение обнаруженных в Мирмекии «зольников»? Мы уже не раз отмечали вероятную их связь с культом, не уточняя, однако, тех его конкретных проявлений, в результате которых могли появиться — сначала «зольник I», а затем — «зольник II». Это уточнение мы сможем произвести, если обратимся к одному из античных литературных произведений — к «Описанию Эллады» Павсания. В названном труде Павсаний упоминает видежные им алтари, которые представляли собой не что иное как зольные холмы, образовавшиеся из остатков самих жертвоприношений. Описывая достопримечательности Олимпии, Павсаний сообщает<sup>12</sup>, что алтарь Зевса «Образован из пепла бедренных костей (ἀπό τῆς τέφρας τῶν μηρῶν), приносимых в жертву Зевсу, как и в Пергаме; жертвенник самосской Геры тоже сделан из пепла и он несколько не виднее простых аттических жертвенников, пазываемых афинянами эсхарами (ἐσχάρα αὐτοῦχῆδια)». Из приведенной далее Павсанием подробной

<sup>9</sup> V. Grace. Amphoras and the Ancient Wine Trade. Princeton, 1961, рис. 4.

<sup>10</sup> Там же, рис. 45.

<sup>11</sup> Примеры посвятельных надписей-граффити с формулой ἱερή см.: И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, № 18, 123, 172, 253; И. Д. Головкин. Граффити Роксоланского городища.—Кр. сообщения о полевых исслед. Одесского гос. ун-та и Одесск. Гос. Археолог. музея, 1961, стр. 81, № 6.

<sup>12</sup> Paus., V, 13, 8—11.

характеристики зольного алтаря, имевшего форму конусовидной насыпи, известны его размеры (во времена Павсания): высота — 6,60 м, окружность основания — 37,50 м, окружность верхней площадки 9,60 м<sup>13</sup>. Крайне интересно еще и следующее сообщение: «...Ежегодно жрецы,— пишет Павсаний,— собирают золу в пританес, мешают ее с водой (реки) Алфея и покрывают слоем этой массы жертвенник (*χοιῶσιν οὖτον τὸν βωμόν*)». Как видим, в зольный жертвенник включалась и зола, скапливавшаяся за год от очага, горевшего в пританее. В данной связи надлежит напомнить, что домашний очаг в представлениях древних эллинов обладал такой же святостью, как и алтарь, а священность очага распространялась и на очажную золу<sup>14</sup>.

В заключительной части того же раздела, который мы рассматривали выше, Павсаний пишет: «В милетских Дидимах тоже есть жертвенник, сделанный, по словам милетян, фиванским Гераклом из крови жертвенных животных, но в последующие времена этой было мало и жертвенник не мог достигнуть особенной вышины»<sup>15</sup>.

Описывая другие жертвенники в Олимпии, Павсаний упоминает «жертвенник Геры Олимпийской, тоже из золы, построенный будто бы Клименом», а кроме того «жертвенник Геи тоже из золы»<sup>16</sup>.

Представляющий столь большой интерес зольный жертвенник Зевса в Олимпии ко времени развертывания там археологических исследований (1875 г.) оказался полностью уничтоженным. Свою пагубную роль, вероятно, сыграли разливы Алфея, довершено же разрушение было в послеполитические времена, скорее всего, местными крестьянами, использовавшими золу древнего алтаря на удобрение полей<sup>17</sup>.

В известном святилище Зевса Ликейского (Аркадия) существовал зольно-земляной жертвенник, который известен не только по описанию Павсания, но и по результатам археологического изучения. «На самой главной вершине Ликейской горы,— рассказывает Павсаний,— есть земляная насыпь, это — жертвенник Ликейского Зевса (*γῆς χῶμα, Διὸς τοῦ Λικαίου βωμός*) и отсюда виден весь Пелопоннес, а перед жертвенником, с восточной стороны, стоят два столба, а на них позолоченные орлы, сделанные в очень древние времена»<sup>18</sup>.

В 1897 г. жертвенник Зевса Ликейского был подвергнут раскопкам. Жертвенник и остатки паходившегося рядом теменоса святилища находятся на вершине горы, носящей теперь имя св. Ильи, на высоте около 1400 м.

Как показали исследования, жертвенник, имеющий вид курганообразного холма, занимает площадь, диаметр которой равняется 30 м; следовательно, площадь жертвенника — около 485 м<sup>2</sup>. Глубина культурных напластований, из которых состоит холм, достигает 1,50 м. Образующие жертвенник земля и пепел перемешаны с большим количеством камней и костей мелкого рогатого скота. Здесь же найдено очень много обломков разнообразной керамики. Среди керамических находок выделяются миниатюрные сосудики, изготовленные, очевидно, специально для выполнения роли вотивных припошений. В числе вещей, извлеченных в процессе раскопок

<sup>13</sup> С. G. Yavis. *Greek Altars*, Saint Louis (Missouri), 1949, стр. 210. На рис. 53 и 54 даны реконструкции зольного алтаря Зевса. Одна по Шлейфу (JAI, XLIX, стр. 150, рис. 8), другая — автора.

<sup>14</sup> M. P. Nilsson. *Geschichte der griechischen Religion*. München, 1941, стр. 70, примеч. 4.

<sup>15</sup> Произведенными на месте жертвенника раскопками было обнаружено его кругообразное основание (диам. 7,89 м), сложенное из известняковых камней. Внутри круга найдены остатки обгорелых костей, обломки керамики VII—VI вв. и свинцовые вотивы. См. M. P. Nilsson. Указ. соч., стр. 78 (со ссылкой на 7-ой предварительный отчет Т. Виганда о раскопках в Милете).

<sup>16</sup> Paus, V, 14, 8, 10.

<sup>17</sup> С. G. Yavis. Указ. соч., стр. 213.

<sup>18</sup> Paus, VIII, 38, 7; ср.: Reisch. *Altar*. RE, I, стрб. 1670.

холма, нужно еще отметить светильники, металлические изделия, монеты. Самый ранний материал — VII в. до н. э.<sup>19</sup>

Не менее примечателен жертвенник — зольник, расследованный на горе Эте (Οἶτης) в северной части Средней Греции. Здесь, согласно преданию, Геракл пытался себя сжечь на костре и отсюда он тучей был перенесен на Олимп. На месте легендарного геракловского костра (πυρρ) еще в архаическое время возникло святилище, развалины которого были раскопаны в 1919 г.

Археологам удалось выявить развалины маленького храма и остатки каменного алтаря. Рядом с храмиком, с южной стороны, обнаружен довольно хорошо сохранившийся зольный жертвенник в виде трапециевидной в плане площадки (20—25 × 14—25 м), огражденной каменными плитами. На площадке лежала масса зольных отложений глубиной 0,80 м. Зола — продукт жертвоприношений — смешана с костями животных и битой керамикой, начиная от чернофигурной VI в. вплоть до керамики римского времени. На некоторых фрагментах ваз имеются выцарапанные надписи (графити) — посвящения Гераклу.

Кроме керамики, в зольнике — эсхаре обнаружены самые различные вещи — железные наконечники копий, махайры, орудия труда: топоры, серпы, ножи и даже наковальня. Найдены также бронзовые сосуды и статуэтки Геракла, монеты<sup>20</sup>.

Приведенные выше для сравнения памятники позволяют, как нам кажется, достаточно уверенно высказать предположение о том, что в Мирмекии, в северном секторе участка «И» открыты зольные жертвенники (Aschenaltäre), подобные тем, которые описаны Павсанием, а отчасти уже подвергнуты археологическим раскопкам — в Средней Греции и Аркадии.

Очевидно, мы вправе назвать мирмекийские культовые зольники — эсхары, применяя аттическую терминологию, дошедшую к нам через Павсания. Как известно, более ранний зольник — эсхара, обнаруженный в Мирмекии, относится ко второй половине V и началу IV вв. Перекрывающий его громадный зольник-эсхара (не уступающий по своим размерам, по своему объему зольно-земляному алтарю Зевса Ликейского) связан с периодом раннего эллинизма (от 30-х годов IV в. до 50—30-х годов III в.). Мирмекийские зольники-эсхары, как уже отмечалось, имеют отношение к культу женского божества, может быть, к культу Афродиты. Но этот вопрос еще подлежит уточнению.

Зольник-эсхара выполнял функции импровизированного алтаря. Здесь прежде всего совершались жертвы, осуществлявшиеся путем сожжения. В такой жертвенник, образующийся из остатков жертвоприношений, поступали votивные приношения, а также все те приходившие в негодность предметы, которые были связаны со святилищем и его постройками.

Не исключено, что подобно тому, как в Олимпии на пепельный алтарь Зевса складывали очажные отходы, то есть золу из пританея, так и на мирмекийские зольные эсхары поступала зола из очагов священного теменоса.

Что касается присутствия наряду со столовой посудой довольно большого количества кухонной керамики (что особенно характерно для зольника-эсхары II), то, по всей вероятности, это именно та керамика, которая употреблялась при ритуальных трапезах, являвшихся частью обряда жертвоприношения. Как известно, во время таких трапез участники церемонии съедали мясо, то есть какую-то часть туши животного, приносимой в жертву божеству<sup>21</sup>.

<sup>19</sup> К. Κουρου νι ώτης. Ἀνασκαφαὶ Λουκαίου, Ἐφημ. ἀρχ., 1905, стр. 151; С. G. Yavis. Указ. соч., стр. 214.

<sup>20</sup> N. Г. Παππαδάκης. Ἀνασκαφὴ τῆς «πυρρᾶς» τῆς Οἶτης, Ἀρχ. Δελτίον, 5, 1919, стр. 25; BCH, 1920, стр. 392; M. P. Nilsson. Указ. соч., стр. 26, 120.

<sup>21</sup> M. P. Nilsson. Указ. соч., стр. 131.

Если принять во внимание подобного рода культовые трапезы, то тем самым можно без особенных затруднений объяснить присутствие в зольных жертвенниках и таких видов керамики как глиняные кухонные котлы (иногда их у нас называют «кастрюлями»).

Открытие и соответствующее осмысление мирмекийских зольников-эсхар представляет определенный интерес, так как эти памятники вносят новый приметный штрих в изучение культовых реалий античных городов Причерноморья. Исследование зольников-эсхар в Мирмекии может оказаться весьма полезным и при археологических исследованиях других античных поселений, на территории которых обнаружатся подобные же памятники.

Уже сейчас кажется в высшей степени вероятным, что огромный «зольник», расположенный в центральной части городища Кития и оставшийся до последнего времени без должного объяснения, является тоже зольником-эсхарой, образовавшимся в течение длительного времени.

В заключение отметим еще один аспект, в котором мирмекийские зольники-эсхары вызывают живой интерес. Заклучая в себе обильные вещевые находки, в первую очередь керамические, и будучи в хронологическом отношении четко ограниченными комплексами, оба зольника-эсхары дают возможность достаточно надежно датировать различные группы археологического материала. Это относится, в частности, к некоторым сериям керамических клейм, найденным в зольнике-эсхаре II.

Не исключено, что зольник-эсхара II был больше и что в верхних своих напластованиях он не ограничивался 50—30-ми годами III в. Более поздняя часть, возможно, скрыта в раннеримское время при засыпке развалин эллинистических построек, расположенных к югу от зольника. Может быть, это и был комплекс зданий священного теменоса, возле которого находился зольно-земляной жертвенник? Под этим углом зрения предстоит еще проанализировать городское квартал, примыкающего к зольникам-эсхарам и уже в большей своей части раскопанного.

Е. Г. КАСТАНЯ И

ТРИ НЕИЗДАННЫЕ ОЛЬВИЙСКИЕ НАДПИСИ  
ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА<sup>1</sup>

Настоящая публикация представляет собой попытку частичного восстановления утраченного текста ольвийских надписей, от которых сохранились лишь незначительные фрагменты. Однако на основании этих фрагментов можно составить представление о характере этих надписей и времени, к которому они относятся. Ниже приводится описание фрагментов с восстановлением, насколько это возможно, текстов, содержащихся в надписях.

1. Обломок правого нижнего угла плиты из плотного серого мрамора средней зернистости. Лицевая и задняя поверхности, а также сохранившиеся боковая и нижняя грани тщательно отшлифованы. Высота — 0,15 м, ширина — 0,07 м, толщина — 0,039 м. От текста надписи сохранились окончания последних трех строк. Буквы в основном равной величины, за исключением сигмы в третьей строке, которая больше остальных букв и иеты в последней строке, меньшей по размерам. Буквы глубоко врезаны в мрамор. Высота букв — 0,022—0,033 м<sup>2</sup>.

Найден на участке НГФ в 1912 г.

— — — — — υρι — — — — /ὅπερ τῆς πόλεως καὶ/[τῆς ἑαυτῶν ὑγιείας.

Перевод: «...за город и свое здравие посвятили».

Судя по формуле окончания текста, обычно встречающейся в посвященных надписях от имени должностных лиц Ольвии наиболее почитавшимися в этом городе божествам Аполлону Простату и Ахиллу Понтарху<sup>3</sup>, наш фрагмент должен относиться к той же категории надписей.

По характеру шрифта надпись можно отнести ко второй половине I в. н. э., о чем говорят формы отдельных букв в их сочетании в одной и той же надписи. Так, *юpsilon* и *rho* имеют вытянутые пропорции, *mu* — косые боковые линии; косо расставлены верхняя и нижняя линии сигмы, каппа изображена с укороченными концами. Кроме того, наличие альфы с апексами вверх, в одном случае с прямой, в другом — с ломаной поперечной линией говорит в пользу той же датировки.

2. Две сходящиеся по излому скола лицевой части плиты белого крупнозернистого мрамора средней плотности. Лицевая часть плиты отшлифована. Высота — 0,15 м, ширина — 0,12 м, толщина — 0,075—0,09 м. Сохранилась средняя часть трех строк надписи. Буквы врезаны неглубоко, часть

<sup>1</sup> Доклад, прочитанный 20. XII 1963 г. на заседании группы по подготовке к изданию Ольвийских надписей.

<sup>2</sup> Гос. Эрмитаж, Античный отдел, инв. 19 530.

<sup>3</sup> IPE, 12, № 80, 82, 86, 89, 91, 93, 99, 104—106, 113, 118, 119, 121, 123—126, 129, 145—175.

букв выходит за линию строк и расположены несколько наискось. Высота букв — 0,03—0,04 м<sup>4</sup>.

Найдены в 1913 г.

— — — [ἀνεθήκαν δῶρον ὑπὲρ τῆς πόλεως ἑστ[α]θίας [καί/ τῆς ἑαυτῶν ὑγιεί]ας

Перевод: «...посветили дар за благоденствие города и собственное здравие».

Данная надпись, как и предыдущая, относится, судя по обычной своей формуле<sup>5</sup> к тому же числу посвячительных надписей в честь Аполлона Простата или Ахилла Понтарха.

Наряду с тендецией к известной монотонности и простоте шрифта, выраженной, как правило, в равном размере букв и минимальном их украшении, надпись содержит целый ряд отступлений от монументального письма. К числу таких отступлений относятся, например, различия в начертании отдельных букв, а именно: *альфа*, встречающаяся в данном фрагменте два раза, в одном случае имеет ломаную среднюю линию, в другом — прямую; *иота* и *сигма*, также повторяющиеся дважды, имеют разную величину, причем в начертании *сигмы* имеются различия в степени скошенности поперечных линий. Все эти особенности шрифта заставляют отнести надпись ко второй половине I в. н. э., когда наряду с развитием единообразного монотонного письма становятся характерными также отступления от господствующего монументального шрифта.

3. Обломок плиты из белого, крупнозернистого, довольно плотного мрамора. Лицевая поверхность ее хорошо отшлифована, обратная грубо сколота; на лицевой стороне заметны отдельные врезанные линии, возможно, остатки соскобленной более ранней надписи. Высота — 0,15 м, ширина — 0,08 м, толщина — 0,04 м. Сохранилась средняя часть левого края плиты с начальными буквами четырех строк, глубоко врезанными в мрамор. Высота букв — 0,02—0,022 м<sup>6</sup>. Очевидно, перед нами часть списка собственных имен, которые могут быть восстановлены следующим образом:

— — — Ουρ[υ]βαζος — — — | /Κρητ — — — /Πιάσ — — — /Αβρα[γ]ος — — —

Характер письма, выраженный в равном размере букв с максимальным применением украшений, говорит о том, что надпись относится ко времени не ранее конца II в., а может быть, и к началу III в. н. э. Об указанном времени свидетельствуют и особенности начертания отдельных букв, например *альфы* с перекрещенными боковыми и средними линиями. Кроме того, вертикальные линии *пи* и косые линии *сигмы* соединяются с горизонтальными не у их концов, а отступя от них, что также характерно для указанного времени.

Из четырех сохранившихся в данном фрагменте имен два — Ουρ[υ]βαζος и Αβρα[γ]ος относятся к именам негреческим. Имя Ουρ[υ]βαζος встречается в двух ольвийских надписях<sup>7</sup>. Обе надписи относятся к разряду посвячительных в честь Аполлона Простата. В надписи № 95 имя это сочетается с отчеством Ουμβηουρου, также негреческого происхождения и принадлежит верховному архонту, при котором совершено посвящение. В надписи № 101 имя Ουρ[υ]βαζος выступает в качестве отчества стратега Ουμβηουχρος. В. В. Латышев считал оба имени Ουμβηουρος и Ουμβηουαρο[υ] одним и тем же, предполагая, что либо они представляют два варианта одного и того же имени, либо о после дифтонга *ου* является опиской. В таком случае верховный архонт Ουρ[υ]βαζος, упомянутый в надписи № 95, является, по мнению В. В. Латышева, отцом или сыном стратега, фигурирующего в надписи № 101. По характеру шрифта обе эти надписи одновремен-

<sup>4</sup> Ивв. 15 808—15 809.

<sup>5</sup> ИРЭ, 1<sup>2</sup>, № 96, 100.

<sup>6</sup> Ивв. Ол. 7547.

<sup>7</sup> ИРЭ, 1, № 95, 101.

ны надписи, которой принадлежал наш фрагмент, поэтому весьма возможно, что сохранившееся на этом фрагменте имя Ουρρβαζος принадлежит тому же верховному архонту, который упомянут в надписи № 95. Имя Αζραγος встречается еще в шести ольвийских надписях. Пять из них<sup>8</sup> явно принадлежат к разряду посвячительных в честь Аполлона Простата, шестой фрагмент надписи, содержащий часть списка собственных имен<sup>9</sup>, относится, по всей вероятности, к той же категории надписей. В трех надписях имя Αβραγος стоит в именительном падеже и принадлежит ольвийским стратегам, упомянутым с разными отчествами — Δημητρού<sup>10</sup>, Σα[μζο]υτος<sup>11</sup>, Χουαρζίζου<sup>12</sup>. В двух других надписях это имя фигурирует в качестве отчества при именах стратегов Μάθανος<sup>13</sup>, Ουαρζβαλος и Χαρίξενος<sup>14</sup>.

Оба встречающиеся в данной надписи негреческие имена на основании исследования академика И. А. Джавахишвили можно отнести к адыгейско-чечено-лезгинской группе кавказских языков, к которым названный автор причисляет целый ряд сарматских имен, встречающихся в греческих надписях Северного Причерноморья. Среди них И. А. Джавахишвили на основании исследования главным образом ольвийских надписей выделяет две группы имен с окончаниями на — μαζος и — αρος, к которым относятся и оба имени публикуемой данной надписи. При этом случае замены звука μ звуком β в одних и тех же именах, как, например, в окончании имени Ουρρβαζος объясняется тем, что звуку μ восточнокавказских языков соответствует звук β в западнокавказских языках, в частности в адыгейском<sup>15</sup>.

Начальный слог Κρατ — — во второй строке публикуемой надписи может принадлежать имени Κρατεῖνος, имеющемуся в надписи № 155 в издании IPE<sup>12</sup> в качестве отчества при имени Ἰρα[κλ]εῖδης. Последняя надпись относится В. В. Латышевым к разряду посвячительных в честь Ахилла Понтарха от имени верховного жреца, в данном случае носящего имя Ἰρα[κλ]εῖδης.

Судя по тому, что имена, сохранившиеся в данном фрагменте, встречаются в посвячительных надписях в честь Аполлона Простата и Ахилла Понтарха, этот фрагмент принадлежит надписи той же категории. С этим согласуется и шрифт надписи, присущий ольвийскому лапидарному письму того же примерно времени, что и посвячительные надписи в честь этих божеств, датируемые второй половиной I — началом III в. н. э.<sup>16</sup>

Таким образом, публикуемые нами фрагменты ольвийских эпитафических документов относятся к числу посвячительных надписей, которыми обыкновенно сопровождалось в указанное время приношение даров двум наиболее почитавшимся в Ольвии божествам от имени коллегий должностных лиц Ольвии<sup>17</sup>. Нельзя не отметить также особый интерес надписи, фрагмент которой публикуется под № 1. Наличие в этой надписи негреческих имен, которые, как отмечено выше, носили высшие должностные лица Ольвии, либо их отцы, может служить еще одним свидетельством о той значительной роли, которую играли в общественной жизни этого города в первые века н. э. лица варварского происхождения<sup>18</sup>.

<sup>8</sup> IPE, № 80, 82, 91, 98, 100.

<sup>9</sup> Там же, № 266.

<sup>10</sup> Там же, № 98.

<sup>11</sup> Там же, № 80.

<sup>12</sup> Там же, № 82.

<sup>13</sup> Там же, № 100.

<sup>14</sup> Там же, № 91.

<sup>15</sup> И. А. Джавахишвили. Проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. — ВДИ, № 4, 1939, стр. 30.

<sup>16</sup> В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887, стр. 163, 260.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Ср. М. Ф. Болтенко. Новая надпись в честь Ахилла Понтарха. — ВДИ, № 4, 1953, стр. 136.



И. Г. ШУРГАЯ

К ВОПРОСУ О ПЕРГАМСКОМ ИМПОРТЕ НА БОСПОРЕ  
ВО II В. ДО Н. Э.

Среди импортного материала на Боспоре выделяется группа керамики эллинистического времени, которой обычно приписывается малоазийское происхождение. Это слишком широкое обозначение места производства керамики, как расписной, так и рельефной, должно быть уточнено, и в первую очередь следует сделать попытку выделить один из важнейших центров керамического производства — Пергам. Т. Н. Книпович в работе, посвященной расписной эллинистической керамике стиля Гнафии, выделила малоазийскую группу, высказав предположение, что Пергам, по-видимому, был самым важным малоазийским центром, который выпускал керамику этого типа<sup>1</sup>. Исследуя краснолаковую керамику первых веков н. э., Т. Н. Книпович также ставит вопрос об импорте пергамской продукции в Северном Причерноморье, выделяя в ольвийском материале группы краснолаковой керамики, происходящие из Пергама<sup>2</sup>. Существенным аргументом в пользу ее пергамского происхождения, по мнению Т. Н. Книпович, является известная близость этой краснолаковой керамики к пергамской керамике эллинистического времени. Признавая Пергам крупным центром производства и экспорта керамики в эллинистическую и римскую эпоху, Т. Н. Книпович в то же время вполне справедливо отметила, что не только Пергам, но и окружающий его обширный район могли поставлять керамику этого рода<sup>3</sup>.

Пергам широко экспортировал изделия своих мастерских. Пергамская керамика, распространявшаяся в Восточном Средиземноморье и Причерноморье, вызвала в ряде центров подражания. Это явление было рассмотрено нами при описании групп боспорской рельефной керамики<sup>4</sup>. Указанное обстоятельство создает дополнительные затруднения в локализации групп керамики эллинистического времени. Поэтому ряд исследователей понятию «пергамская керамика» придает условный характер<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма.— СА, № XI, 1949, стр. 275.

<sup>2</sup> Т. Книпович. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. Frankfurt a. M., 1929, стр. 26. Ср. Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.— МИА, № 25, 1952, стр. 293.

<sup>3</sup> Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика..., стр. 293.

<sup>4</sup> И. Г. Шургая. О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре.— МАСП, вып. 4, 1962, стр. 113.

<sup>5</sup> Об условном употреблении термина «пергамская керамика» пишет один из издателей материала из раскопок Тарса — Фр. Джоунз (Fr. F. Jones. The Pottery.— В кн.: H. Goldman. Excavations at Göslu Kule, Tarsus, I. Princeton, 1950, стр. 150); «пергам-

В настоящее время вопрос о значительном масштабе производства керамики в Пергаме в эллинистическую эпоху окончательно решен<sup>6</sup>. А. Конце пишет, что в культурном слое городища нередки находки формочек для оттискивания рельефа, украшавших сосуды<sup>7</sup>. Хотя ввоз в Северное Причерноморье пергамской эллинистической керамики несомненен, далеко не все ее разновидности, представленные в керамических коллекциях северо-причерноморских городов, уже выявлены.

В этом отношении интересны два обломка сосудов из материала Боспорской экспедиции (рис. 14, 1 и 2). Оба обломка принадлежат сосудам, имеющим форму глубоких тарелок, украшенных в центре налепными рельефными медальонами. Медальоны были оттиснуты в форме и прикреплены к сосудам перед обжигом. Глина обломков светлого розовато-палевого цвета, прекрасно отмучена. Это один из наиболее ясно определяемых, по описанию А. Конце, сортов пергамских глин<sup>8</sup>. Из глины этого рода выделялись терракоты, рельефные сосуды, иногда только рельефы, тогда как глиняное тело самого сосуда могло быть иным.

Оба фрагмента плохой сохранности, и форма сосудов восстанавливается с трудом.

От одного из сосудов сохранилась часть дна с остатками медальона (рис. 14, 1). Исполненное в рельефе изображение передает возлежащего на ложе мужчину, простершего вперед правую руку, а левой опершегося об изголовье. Содержание сюжета восстанавливается по опубликованному А. Конце фрагменту точно такой же тарелки с рельефным изображением эротической сцены<sup>9</sup>. Как уже неоднократно отмечалось, подобные сцены — обычный сюжет в декоре пергамской керамики эпохи эллинизма, в особенности рельефных сосудов<sup>10</sup>. Сосуд за исключением поддона покрыт плотным слоем оранжево-красного лака. Фрагмент найден в Мирмекии в слое с вещевым материалом второй половины II в. до н. э.

Второй фрагмент, происходящий из сельской усадьбы в районе Мирмекии, принадлежал, насколько об этом можно судить по сохранившемуся сколу, сосуду с более крутыми стенками (рис. 14, 2). Другого типа и кольцевая подставка этого сосуда. Если у фрагмента из Мирмекии массивный и широкий поддон усложнен углубленными бороздками, то фрагмент из сельской усадьбы обладает узким кольцевым поддоном с валикообразным утолщением в нижней части. Медальон в центре сосуда изображает эрота. Детали рельефа переданы в схематичной манере и грубо подправлены резцом. Оперение крыльев, складки одежды обозначены резкими, угловатыми линиями. Рука эрота только обозначена, ступни ног даже не намечены. Тусклое коричневатое покрытие сосуда сохранилось лишь местами. Сельская усадьба, откуда происходит этот фрагмент, существовала с середины III до первых десятилетий I в. до н. э., однако наибольшая часть на-

---

ская керамика» употребляется им как собирательное название для однотипной керамики различных центров восточной части эллинистического мира, в которой первоначально видела только изделия Пергама (ср. «Hellenistic Pergamene», «Roman Pergamene» — Tarsus I, стр. 173). В керамике, обозначаемой столь условными терминами, несомненно, присутствуют и изделия Пергама, выделение их из общей массы однотипного материала представляется очень важным.

<sup>6</sup> Об эллинистической керамике Пергама пишет О. Дейбнер (O. Deubner, Griechische Reliefkeramik in Hellenistischer Zeit, Archäologischer Anzeiger, 1930, стр. 340). Имеется работа, специально посвященная керамическому производству Пергама в эллинистическое время: Н. Нердинг, Eine hellenistische Töpferwerkstatt in Pergamon, Nachrichten der Giessener Hochschulgesellschaft, 21, 1962, S. 49.

<sup>7</sup> А. Конце, Altertümer von Pergamon, 1, 2, стр. 255.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> А. Конце, Указ. соч., табл. 44, 4.

<sup>10</sup> О. Дейбнер опубликовал дно пергамской тарелки с рельефным медальоном, совершенно аналогичным нашему и опубликованному (O. Deubner, Указ. соч. стр. 346, рис. 10).

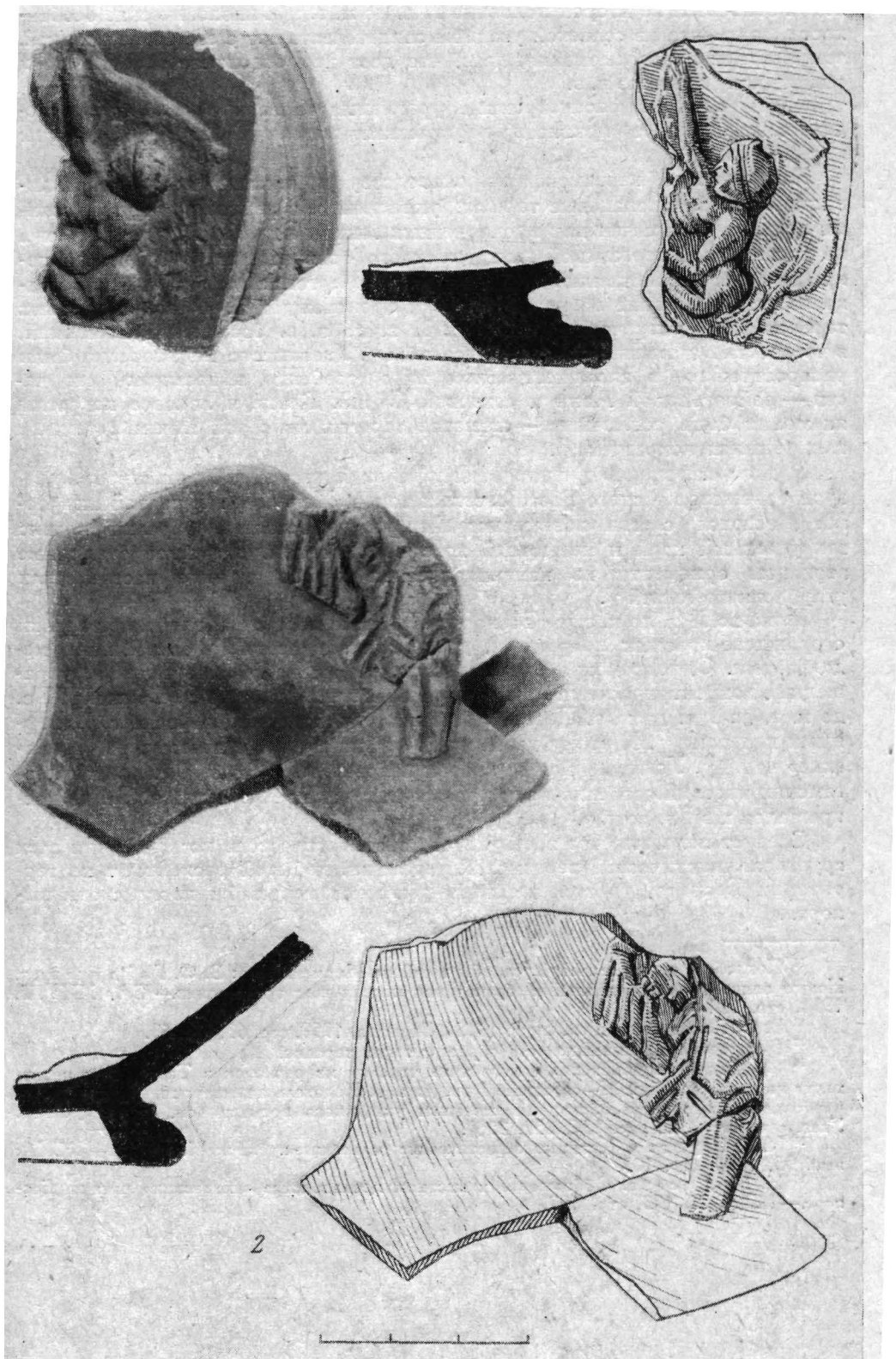


Рис 14. Фрагменты гарелок с медальонами (1, 2)

ходок относится ко второй половине II в. до н. э.<sup>11</sup> Типологические особенности фрагмента из сельской усадьбы свидетельствуют о его более поздней, чем фрагмента из Мирмекия, дате, что дает нам основание отнести его к самому концу II в. до н. э.

Таким образом, рассмотренные фрагменты тарелок с рельефными медальонами следует признать пергамскими изделиями второй половины II в. до н. э.

Как известно, пергамскому производству приписываются позднеэллинистические краснолаковые тарелки, украшенные в центре концентрическими кругами из насечек или прочерченных линий. Эти тарелки изготовлены из характерной пергамской глины светлого розовато-палевого цвета и покрыты лаком, свойственным тоже изделиям Пергама. Все это надежно подкрепляет заключение об их пергамском происхождении. Фрагменты таких тарелок часто встречаются в слоях II в. до н. э. боспорских поселений, в частности Мирмекия и сельской усадьбы<sup>12</sup>. Указанного типа тарелки были распространены в эллинистическом мире, особенно в восточной его части — район Малой Азии и северной Сирии. Глина и лаковое покрытие их может быть различным — имеются тарелки из серой глины с темным глянцевитым покрытием<sup>13</sup>.

Однако, как правило, глина этих тарелок бывает теплых оттенков, а глазурь оранжево-красного цвета светлых тонов. Характерной чертой их формы являются слегка возвышающийся над плоскостью тарелки плавно закругленный край и невысокий кольцевой поддон. В центре различные варианты орнамента из концентрических кругов в виде насечек или углубленных линий<sup>14</sup>.

Итак, во II в. до н. э. на Боспор из Пергама поступали глубокие тарелки с оранжево-красным покрытием, украшенные наклепными рельефными медальонами. Одновременно импортировались краснолаковые тарелки, украшенные концентрическими кругами врезных линий и насечек. С начала II в. до н. э. по I в. до н. э. Пергам поставлял также кубки, нередко с рельефными налепами<sup>15</sup>. К этому необходимо добавить еще и пергамские «мегарские» чаши<sup>16</sup>. Усилившийся со второй половины III в. до н. э. приток пергамских изделий особенно ярко прослеживается во II в. до н. э. Он не прекращался и в I в. до н. э.

Следует полагать, что в результате систематического исследования всех групп эллинистической пергамской керамики, добытой раскопками на территории Боспора, удастся выявить реальные масштабы пергамского импорта.

<sup>11</sup> Подробнее о дате сельской усадьбы в районе Мирмекия см.: В. Ф. Гайдукевич. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях.— СА, XXVIII, 1958, стр. 124—125.

<sup>12</sup> В. Ф. Гайдукевич. Мирмекий, II. Варшава, 1959, стр. 63, рис. 63.

<sup>13</sup> В материалах Мирмекия есть образцы таких тарелок.

<sup>14</sup> Ф. Джоунз опубликовал такого типа тарелки из раскопок в Тарсе. Они происходят из слоя середины II—середины I вв. до н. э. Издатель называет их «hallmarks» — наиболее характерными образцами керамики указанного времени (см. Fr. F. Jones. Указ. соч., стр. 175, рис. 136, 257, 258).

<sup>15</sup> И. Г. Шурга я. Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия.— КСИА, вып. 95, 1963, стр. 107.

<sup>16</sup> Н. М. Лосева. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре.— МИА, № 103, стр. 199.

### III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. И. КАПОШИНА

#### ИТОГИ РАБОТ КОБЯКОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиция ЛОИА АН СССР с 1956 по 1962 г. производила раскопки Кобякова городища и его некрополя. После работ А. А. Миллера, открывшего здесь поселение эпохи бронзы, которое перекрыто поселением римского времени, Кобяково городище подверглось сильнейшим разрушениям. В связи со строительными работами раскопки велись на участках, подлежащих сносу и застройкам. Удалось проследить границы поселений, выявить насыщенность строительными остатками различных участков городища. Работы проводились объединенной экспедицией ЛОИА АН СССР Ростовского музея и Ростовского университета<sup>1</sup>.

Работы Кобяковской экспедиции уточнили выводы А. А. Миллера относительно слоев поселения бронзы<sup>2</sup>. Выяснилось, что поселение этого времени занимало не всю площадь городища, слой неравномерный, наиболее интенсивная жизнь протекала в восточной части городища. Важным открытием явилось обнаружение семи жилищ эпохи бронзы двух типов, сосуществовавших одновременно. Один тип представлен землянками с каменными стенами, укреплявшими стенки котлованов в материке. Второй тип — наземные жилища. Среди находок, обнаруженных в жилищах, представлена серия богато орнаментированных сосудов. Очень интересной является многогранная литейная форма для отливки бронзовых кельтов, бронзовых тел и шильев. Характеристика Кобяковского поселения эпохи бронзы дана в работах Э. С. Шарафутдиновой, специально исследующей этот памятник<sup>3</sup>.

Поселение первых веков нашей эры полностью перекрывало поселение эпохи бронзы. Оно располагалось на большей площади, чем поселение эпохи бронзы.

Поверхность Кобякова городища изрыта многочисленными траншеями, ямами, воронками. Особенно нарушены слои первых веков нашей эры. На

<sup>1</sup> Состав экспедиции: научные сотрудники и лаборанты ЛОИА Э. С. Шарафутдинова, А. Н. Мелентьев, Г. М. Падва, Е. Г. Кастанаян, Т. А. Владимирова, А. С. Команцева, В. И. Пругло; научные сотрудники Ростовского музея: С. Н. Братченко, В. М. Косьяненко, В. С. Бочкарев; научные сотрудники Гос. Эрмитажа: А. П. Манцевич, Я. В. Доманский; преподаватели Ростовского университета: Ю. П. Ефанов, В. Я. Княшко; Ленинградского университета: А. В. Гадло; Л. С. Клейн и группа студентов обоих университетов.

<sup>2</sup> Итоги работ А. А. Миллера опубликованы в его отчетах, напечатанных в ИРАИМК, т. IV, 1925; СГАИМК, т. I, 1926; т. II, 1929.

<sup>3</sup> Э. С. Шарафутдинова. Кобяковское поселение эпохи бронзы. — «Археологические раскопки на Дону». Ростов, 1962; Она же. Жилище эпохи бронзы на Кобяковом городище (Раскопки 1958—1961 гг.). — КСИА, вып. 93, 1963.

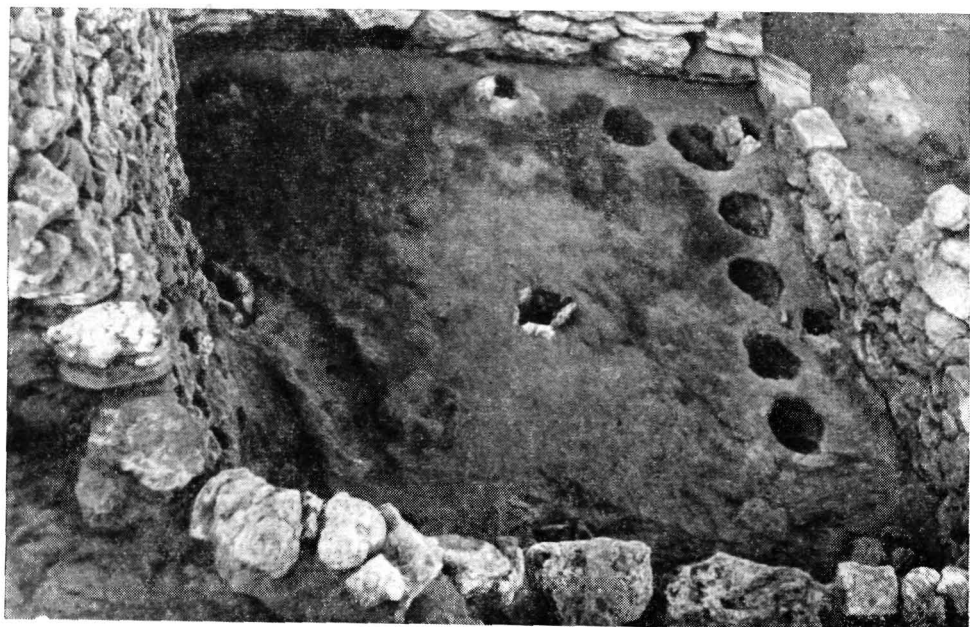


Рис. 15. Кобяково городище. Подвал для хранения амфор.

поселении первых веков н. э. встречены два типа строительных остатков<sup>4</sup>: каменные прямоугольные строения и округлые в плане глинобитные жилища. Пока не удалось установить, какой из этих типов древнее. Стены глинобитных жилищ построены из камыша, обмазаны глиной, а затем обожжены. Они были обнаружены непосредственно на слое эпохи бронзы, т. е. в нижнем горизонте слоя первых веков н. э. Вместе с тем и остатки каменных кладок стен также встречены в слое с наиболее ранним для римского Периода материалом. Пока еще мало открыто жилых строительных комплексов, чтобы можно было уточнить, какой тип жилищ возникает раньше. Каменные постройки возводились под влиянием строительной техники, применявшейся в греческих городах-колониях.

Одна из интересных каменных построек раскопана в 1962 г. на участке IV, в западной части Кобякова городища. Открыт подвал почти квадратный в плане (2,10 × 2,10—2,23) с каменными стенами, ориентированными по оси северо-северо-восток — юго-юго-восток. Пол подвала служил материк, залегающий здесь на глубине 2,94 м. Видимо, постройка подвала производилась следующим образом. Первоначально в культурном слое был выкопан квадратный в плане котлован, доведенный до уровня материка. Затем земляные стены котлована как бы подверглись «облицовке» необработанными известняковыми плитами, уложенными в один ряд на растворе глины; после этого дно котлована было еще несколько углублено в материке. Поэтому подошвы стен подвала находятся на уровне поверхности материка (в среднем на глубине 2,87), а горизонт пола на 0,15—0,17 м ниже. Внутренняя поверхность стен была подтесана и покрыта тонким слоем глиняной обмазки. Куски такой обмазки сохранились местами. Юго-восточная и юго-западная стены сохранились в высоту на 1,36 м. Худшей сохранности были стены северо-западная и северо-восточная, высота их равна 0,69 м и 0,78 м. В полу подвала, вдоль стен, в процессе расчистки

<sup>4</sup> С. И. Капошина. Раскопки Кобякова городища.— «Археологические раскопки на Дону», 1962.

выявилось девять ямок глубиной 0,17—0,23 м, диаметром 0,11—0,14 м, десятая была в центре пола помещения. Ямки эти расположены симметрично. Стенки и дно ямок были укреплены небольшими, необработанными плитками известняка. У северо-западной и юго-восточной стен подвала было обнаружено шесть небольших углублений относительно правильной сферической формы, примерно одного размера: диаметр около 0,21 м, глубина 0,18—0,20 м. В таких ямках могли помещаться амфоры<sup>5</sup> (рис. 15). В подвале, видимо, сохранялись продукты, в частности продукты в амфорах. Античное влияние здесь сказывается не только в самой постройке. В греческих городах подвалы с амфорами обычны.

Одновременно с раскопками Кобякова городища производились исследования его грунтового некрополя. За годы работы экспедиции было вскрыто около 300 могил. Поверхность некрополя, так же как и поверхность городища, сильно изрыта, местами сняты большие пласты земли<sup>6</sup>.

Грунт некрополя имеет свои особенности, в нем очень редко можно было уловить очертания могил. Но все же удалось установить, что наиболее распространенной формой являлась грунтовая яма овально-удлиненной формы или яма с закругленными углами. Ориентировка костяков чрезвычайно пестрая. Находки в некрополе очень разнообразны. В особенности разнообразны и многочисленны украшения, много фибул, бус, подвесок. Среди фибул следует особо отметить находку фибулы с надписью «Aucissa». Этот тип фибулы хорошо известен и датируется первым веком нашей эры. В Кобяковом некрополе это пока единственная находка фибулы с надписью. Но на нижнем Дону они встречались, две таких фибулы происходят из Хопров. В кобяковском некрополе фибула была найдена в погребении № 17—1961 г на правой стороне груди костяка. Другого инвентаря в этом погребении не было. Дунайское происхождение таких фибул несомненно<sup>7</sup>.

В том же 1961 г. в некрополе было открыто очень интересное погребение № 12<sup>8</sup>. Костяк лежал в вытянутом положении, ориентирован на северо-запад, череп деформирован. У локтя правой руки находились четыре бронзовых браслета, на левой руке — железный браслет. В ногах погребения стояла большая сероглиняная миска с высокими стенками и двумя вертикальными ручками. В ней находился железный нож и две кости барана. В ногах лежало 29 железных черешковых наконечников стрел. По характеру глины миска отличается от сероглиняной керамики, обычной для кобяковского некрополя. Глина светлая, она хорошо отмучена, в ней не видно примесей, характерных для сероглиняной кобяковской керамики. Создается впечатление, что миска привозная. Вместе с тем она, хотя и была изготовлена на гончарном круге, недостаточно хорошо сработана. Стенки ее несимметричны. На одной стороне миски нанесены вертикальные насечки, но они видны только на небольшом отрезке (рис. 16, 1). Это была попытка орнаментировать сосуд, почему-то неудавшаяся. Видимо, сероглиняная миска является производственным браком. Бронзовые браслеты с шпильками на концах неоднократно встречались в кобяковском некрополе, в комплексах I в. н. э. Железные трехлопастные наконечники стрел очень часты в погребениях первых веков нашей эры.

Костяк плохой сохранности, пол трудно установить, возможно, костяк женский<sup>9</sup>. Впервые в кобяковском некрополе найдено погребение, в кото-

<sup>5</sup> Из отчета, составленного В. И. Пругло, руководившей раскопками на участке IV в 1962 г.

<sup>6</sup> На какой глубине залегали погребения, точно неизвестно, их глубины брались от поверхности уже частично срезанной при строительных работах.

<sup>7</sup> М. И. Ростовцев. Бронзовые фибулы с надписями из Донской области. ИАК, вып. 65, 1918.

<sup>8</sup> Раскопками кобяковского некрополя в 1961 г. руководил старший преподаватель Ростовского университета Ю. П. Ефанов.

<sup>9</sup> Антропологические определения даны Б. В. Фирштейн.

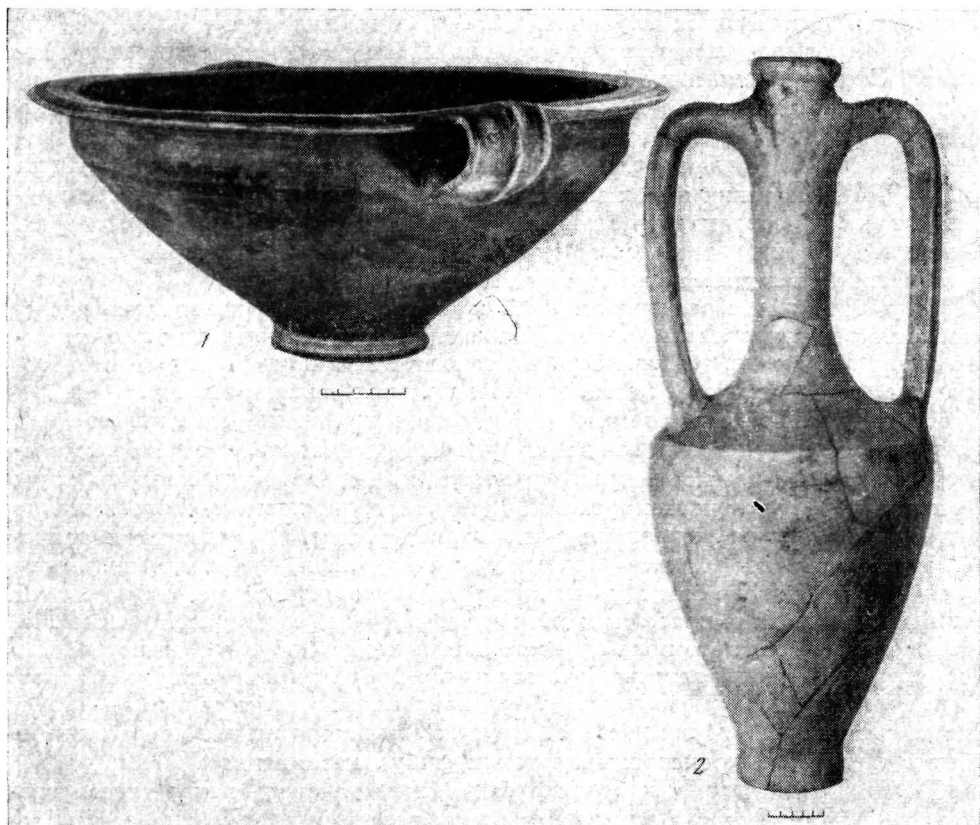


Рис. 16. Сероглиняная миска из погребения № 12, кобяковский некрополь (1); светлоглиняная амфора из Красного кургана (2)

ром украшения встречены вместе с оружием. Не является ли это захоронением «амазонки»? Железные ножи находятся почти в каждой могиле, но приношения напутственной пищи чрезвычайно редко в кобяковском некрополе. Здесь в миску было положено мясо с ножом. Сочетание различных элементов обряда, наличие украшений вместе со стрелами выделяют это погребение среди других.

Одновременно с раскопками городища и некрополя Кобяковская экспедиция производила исследование курганов в Аксайском, Багаевском и Новочеркасском районах Ростовской области. Работы были начаты в связи с новым строительством дорог и строительством Новочеркасской ГРЭС. Всего было раскопано 23 кургана. Из них 13 относились к эпохе бронзы, восемь курганов античного периода и два кургана принадлежали поздним кочевникам.

Впервые на нижнем Дону начаты систематические стационарные раскопки курганов эпохи бронзы. Тщательное изучение стратиграфии позволило выявить относительную хронологию погребений. Во всех курганах представлены погребения ямного, катакомбного и срубного времени. Обильный материал из этих погребений существенным образом дополняет наши представления о бронзовом веке. Известное своеобразие погребений ямного времени выявилось в их западной ориентировке. В ряде случаев курганы насыпались над группой погребений ямного времени. Все катакомбные погребения были впускными в тех курганах, которые первоначально насыпались над ямными погребениями. Курганные насыпи подсыпались по



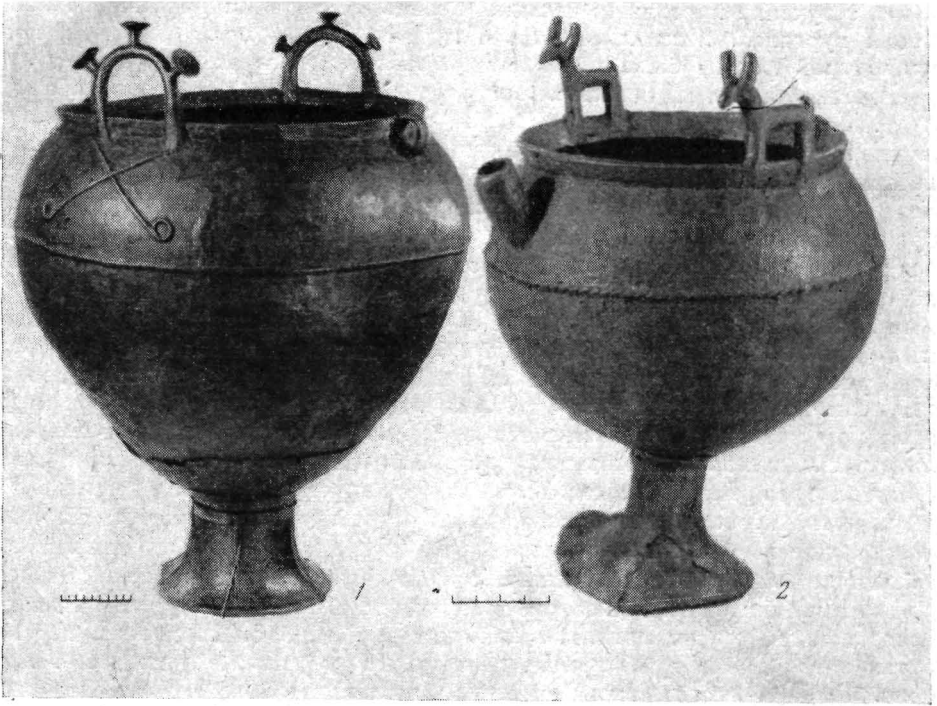


Рис. 17. Бронзовые котлы из кургана № 13

мере впускания в них катакомбных могил. Особенно богатыми оказались катакомбные погребения. В одном из них, в кургане № 2, у х. Кудинова была обнаружена деревянная колесница, покрытая камышовой циновкой. Она стояла в колодце катакомбы.

Инвентарь этого погребения состоял из большого реповидного сосуда, курильницы и медного ножа. В другой катакомбе кургана № 11 у х. Верхне-Янченкова был найден каменный топор или молот, служивший для дробления руды; следы руды были обнаружены на его рабочей части. Находки из катакомбных погребений очень ярко характеризуют эту культуру, представленную на нижнем Дону в предкавказском и северодонецком вариантах<sup>10</sup>. В ряде курганов эпохи бронзы были встречены впускные сарматские погребения I в. до н. э. и погребения поздних кочевников. В одном из погребений XII в. найден шлем с кольчужной бармицей<sup>11</sup>.

Из восьми курганов античной эпохи четыре принадлежат сарматам, они относятся к концу I в. до н. э. — началу I в. н. э.

Сарматские курганы исследованы в Богаевском районе у хуторов Верхне-Янченкова и Кудинова. Два маленьких кургана, ограбленные, содержали по одной могиле в центре. В них были найдены обломки стеклянных сосудов, железные трехлопастные наконечники стрел. Два больших кургана № 13 и 14 (последний носил местное название Красного кургана) оказались очень интересными. Высота их насыпей достигала 3 м. В каждом кур-

<sup>10</sup> Исследования и публикации курганов эпохи бронзы на нижнем Дону готовятся сотрудниками Кобяковской экспедиции А. Н. Мелентьевым, В. С. Бочкаревым, В. Я. Княшко, С. Н. Братченко.

<sup>11</sup> А. Н. Кирпичников. Шлем XII в. из погребения кочевника. — «Археологические раскопки на Дону», 1962.

гане было обнаружено по одной могиле в центре. Они были также ограблены. Изучение курганных насыпей позволило выявить картину тризны в обоих курганах. Могильная яма в кургане № 13 прямоугольной, почти квадратной формы была перекрыта деревянными плашками, поверх которых лежал настил из камыша. При ограблении могилы ее перекрытие рухнуло. Только по краям сохранились концы полуистлевших деревянных плашек. Камыш покрывал частично и выкид, лежавший вокруг могилы, отпечатки камыша хорошо прослеживались. Большой бронзовый котел, перевернутый вверх дном, стоял у могилы. На внешней его поверхности сохранились обильные следы копти, очевидно, в нем варили мясо для тризны (рис. 17, 1). Рядом с котлом стояла бронзовая чаша с ручками в виде ладошей, как бы охватывающих сосуд. Неподалеку лежал маленький бронзовый котел с носиком и ручками в виде стилизованных фигурок животных (рис. 17, 2). Бронзовая амфора и бронзовый аск лежали так, что создавалось впечатление, будто они были разбросаны после совершения тризны. На краю камышового перекрытия могилы были найдены железная кирка, железная мотыга и два железных серпа. На стенах могилы можно было видеть следы кирки и мотыги, которыми была вырыта могила, а двумя серпами, брошенными вместе с мотыгой и киркой был сжат камыш.

Широко известно, что в сарматских погребениях встречаются нарочито испорченные вещи, как, например, разбитые и сломанные бронзовые зеркала. В наших курганах на тризнах стояли котлы, перевернутые вверх дном, другие находки оказывались разбросанными. В Красном кургане также на месте тризны вокруг могилы лежали два котла, бронзовая ваза, перевернутая вверх дном, три глиняные амфоры, содержавшие вино для тризны (рис. 16, 2). В сарматском кургане, раскопанном в 1962 г. на западной окраине Новочеркасска, на месте тризны бронзовый котел (такого же типа, как в кургане № 13), стоял на ножке, но один из его боков был пробит.

Выделившаяся группа сарматских курганов объединяется общими признаками устройства могилы и погребального обряда. В курганах № 13 у х. Верхне-Янченкова, Красном кургане у х. Кудинова и кургане на западной окраине Новочеркасска могильная яма прямоугольной формы помещалась в центре, перекрывалась деревянными плахами и поверх них камышом. Вокруг могилы совершалась тризна и здесь же бросались или оставлялись вещи, употреблявшиеся на тризне. Во всех трех курганах обильно представлен италийский импорт в виде бронзовых сосудов художественной работы. Несмотря на то, что могилы были ограблены, мы можем отнести их к числу курганов сарматской знати, так как тризна была очень богатой — бронзовые котлы, импортные бронзовые вазы (рис. 18). В Новочеркасском кургане, помимо котлов, были обнаружены восемь серебряных позолоченных чаш, украшенных резным орнаментом с чеканными медальонами. Они лежали одна на другой вверх дном. 14 золотых фаларов с изображениями животных в сарматском зверином стиле, инкрустированных цветными вставками и чаши были покрыты большим серебряным лутерием, перевернутым вверх дном. При раскопках кургана было выявлено, что тризна совершалась у могилы, когда возводилась курганная насыпь, в последний момент в насыпь положили чаши и фалары, украшавшие уздечки лошадей<sup>12</sup>.

Курганы сарматской знати вероятнее всего относятся к концу I в. до н. э. — I в. н. э. Однако в них встречены находки, которые могут восходить к несколько более раннему времени. К этой группе богатых сарматских курганов следует отнести Хохлач и Круглый курган у станицы Нижнеши-

<sup>12</sup> Информационные сообщения об этих находках см.: С. И. Капштина. Ценные находки археологов в районе Новочеркасска. — Вестник Академии наук СССР, 1963, № 3; S. I. Kaposhina. A. Sarmatian Royal Burial at Nowoherkassk. — Antiquity, v. XXXVII, 1963

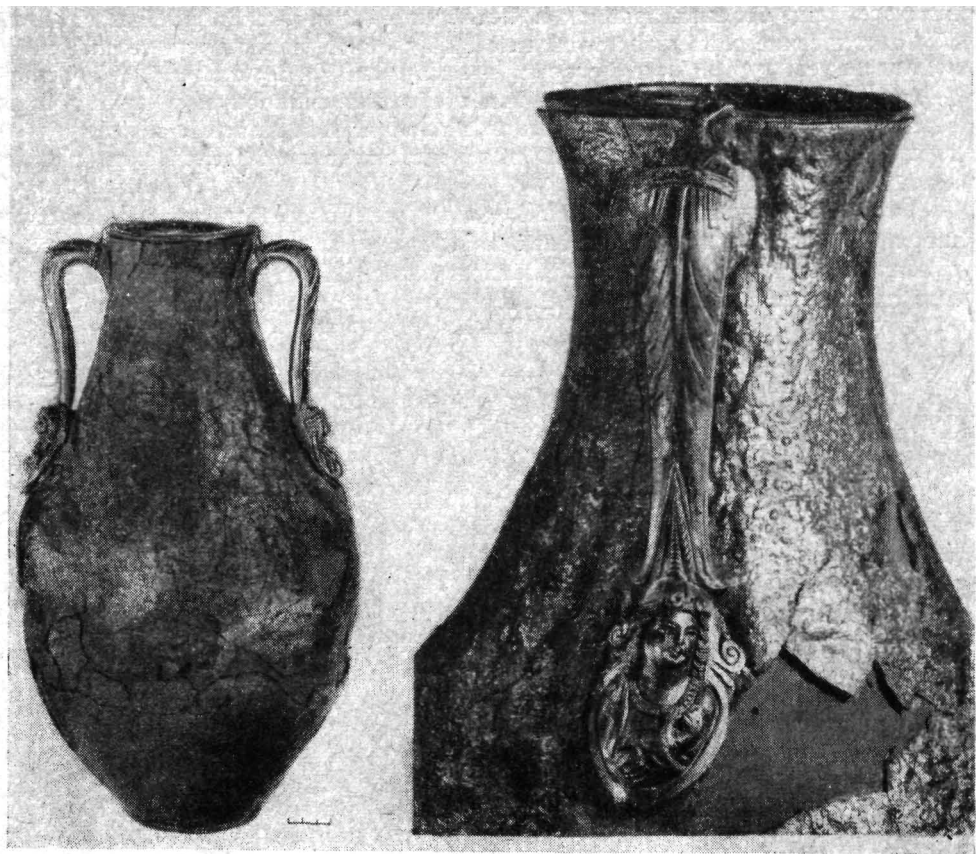


Рис. 18. Бронзовая амфора с рельефными бюстами менады из Красного кургана.  
Италийский импорт

ловской, откуда происходит бронзовый котел такого же типа, как и котлы, найденные нашей экспедицией, и бронзовые маски львов, являющиеся, вероятно, италийским импортом и датирующиеся I в. до н. э.<sup>13</sup> Таким образом, на нижнем Дону выделяется группа курганов сарматской знати. Среди них две пары курганов, видимо, связаны: курган № 13 и Красный курган в Богаевском районе и Хохлач и Садовый на западной окраине Новочеркаска.

Обычно сарматские курганы располагались среди курганов эпохи бронзы. Из-за отсутствия костяков пока трудно определить, какому сарматскому племени принадлежат курганы сарматской знати.

Одновременно были раскопаны два сарматских кургана более поздней поры. Оба они граблены, но по единичным находкам их можно датировать — один III в. н. э., другой IV или даже концом IV в. н. э. В каждом кургане было по одной могиле. Обе катакомбной формы, но своды катакомб осели или обвалились. Особенно интересна структура кургана № 6, находившегося на территории Новочеркасской ГРЭС, у которого колодец был заложен камнем. У входа в могилу из колодца камень лежал почти в регулярной кладке. Такая форма могилы в кургане сарматского времени пока обнаружена впервые.

<sup>13</sup> Т. Н. Книпович. Таваис. Л., 1949, стр. 144—145, рис. 51.

Кроме раскопок археологических памятников нижнего Дона, получивших особенно большой размах в последние годы, экспедицией проведены археологические разведки на нижнем Дону; обнаружены древние поселения земледельцев, густая сеть которых раскинулась по берегам Дона, на периферии Танаиса. Большинство этих поселений синхронны верхнему слою Кобякова городища, они возникли в начале I в. н. э. Кочевые сарматы, обитавшие в степях, могли оседать впоследствии в земледельческих поселениях типа Кобякова городища.

Раскопки курганов сарматской знати позволили раскрыть новые страницы в истории нижнего Подонья и Приазовья. Богатый импорт из этих курганов свидетельствует о широких и оживленных культурных и торговых связях восточной окраины Боспорского царства со Средиземноморьем.

А. Н. МЕЛЕНТЬЕВ

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В НИЖНЕМ ПОДОНЬЕ <sup>1</sup>

По левобережью Дона, от поймы р. Сал до р. Маныч, по краю коренного берега протянулась широкая полоса курганов. Курганы составляют не равнозначные по величине группы, большие и малые, в зависимости от протяженности участков берега, разделенных балками и лощинами. По водоразделам между балками располагаются курганные «цепочки», непосредственно смыкающиеся с прибрежными группами.

подавляющее большинство небольших курганов уничтожено многолетней распашкой, и установить визуально границы отдельных могильников не представляется возможным. При исследовании курганной группы у хут. Кудинова Багаевского района оказалось, что у края коренного берега расположены курганы эпохи бронзы (кург. 1, 2), а по мере удаления от него — курганы сарматской культуры рубежа н. э. (кург. 3, 13, 14).

В раскопанных в полевой сезон 1961 г. двух курганах эпохи бронзы (кург. 1, 2) открыто свыше 20 могил, относящихся к трем различным культурам (четыре — древнеямной, девять — катакомбной и семь — срубной). Оба кургана сооружены в древнеямную пору. Насыпь кургана 1 (высота 3,7 м, диаметр свыше 50 м) многослойная: первоначально возведена над древнеямным погребением 8, затем увеличена после устройства еще двух древнеямных могил (погр. 6, 7) и завершена после впуска в курган могил катакомбной культуры. Насыпь кургана 2<sup>2</sup> (высота 1,7 м, диаметр 50 м) сооружена над основной древнеямной могилой (погр. 11) и увеличена, по видимому, после впуска катакомбного захоронения 6<sup>3</sup>.

Древнеямные захоронения (погр. 6, 7, 8 — кург. 1; погр. 11 — кург. 2).

Захоронения совершены в прямоугольные материковые ямы, перекрытые деревом и камышом. Несущая часть перекрытия основных могил (1/8, 2/11)<sup>4</sup> — накат коротких бревен-крайей. В стратиграфически относительно

<sup>1</sup> Раскопки Кобяковской экспедиции ЛОИА 1961 г. Начальник экспедиции — С. И. Капошина. В составе курганного отряда работали сотрудники ЛОИА Е. Г. Кас-танаян (начальник отряда), Г. М. Падва, А. Н. Мелентьев; ст. научн. сотрудник Гос. Эрмитажа А. П. Манцевич; сотрудники Ростовского областного музея С. Н. Братченко, В. М. Жибура, В. Бочкарев и студенты Ростовского гос. ун-та.

<sup>2</sup> Раскопкой кургана 2 руководила ст. научн. сотрудник Гос. Эрмитажа А. П. Манцевич.

<sup>3</sup> Насыпь кургана значительно разрушена и снвелирована многолетней распашкой в предыдущие годы.

<sup>4</sup> Здесь и в дальнейшем тексте числитель дроби обозначает номер кургана, знаменатель — номер погребения.

поздних погребениях ( $1/6$ ,  $1/7$ ) поперечный накат из 12 бревен-кряжей уложен на четыре продольных бревна-лаги (попарно у длинных сторон ямы).

Ритуал захоронений во многом сходен с погребальным обрядом древнеямной культурно-исторической общности на всей территории ее распространения. Погребенные были уложены на подстилку, сохранившуюся в виде темного тлена или остатков коры. В могилах  $1/6$  и  $1/7$  находились и остатки деревянной основы подстилки — четырехугольной рамы (возможно, погребальные носилки?). Охра обнаружена во всех могилах. Охра покрывала не только скелеты, но и все дно ям. Особенно обильна подсыпка охры в основных могилах, образовавшая местами плотные слои. В коллективной могиле  $1/8$  скелет ребенка покрыт поверх охры еще и слоем мела. В двух случаях в ритуале погребения наблюдалось присутствие огня. Так, в основной могиле  $1/8$  до момента сооружения перекрытия произведено сожжение толстого слоя камыша, а в могиле  $2/11$  погребенного сопровождал крупный обломок горшка, наполненный древесными углями и золой (возможно, целый сосуд, полностью разрушившийся).

В обряде труположения умерших наблюдается два последовательных этапа: погребенные в основной могиле  $1/8$  лежали на спине с подогнутыми ногами, а в стратиграфически более поздних могилах  $1/6$  и  $1/7$  — в скорченном положении на боку. Таким образом, вывод О. А. Кривцовой-Граковой о двух хронологических этапах в ритуале древнеямных захоронений в районе Никополя получает еще одно подтверждение и на материале Нижнего Дона<sup>5</sup>. Своеобразной чертой обряда является ориентировка умерших: все погребенные лежали головами на запад. Следует отметить устойчивость западной ориентировки в древнеямных захоронениях Нижнего Подонья<sup>6</sup>.

Во всех могилах обнаружены скелеты змей. В погребении  $1/8$  полный скелет змеи находился у ног одного из погребенных, а в могиле  $2/11$  лежал в анатомическом порядке, вытянуто, поверх ожерелья, расположенного рядом с костяком. Факт ритуального положения змей в ямную могилу зафиксирован при раскопках курганов в урочище «Три брата»<sup>7</sup>. Наши наблюдения не позволяют считать присутствие змей в могилах следствием заупокойного культа. Так, в погребении  $2/11$ , наряду со скелетом змеи на дне могилы, обнаружены в заполнении отдельные змеиные позвонки, а в норе грызуна под перекрытием за пределами ямы — еще один полный скелет. В могиле  $1/8$  целые и разрозненные змеиные остовы (семь — девять особей) встречены на разных глубинах в заполнении ямы, при этом некоторые из них находились поверх частей просевшего перекрытия. По-видимому, проникновение змей в могилы происходило через пустоты и трещины, образовавшиеся после обрушивания перекрытия (вполне возможные при незначительной высоте первоначальных насыпей) и через многочисленные норы грызунов.

Погребальный инвентарь представлен небольшим круглодонным горшком — погр.  $1/8$  (рис. 20, 4); (сосуд из погр.  $2/11$  — полностью расслоился); несколькими каменными орудиями: желваком кремня, использованным в качестве отбойника — погр.  $1/6$ , обломком сланцевой плитки со следами от растирания — погр.  $1/7$  и прекрасно отшлифованным топором из змеевика (серпентинита) — погр.  $1/8$  (рис. 19, 10). Из украшений заслуживает внимания находка в погр.  $2/11$  ожерелья, состоящего из 40 зубов ископаемых рыб *Sparus* или *Sparnodus* (рис. 19, 9). Каждый представляет собой полусферическую чашечку. Внешний край чашечки слегка зашлифован, в центре пробито отверстие для нанизывания. Подобного украшения в древнеямных

<sup>5</sup> О. А. Кривцова-Гракова Погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, № 115, 1962, стр. 6—8.

<sup>6</sup> С. И. Капошина. Памятники эпохи бронзы и сарматского времени на Нижнем Дону (по итогам работ Кобяковской экспедиции). — Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962 стр. 40—41.

<sup>7</sup> И. В. Силицын. Памятники предкифской эпохи. — СА, X, 1948, стр. 153, 158—159.

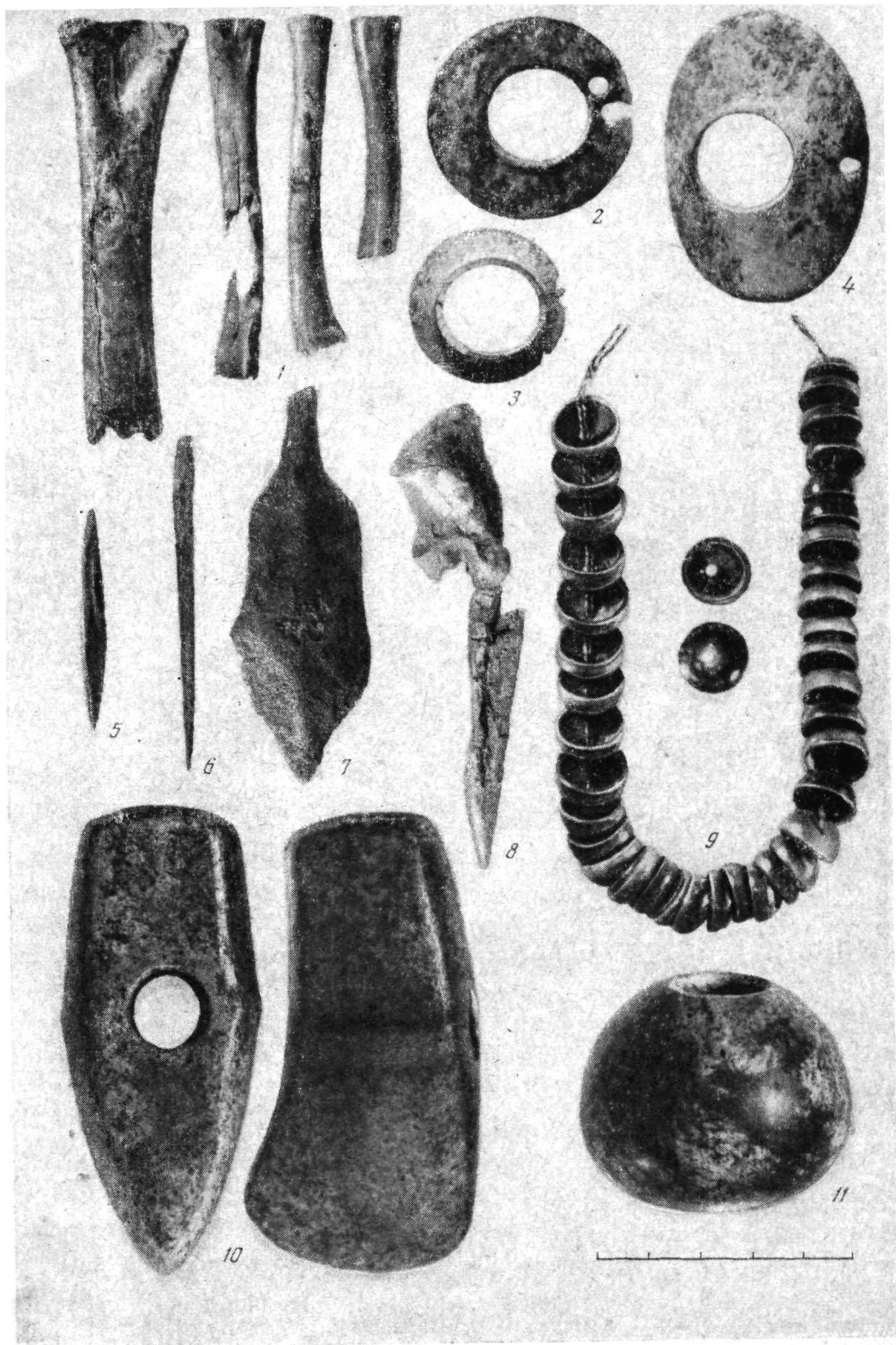


Рис. 19. Вещи из погребений

1 — обработанные кости птиц; 2, 3, 4 — костяные кольца; 5, 6 — бронзовые шпилья; 7 — бронзовый нож;  
 8 — костяная проколка; 9 — ожерелье из буси-зубов рыб *Sparus* или *Sparnodus*; 10 — топор из змеевика;  
 11 — наконечник булавы из змеевика

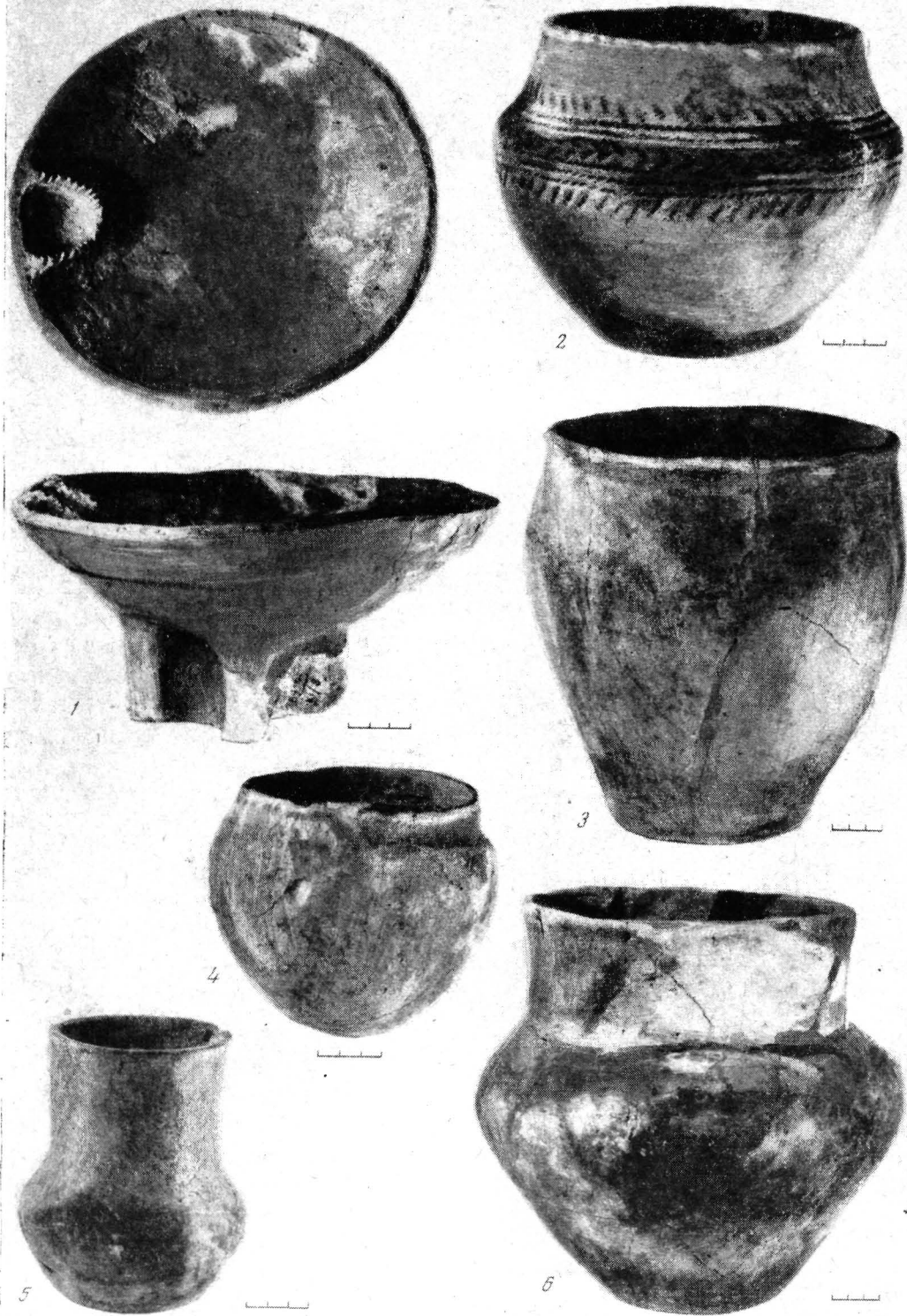


Рис. 20. Сосуды из погребений эпохи бронзы в нижнем Подонье



захоронениях ранее не встречалось. Они известны из погребений эпохи бронзы на Северном Кавказе<sup>8</sup>. Вместе с ожерельем из зубов находилось семь створок раковины-моллюска. Помимо этого, найдены в погребении <sup>1</sup>/<sub>8</sub>, четыре обработанные плечевые кости птицы (рис. 19, 1). (Одна, большая — дрофы, остальные — птиц отряда гусеобразных.) Назначение их не определено. Внешне находка наиболее сходна с набором костей из древнейшей могилы у с. Скатовки — музыкальным инструментом типа «флейты Пана»<sup>9</sup>.

Погребения катакомбной культуры (1, 2, 9 — кург. 1 и 4, 6, 7, 9, 10, 12 — кург. 2).

Все захоронения впускные в древнейшие курганы. Погребения произведены в катакомбных камерах, в двух случаях формы могильного сооружения не выявлены (погр. <sup>1</sup>/<sub>1</sub>, <sup>2</sup>/<sub>12</sub>). Одно из захоронений, по-видимому, символическое — кенотаф (погр. <sup>2</sup>/<sub>10</sub>). В обрушившейся погребальной камере не обнаружено никаких признаков захоронения; на дне входного колодца лежал раздавленный горшок катакомбного типа (рис. 20, 6).

Обычное положение погребенных — скорченное, на правом боку, лицевой частью черепа в сторону входа в катакомбную камеру. Умершие лежали на подстилке, сохранившейся в виде темновато-буроватого тлена. Охрой покрыты преимущественно черепа и кости голени и стоп. В ритуале и инвентаре катакомбных захоронений заметно влияние так называемого предкавказского варианта катакомбной культуры (волго-маньчжского по М. И. Артамонову). К наиболее характерным захоронениям этого типа могут быть отнесены погр. <sup>1</sup>/<sub>9</sub>, <sup>2</sup>/<sub>6</sub> и <sup>2</sup>/<sub>7</sub>, в инвентарь которых входили большие реповидные сосуды, курительницы на крестообразных, четырехлепестковых ножках (рис. 20, 1) и бронзовые предметы: четырехгранные шилья и ножи с небольшими выемками края лезвия у основания клинка (рис. 19, 7). Стратиграфические наблюдения и взаиморасположение могил свидетельствуют об относительно позднем совершении катакомбных захоронений предкавказского варианта.

Погребения позднесрубного времени (погр. 5, кург. 1; погр. 1, 2, 3, 8, 14 и 15 — кург. 2).

Все захоронения впускные в насыпь. Могилы — индивидуальные, без перекрытий. Погребенные лежали в скорченном положении на левом боку (в погр. <sup>2</sup>/<sub>1</sub> — на правом). Погребенные в могилах <sup>2</sup>/<sub>1</sub> и <sup>2</sup>/<sub>8</sub> ориентированы головами на северо-восток, в остальных — на запад. Иногда на костях ног заметна слабая окрашенность охрой.

Керамики в инвентаре нет. В трех могилах (<sup>2</sup>/<sub>3</sub>, <sup>2</sup>/<sub>14</sub>, <sup>2</sup>/<sub>15</sub>) обнаружены плоские костяные кольца с небольшим отверстием у внешнего края и слегка выступающим бортиком по внутреннему краю (рис. 19, 2, 3, 4). Подобные кольца широко распространены на территории к западу от Дона и, как известно, почти отсутствуют (за единичным исключением) в могилах основного района срубной культуры. Это обстоятельство, а также отсутствие керамики и западная ориентировка погребенных позволяют отнести раскопанные захоронения к самому позднему деривату срубной культуры — к группе «погребения в насыпи» (по определению В. А. Городцова), замыкающей на юго-западе ареал срубной культуры<sup>10</sup>.

<sup>8</sup> Б. Е. Деген-Ковалевский. Курганы в Кабардинском парке.— МИА, № 3, 1941, стр. 262–263, рис. 36 (20), 38 (12), табл. XIV, 5. Образец бусины-капсулы из раскопок Веселовского у хут. Кру на р. Ульке (ОАК за 1900 г., стр. 34) опубликован В. И. Марковиным. В. И. Марковин. Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, № 93, 1960, стр. 33, рис. 4 (7).

<sup>9</sup> И. В. Силицын. Работы Заволжского отряда Сталинградской экспедиции.— КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 78–79, рис. 33 на стр. 79; Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.).— МИА, № 60, 1959, стр. 162, 184, рис. 56 (6) на стр. 163.

<sup>10</sup> А. А. Исесен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 73.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА КОБЯКОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ  
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Во время работ Кобяковской экспедиции в 1958 г. на Кобяковском поселении позднебронзовой поры была обнаружена интересная находка. В нижнем горизонте заполнения землянки № 2<sup>1</sup> был найден обломок многосторонней литейной формы из тальково-хлоритового сланца (рис. 21)<sup>2</sup>.

Для отливки изделий не все стороны формы употреблялись одновременно. Первоначально для этой цели предназначалась лишь одна широкая грань с тремя отверстиями для цапф. Эта поверхность могла, по-видимому, являться и крышкой для другой формы. Длина грани 7,5 см. Слева на смежной узкой грани был вырезан плоским абразивом негатив какого-то плоскогрудия, и скорее всего тесла (рис. 21, в). В связи с тем, что форма обломана, верхняя часть орудия не сохранилась. Ширина лезвия 4,5 см. На второй широкой грани, смежной слева с негативом первого орудия, находился негатив безушкового кельта с валиком по краю овальной втулки (рис. 21, б, г). Желобок для валика сделан острым металлическим стержнем. Для создания негатива кельта был сбит левый край грани, на которой отливалось тесло (этот уцелевший край имеет всего около 1,5 мм ширины). По форме этот кельт, не имеющий боковых ушек, мог являться кельтом-теслом, орнаментированным, как всегда, по одной широкой грани. В данном случае вторая широкая грань отсутствует. Кроме того, у кельтов-тесел одна половина втулки всегда овальная. Это предположение не влияет, однако, на оценку самого орудия. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить о нем, как о кельте. Кельт орнаментирован. Под валиком располагается рельефный узор в виде горизонтальной линии, опоясывающей кельт, и трех расположенных в один ряд треугольников, свисающих вершинами вниз. В средний треугольник вписаны углами один в другой еще два треугольника. Орнамент на негативе вырезан острым каменным (режущим) орудием. Кельт книзу (или к середине) слегка сужается. К сожалению, так как форма обломана, нижняя часть негатива (примерно половина) отсутствует. Поэтому остаются неизвестными контуры боковых граней и лезвия. Ширина втулки 4,4 см, толщина втулки (если это кельт) 3 см, предположительная длина кельта около 9—10 см. Слева, в верхнем углу формы находилось углубление для цапфы. На четвертой узкой грани, смежной

<sup>1</sup> Э. С. Шарафутдинова. Жилища эпохи бронзы на Кобяковом городище.— КСИА, вып. 93, 1963, стр. 58—62.

<sup>2</sup> Определил сотрудник лаборатории археологической технологии ЛОИА Г. М. Ковнурко. Краткое, очень предварительное упоминание об этой форме дано автором настоящей статьи в статье «Кобяковское поселение эпохи бронзы» («Археологические раскопки на Дону», Ростов, 1962, стр. 40—51).

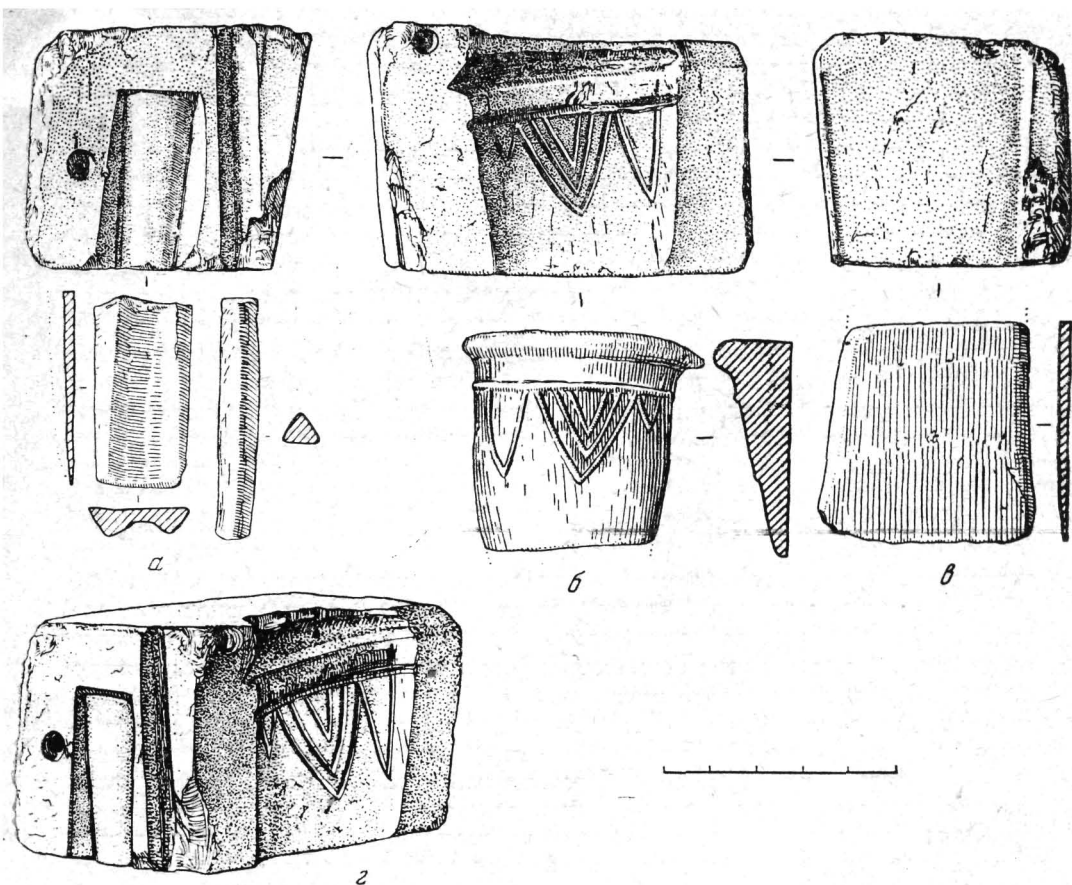


Рис. 21. Литейная форма Кобяковского поселения

а — формы и отливки долота и стержня; б — форма и отливка кельта; в — форма и отливка тесла; з — формы долота, стержня и кельта

слева с негативом кельта и противоположной к грани с негативом тесла, отливались два изделия — желобчатое долото и стержень, являвшийся, вероятно, заготовкой какого-то орудия (рис. 21, а, з). Долото имеет слабо выпуклое лезвие и незначительно выступающие ребра. Верхняя часть негатива долота тоже отсутствует. Ширина лезвия 1,7 см. Толщина стержня-заготовки около 0,7 см, сечение подтреугольной формы. Слева от негатива долота было отверстие для цапфы.

Перед тем как изготовить негативы этих изделий, всей поверхности камня с помощью абразива была придана правильная форма (параллелепипед). В результате этого все грани приобрели плоскую поверхность с сохранившимися следами обработки ее абразивом. Отливка изделий, как мы видели, производилась на трех смежных гранях. Четвертая грань, на которой сохранились три отверстия для цапф, после того как форма пришла в негодность, употреблялась в качестве терочника и ее ребра сбиты и закруглены в процессе работы. Форма обломана поперек, с двух противоположных сторон, после чего ее и перестали использовать по назначению. Но образовавшиеся в результате изломов две грани (перпендикулярные к граням с негативами изделий) стали служить для направки лезвий металлических орудий. Таким образом, перед нами вторичное, но уже иное использование литейной формы. Контуры негативов кельта, долота и стержня были сначала вырезаны металлическим орудием, а затем уже обработаны абразивом. Негатив стержня изготовлен режущим металлическим орудием.

Отверстия для цапф сделаны с помощью станкового сверления; сверло конической формы. От длительного употребления обломка формы в качестве терочника (одна грань) и для направки металлических орудий — ножей и тому подобное (две другие грани) все поверхности ее граней заполировались от трения о руку<sup>3</sup>.

Рельефный орнамент кобяковского кельта, состоящий из треугольников, крупный валик по краю втулки и отсутствие ушек напоминают в какой-то степени кельты и кельты-тесла Приказанского Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху поздней бронзы, где в тот период был свой металлургический центр<sup>4</sup>. Эти предананьинские кельты<sup>5</sup> нередко либо безушковые, либо с одним ушком. По краю втулки некоторых из них располагался массивный валик; небольшим валиком снабжались иногда и кельты-тесла. Довольно частым мотивом орнамента у этих орудий является горизонтальный ряд одного-двух-трех треугольников, образованных вписанными один в другой углами и направленными вершинами вниз<sup>6</sup>. Среди указанных форм кельтов известен один (район г. Елабуги), несколько напоминающий наш кельт, но с той разницей, что валик у него переходит в боковую ручку и по краям широких граней имеются ребра<sup>7</sup>. У кельтов из Дербеденевского клада (левобережье Прикамья, Тат. АССР) корпус сужается книзу, круглый массивный валик переходит иногда в ручку, а в разнообразном геометрическом узоре тоже имеется мотив из вложенных углов<sup>8</sup>.

Орнаментация из вписанных углов встречается в этот период и далее на восток, например, на двуушковом, сужающемся книзу кельте с двумя валиками, хранящемся в Томском Университете<sup>9</sup>. К сожалению, контур лезвия кобяковского кельта неизвестен, что существенно затрудняет сопоставление всех этих форм. В Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье этим узором украшались и некоторые двуушковые кельты киммерийского типа, бытовавшие там в XI—IX вв. до н. э.<sup>10</sup> Химический анализ двух таких кельтов свидетельствует об их местном изготовлении<sup>11</sup>.

Орнаментация вписанными углами в различных сочетаниях встречается и на кельтах позднебронзового периода в средней части Восточной Европы. Из Сосновомазинского клада происходит кельт-тесло с боковым и лобным ушками и с валиком по краю втулки, снабженный узором из трех вписанных вершинами треугольников<sup>12</sup>. Среди двуушковых кельтов Среднего Приднепровья имеются кельты киммерийского типа, орнаментированные уже знакомым узором<sup>13</sup>. Такой же узор известен на одноушковых кельтах

<sup>3</sup> Характер изготовления негативов и вторичного использования формы определила сотрудник лаборатории первобытной техники ЛОИА Г. Ф. Коробкова.

<sup>4</sup> А. В. Збруева. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры.—СА, № 2, 1957, стр. 36—37.

<sup>5</sup> А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.—МИА, № 30, 1952, стр. 109, табл. XXIII.

<sup>6</sup> А. В. Збруева. Культуры поздней бронзы в Прикамье... стр. 45; Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.—МИА, № 90, стр. 46—48, табл. X, 5, 9; табл. XVI, 10; А. Штукенберг. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. Казань, 1901, табл. III, 18, 19, А. М. Tallgren. Collection Zaoussailo, v. I. Helsinki, 1916, табл. XI, 8.

<sup>7</sup> J. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougren, vol. I. Helsingfors. 1877, стр. 49, fig. 144.

<sup>8</sup> Н. И. Булычев. Древности из Восточной Сибири, вып. 1, 1902, табл. VI, 1—5.

<sup>9</sup> М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей.—ТОИПКГЭ, т. 1, 1941, табл. III, 5.

<sup>10</sup> Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 50; А. В. Збруева. История населения Прикамья... стр. 110, 198, табл. XXIII, 7; табл. XXXVI, 17.

<sup>11</sup> Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 51.

<sup>12</sup> Архив ЛОИА, ф. 5, д. 300, л. 131.

<sup>13</sup> А. И. Тереножкин. Предкифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 120, рис. 83, 3, Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. 1, Киев, 1899, табл. X, 9.

с валиком по краю втулки на Ю. Буге (с. Ново-Григорьевка)<sup>14</sup> и на одношуквом кельте с валиком из Саратовского музея<sup>15</sup>. На некоторых кельтах трансильванского типа тоже встречается подобный орнамент<sup>16</sup>. Широкое распространение этого орнаментального мотива в эпоху поздней бронзы от Нижнего Прикамья и далее на юго-запад до Южного Буга, а также проникновение киммерийских типов кельтов на восток, в Прикамье и восприятие ими там узора из вложенных треугольников свидетельствуют о культурных взаимосвязях племен в тот период.

Кобяковский кельт, находясь на территории киммерийской культуры, не относится, однако, к киммерийскому типу и вообще не имеет черт, позволяющих твердо связать его с какой-либо определенной группой кельтов. Но по форме и орнаменту он имеет в какой-то мере сходство с кельтами и кельтами-теслами Нижнего Прикамья и с некоторыми кельтами Степного Поволжья, Среднего Днепра и Южного Буга периода поздней бронзы. Отличия нашего кельта от известных типов придают ему своеобразие. Кельт безушковый, у обоих крайних треугольников одна сторона выходит за пределы орнаментальной зоны, почти соприкасаясь с валиком; из вложенных углов состоит только средний треугольник. На широкой грани отсутствуют ребра. Все эти черты может быть указывают в известной мере на самостоятельность формы.

Точно датировать этот единственный кельт трудно. К тому же из-за излома матрицы нет возможности установить его форму полностью. Как уже говорилось, форма была обнаружена в нижнем горизонте заполнения землянки № 2. На этом заполнении было сооружено другое, наземное жилище № 1, которое погибло при пожаре примерно в 890 г. до н. э. ( $\pm 110$ )<sup>17</sup>. Следовательно, употребление формы относится ко времени, несколько более раннему, чем время существования жилища № 1. Вторичное же использование самой формы в качестве терочника и точильного бруска со значительными следами изношенности предполагает в свою очередь большую древность бытования отливавшихся в ней изделий. Это обстоятельство, вероятно, почти исключает возможность принадлежности формы к жилищу № 2. Скорее всего, она использовалась здесь уже будучи обломком, о чем подробно было сказано выше.

Хронологические рамки различных типов кельтов и кельтов-тесел Приказанского Поволжья и Нижнего Прикамья, а также указанные нами кельты Среднего Днепра и Южного Буга охватывают конец II — начало I тыс. до н. э.<sup>18</sup> Сосновомазинский клад датируется концом II тыс. до н. э. Исходя из этого следует, что наш кельт, вероятно, мог существовать в пределах XI—X вв. до н. э., т. е. в позднесрубный период.

Сохранившаяся нижняя часть негатива долота дает представление об узком желобчатом долоте со слегка закругленным лезвием. Приблизительные размеры долота можно определить, установив размеры негатива тесла (поскольку они находились на одной формочке). Исходя из пропорций длинных трапециевидных тесел, кобьяковское тесло могло быть длиной около 14—16 см. Почти параллельные грани ребер долота указывают на длинный желобок. Вероятно, сомкнутая втулка при таком желобке составляла либо примерно половину, либо одну треть всей длины орудия, как это обычно и бывает у таких долот. Поэтому, возможно, желобок имел длину 7—9 см,

<sup>14</sup> И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев. 1951, стр. 83—84 и табл. XIX, 3.

<sup>15</sup> A. M. Tallgren. La Pontide préscythique apres l'introduction des metaux.— ESA, II. Helsinki, 1926, стр. 83, fig. 106, 3.

<sup>16</sup> Там же, fig. 106, 11 (из Ровно); А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 122, 123, рис. 84, 6.

<sup>17</sup> Определение даты произведено радиоуглеродным методом в лаборатории ЛОИА АН СССР.

<sup>18</sup> Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 42, 48; А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 120—133.

а долото — 10—13 см. Впрочем, эти размеры долота и тесла (т. е. соответственно и негативов) связаны друг с другом относительно, так как оба изделия отливались не одновременно. Подобный тип литых желобчатых долот широко известен в эпоху поздней бронзы на Среднем Днепре<sup>19</sup>, в Северном Причерноморье<sup>20</sup>, в Степном Поволжье<sup>21</sup>, на Среднем и Нижнем Дону<sup>22</sup>, в низовьях Северского Донца и на правобережье Хопра<sup>23</sup>, в Нижнем Прикамье<sup>24</sup> и в Сибири<sup>25</sup>. Такие долота относятся к тому же времени, что и рассмотренные кельты<sup>26</sup>.

Тесло на третьем негативе расширяется к слабо закругленному лезвию. В связи с тем, что уцелела лишь нижняя часть негатива и нам неизвестна форма целого тесла, невозможно определить тип орудия и связать его с какой-либо хронологической группой тесел.

Значение рассмотренной литейной формы заключается в том, что она пока единственная находка на поселении позднебронзовой эпохи в низовьях Дона. Вместе с тем, наличие на одной форме негативов различных орудий свидетельствует об их сосуществовании, что также существенно для характеристики этих изделий.

<sup>19</sup> А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 147, рис. 97, 6, 10.

<sup>20</sup> О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, № 46, 1955, стр. 147, рис. 30, 13, 32, 17, 36; 33, 3—5, 10, 11.

<sup>21</sup> Там же, стр. 60, 62, рис. 13, 8 (Сосновомазинский клад).

<sup>22</sup> А. А. Иессен. К хронологии «Больших кубанских курганов».— СА, XII, 1950, стр. 172, табл. V, 2, 3.

<sup>23</sup> Х. И. Попов. Описание археологического отдела Донского музея, стр. 40, табл. V, 9, 10.

<sup>24</sup> А. В. Збруева. История населения Прикамья..., стр. 191, табл. XXXIV, 7; стр. 198, табл. XXXVI, 20; А. Штукенберг. Указ. соч., табл. IV, 14, 15; Н. И. Булычев. Указ. соч., табл. V, 6.

<sup>25</sup> В. И. Мошинская. Баландинский клад бронзовых инструментов.— КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 144—146, рис. 61, 3.

<sup>26</sup> Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 79; А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 147.

А. М. ЛЕСКОВ

НОВАЯ МАСТЕРСКАЯ ЛИТЕЙЩИКА  
ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ХЕРСОНЩИНЕ<sup>1</sup>

Летом 1963 г. в Херсонский краеведческий музей поступили интересные находки из с. Завадовка Больше-Лепетихского района Херсонской области. Ученики местной школы передали в музей бронзовые кельт, кинжал и восемь литейных форм для отливки кельтов и наконечника копья. Кроме того, две матрицы школьники передали приехавшей в село Т. Н. Гергель — научному сотруднику Херсонского музея<sup>2</sup>. Наконец, еще одну незаконченную литейную форму, видимо предназначенную для негатива наконечника копья, школьники передали автору, выехавшему на место находки.

Мастерская была найдена поздней осенью 1962 г., когда в Каховском море падает уровень воды. По рассказу школьников, нашедших ее, все вещи лежали вместе на пологом склоне неглубокой балки, впадающей в Каховское море (балка находится в километре к северу от с. Завадовка). Всего здесь было найдено две бронзовые вещи и одиннадцать матриц, служивших для отливки 17 различных предметов — кельтов, кинжалов, наконечников копий, тесла, булавки. Две наиболее крупные матрицы служили для отливки 11 предметов. На одной из них (инв. № а — 5934) нанесено шесть негативов на обе широкие и одну узкую плоскости, на второй (инв. № а — 5940) — пять негативов на обе широкие плоскости. Все литейные формы, по определению геолога В. Ф. Петруня, сделаны из кристаллического сланца и скорее всего имеют криворожское происхождение.

Кратко опишем найденные матрицы. На восьми литейных формах имеются негативы для отливки девяти кельтов — двушковых, одношковых и безушковых. Судя по негативам, три двушковые кельта были шестигранные в сечении, несколько суживались к овальной втулке. По краю кельты опоясывались массивным ободком, от которого отходят ушки. Центральные части широких плоскостей двух кельтов выделены ребрами, идущими параллельно граням и ободку (рис. 22, 1). Негативы одношковых кельтов (их два) по форме аналогичны двушковым. Ребра, выделяющие центральную часть широких плоскостей одного кельта с помощью зигзагообразных рельефов, соединялись с ободком (рис. 22, 4).

У второго кельта, судя по негативу, по центру широкой плоскости от ободка до лезвия проходит вертикальная нервюра (рис. 22, 7).

Четыре негатива служили для отливки небольших, шестигранных в сечении, безушковых кельтов с прямыми боками и прямым лезвием. Вдоль

<sup>1</sup> Доклад, прочитанный на Заседании Сектора неолита и бронзы 12. IV, 1964 г.<sup>2</sup> Благодарю Т. Н. Гергель и дирекцию Херсонского краеведческого музея за любезное разрешение опубликовать завадовские находки.

круглой втулки они опоясывались ободком. У трех кельтов по центру широкой плоскости проходит нервюра (рис. 22, 2).

Две матрицы служили для отливки четырех миниатюрных кинжалов с совершенно прямыми параллельными лезвиями (рис. 22, 6). В состав мастерской входят матрицы для отливки двух одинаковых по форме наконечников копий с прорезным пером и широкой конической втулкой. Наконечники копий отличаются друг от друга лишь размерами. Интересно, что две створки меньшего из наконечников копий сделаны из одного куска сланца — на обратной стороне матриц видна часть негатива крупного наконечника копья с прорезным пером. Видимо, когда эта форма пришла в негодность, мастер сделал для нее две створки аналогичного копья, только меньших размеров. Этот пример, как и факт максимального использования плоскостей формы для нанесения негативов, свидетельствует о ценности материала, служившего для изготовления литейных форм. Один не совсем законченный негатив предназначался для отливки тесла в виде небольшой четырехгранной пластины, расширяющейся к черенку и лезвию. На одной из матриц вырезана крупная булава с кольцевидной головкой (рис. 22, 6).

Из приведенного описания негативов видно, что в мастерской изготавливались разнообразие изделия — орудия труда, вооружение, предметы украшения. Как уже отмечалось, здесь же были найдены два готовых изделия — черешковый кинжал с валиком на оси (рис. 22, 5) и сравнительно крупный безушковый кельт, несколько суживающийся к овальной втулке. Чуть ниже края кельт опоясан ободком, от которого отходит рельефный треугольник (рис. 22, 3).

К какому же времени относится заводская литейная мастерская?

Прежде всего следует отметить, что негативы большинства вещей, нанесенные на заводские матрицы, известны на территории Нижнего Поднепровья, главным образом на Херсонщине. Матрицы, аналогичные заводским, А. О. Кривцова-Гракова публикует из урочища Солоха, Кардашинки II, из-под Цюрупинска и Раденска<sup>3</sup>.

Возраст Заводской мастерской и других перечисленных местонахождений определяется достаточно точно, благодаря негативам небольших черешковых кинжалов с параллельными лезвиями. Аналогичные кинжалы найдены в известном Широком кургане, на поселении у с. Змеевки<sup>4</sup>, которые, судя по керамике, относятся к белозерской ступени позднесрубной культуры. Хронологические рамки белозерской ступени определяются находками в Лукьяновском кургане<sup>5</sup> и Широчанском могильнике бронзовых фибул средиземноморского происхождения. Аналогичные фибулы в субмиканских могильниках Сицилии Г. Мюллер-Карпе датирует XI—IX вв. до н. э.<sup>6</sup> Фибула лукьяновского типа встречена и на поселении раннего фракийского гальштата у с. Лукашевки<sup>7</sup>, а на синхронном ему поселении близ г. Кишинева<sup>8</sup> найден кинжал, тождественный негативным изображениям на заводских матрицах.

Такой же кинжал обнаружен среди материалов Оскольского поселения бондарихинской культуры<sup>9</sup>. С самого Бондарихинского поселения, давшего

<sup>3</sup> О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.—МИА, № 46, 1955, стр. 136, рис. 34, 9—16, 33—35.

<sup>4</sup> А. В. Бураков. Поселения эпохи бронзы біля с. Зміївка.—«Археологічні пам'ятки УРСР», т. X, 1961, стр. 29, рис. 4, 5.

<sup>5</sup> А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 195, рис. 70, 9.

<sup>6</sup> H. Müller-Karpe. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit hördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959, стр. 23—25, рис. 32, 7, табл. 4, 2, табл. 6, 9.

<sup>7</sup> А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии.—МИА, № 96, 1961, стр. 44.

<sup>8</sup> Там же, стр. 43, рис. 17, 1.

<sup>9</sup> В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века.—СА, 1961, № I, сто. 37, рис. 6, 2.



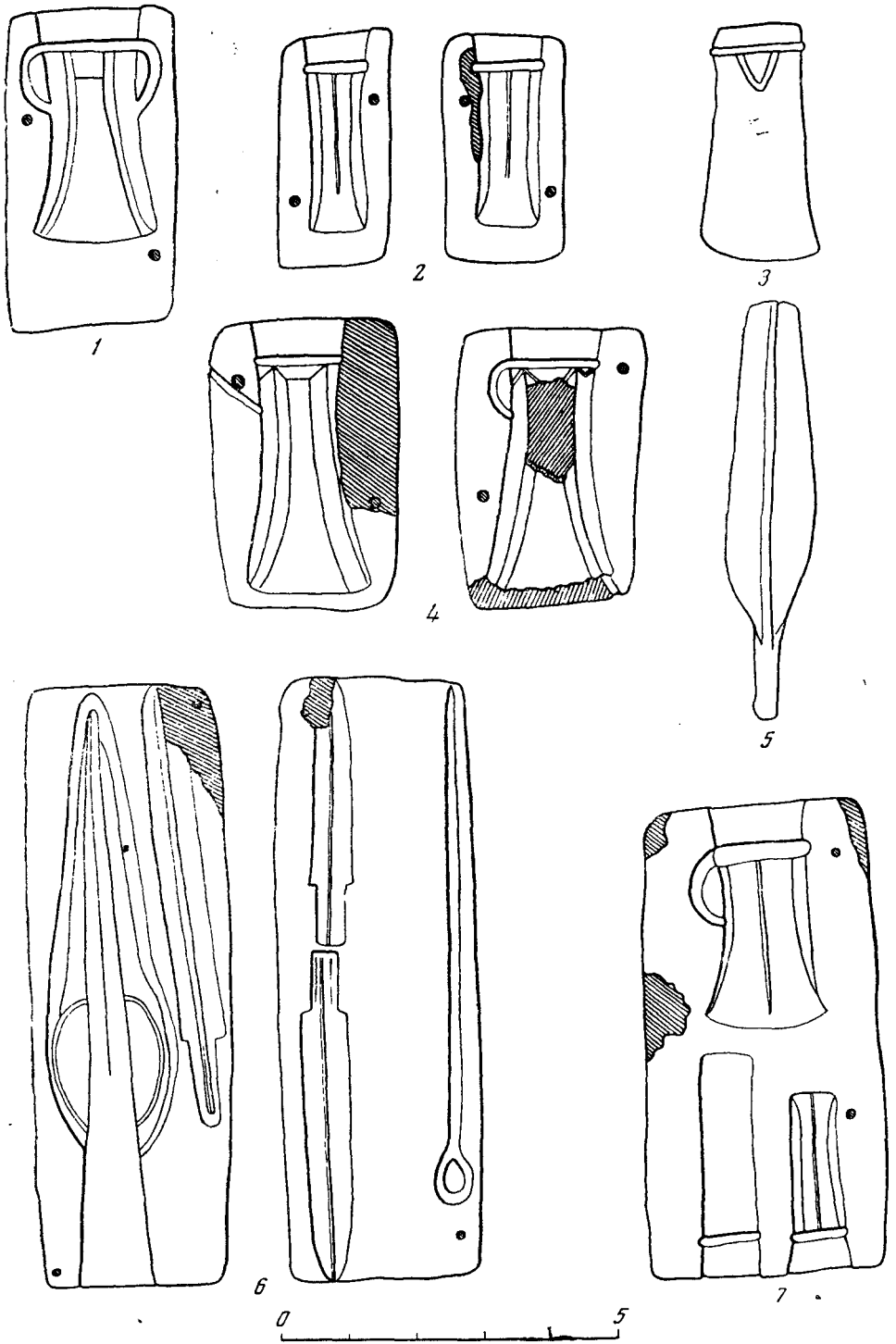


Рис. 22. Литейные формы из мастерской литейщика

название культуре, происходят две литейные формы двушковых, шести-  
гранных в сечении, кельтов, украшенных вертикальной nervюрой<sup>10</sup>. Матрица такого же, только одношкового, кельта есть в Завадовской мастерской. Итак, кинжалы, изготавливаемые в завадовской мастерской, позволяют синхронизировать белозерскую ступень позднесрубной культуры с памятниками раннего фракийского гальштата в Молдавии и бондарихинской культурой в лесостепи днепровского Левобережья. Субмикенские фибулы лукьяновского типа датируют все эти памятники в пределах X—IX вв. до н. э. К этому же времени относятся и матрицы из Кардашинки II, урочища Солоха, Раденска и Цюрупинска. Вместе с завадовской мастерской они дают набор бронзовых орудий, которые можно связывать с наиболее поздней ступенью срубной культуры в Причерноморье — белозерской. Это прежде всего шестигранные в сечении кельты и небольшие черешковые кинжалы с параллельными лезвиями.

Действительно, в хорошо датируемых соответствующей керамикой мастерских предшествующего, сабаатиновского этапа (Красномаяцкая, Волошская, Кардашинка III), известны кинжалы и кельты других типов<sup>11</sup>. Нет здесь, как и в Ново-Александровской<sup>12</sup> и первой кардашинской мастерских<sup>13</sup>, а также во всех известныхкладах литейщиков в Северном Причерноморьи, наконечников копий с прорезями и булавок с кольцевидной головкой.

Видимо, и эти изделия с достаточными основаниями можно считать характерными для белозерского этапа.

---

<sup>10</sup> В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века.—СА. 1961, № 1, стр. 26, рис. 5, 1, 2.

<sup>11</sup> О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 136, рис. 30; рис. 32, 26—30; О. В. Бодянский. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр.—«Археологічні пам'ятки», т. IV, 1952, стр. 169, табл. III, 2; IV, 1, 6.

<sup>12</sup> А. В. Добровольский. Талькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини.—«Археологія», т. IV, 1950, стр. 163, табл. I.

<sup>13</sup> О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., рис. 33.

В. И. КОЗЕНКОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕРЖЕНЬ-ЮРТОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ  
в 1963 г.

В 1963 г. продолжались многолетние раскопки поселения эпохи бронзы — раннего железа у с. Сержень-Юрт Шалинского района ЧИ АССР<sup>1</sup>. Результаты работ прошлых лет опубликованы<sup>2</sup>. Раскопки проводились на холме I, в его северо-восточной стороне, где был заложен раскоп площадью 354 м<sup>2</sup>, примыкавший к исследованным участкам поселения. Кроме этого, на северном краю холма, в целях выявления вала, были разбиты два контрольных шурфа площадью 8 м<sup>2</sup>.

Как и прежде, на поселении были прослежены остатки двух разновременных слоев: нижний — более ранний слой выделен на основе анализа группы предметов, сходных с инвентарем так называемого куро-аракского энеолита, относимого, по последним данным, к раннебронзовому периоду<sup>3</sup>. Верхний — основной слой (глубина 0,3—0,8 м) характеризовал местный, восточный вариант кобанской культуры доскифского времени.

Стерильная прослойка между указанными слоями не прослеживалась, так как поздний, основной слой сильно нарушил более ранний, энеолитический слой, из которого происходят кремневые вкладыши для составного серпа со следами использования рабочего края, многочисленные костяные проколки, роговые предметы, глиняные модельки колес (рис. 23), обломки красноглиняных мажущихся сосудов, обломок кремневого наконечника стрелы с выемкой в основании (рис. 23, 5). Эти находки в Закавказье и на Северном Кавказе характеризуют памятники середины и второй половины III тыс. до н. э.<sup>4</sup>

В основном слое эпохи поздней бронзы вскрыты остатки большого хозяйственного комплекса. И, хотя четкой планировки строений, как и преж-

<sup>1</sup> Работа проводилась 2-м отрядом объединенной Северо-Кавказской археологической экспедицией Института археологии АН СССР, Чечено-Ингушского научно-исследовательского Института экономики, истории, языка и литературы и Республиканского Музея краеведения ЧИ АССР с участием: начальника экспедиции и отряда Е. И. Крупнова, сотрудника ИА АН СССР В. И. Козенковой, научного сотрудника ГИМ М. П. Абрамовой и студентов Грозненского Пединститута и МГУ М. Богаева, С. Ахмадова, Р. Саралиева, Э. Нечушкиной и др.

<sup>2</sup> В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г.—КСИА, вып. 98, 1964, стр. 73—80.

<sup>3</sup> А. Д. Иессен. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э.—КСИА, вып. 93, 1963, стр. 3.

<sup>4</sup> Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 98; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.—МИА, № 23, 1951, стр. 45; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.—МИА, № 100, 1961, стр. 50, 86, 102, 117; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.—МИА, № 93, 1960, стр. 99.

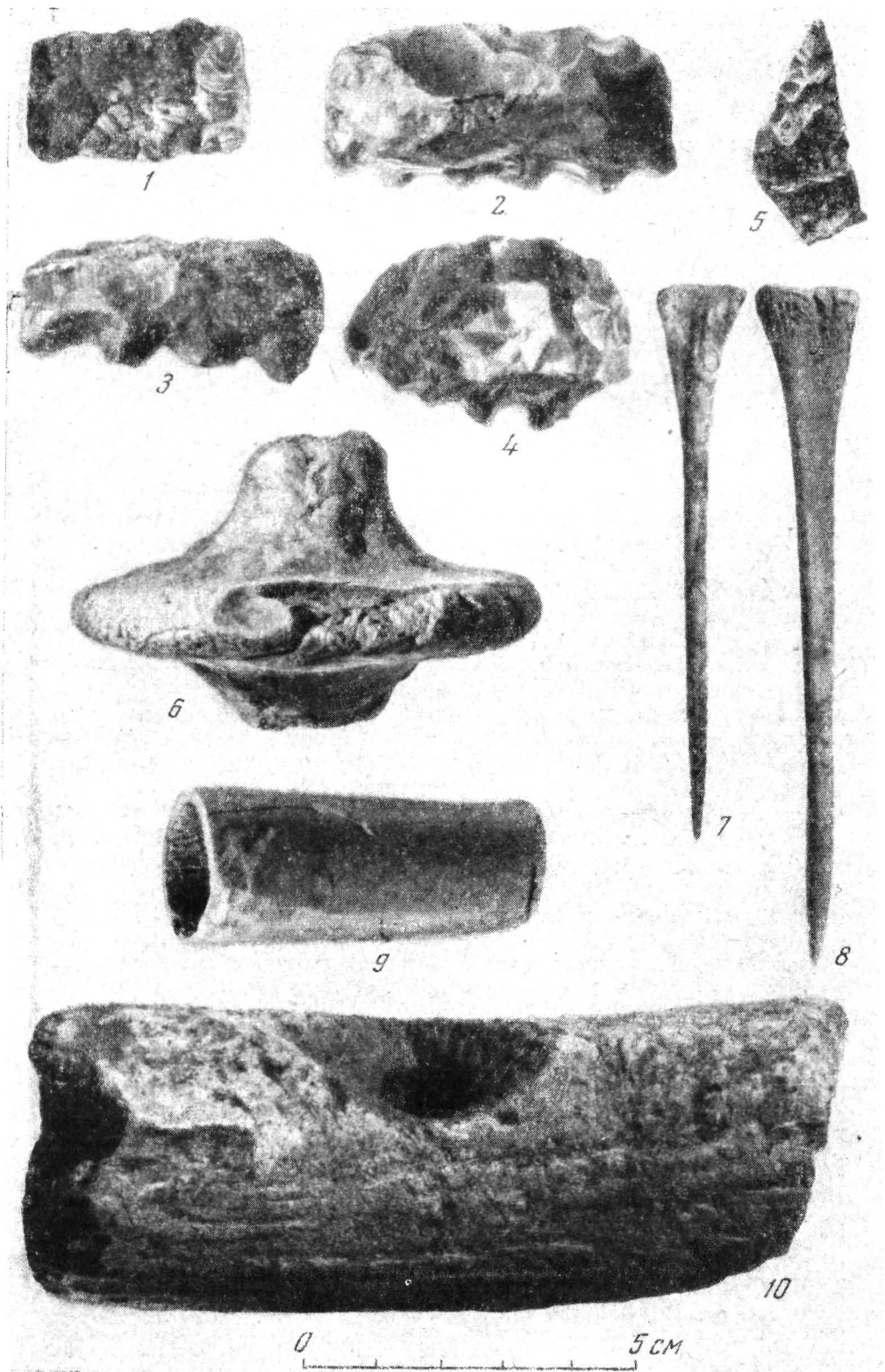


Рис. 23. Находки из нижнего слоя поселения Сержень-Юрт I

1—4 — кремневые вкладыши для серпа; 5 — обломок кремневого наконечника стрелы; 6 — глиняная моделька колеса; 7—8 — костяные проколки; 9—10 — роговые изделия

де, выявить не удалось, все же по отдельным деталям (развалы камней оснований стен, ямки от опорных столбов, расположение в слое обгоревшей обмазки) восстанавливается общий план дома. Здание было вытянуто с северо-востока на юго-запад. Длина его — около 18 м; ширина примерно — 10 м. Стены не сохранились, но сохранились ямки от опорных столбов диаметром 0,45 м, глубиной 0,3 м. В одной ямке имелась обкладка из гальки и обломки зернотерки. Расстояние между ямами от столбов — 8 м. Примерно посредине между ямками имелась еще одна опора в виде площадки из плотно уложенной мелкой гальки. Вероятно, от рухнувшей кровли сохранились части обуглившихся деревянных балок, одна из них имела общее направление со строением, а остальные были перпендикулярны ей. Ширина балок 0,3 м. Строение, вероятно, было разделено на две части. Юго-западная часть, площадью  $10 \times 10$  м, представляла производственно-хозяйственную мастерскую. Слой здесь сохранил следы неоднократного пожара. По обгоревшей земле и обмазке, довольно четко выявились границы этого помещения. У юго-западного края в помещении открыт примитивный горн в виде ямы со ступенчатым дном. В плане горн имел форму неправильного овала, вытянутого в направлении северо-восток — юго-запад. Длина овала ямы горна 3,5 м; ширина — 2 м. Глубина ямы 1,35 м. Заполнение у дна состояло из обожженной земли, а сверху из ярко-красных кусков обмазки, развала пода и стенок из обожженных блоков размером 0,35—0,4 м. В верхнем слое завала горна было много пепла светло-серого цвета.

Внутри горна обнаружены бракованные черепки сосудов, ком глины с отпечатками человеческих пальцев — заготовка для керамического изделия; костяная проколка со следами бронзы. В слое найдены также заготовки необожженных глиняных статуэток животных. Из орудий производства здесь были найдены пест и терочки.

Вторая, северо-восточная, половина строения имела хозяйственное значение. Большая часть площади была устлана хорошо утрамбованными в землю обломками сосудов. В северной стороне помещались две зернотерки, а между ними — небольшая овальная глинобитная площадка, хорошо заглаженная и обожженная, вероятно для ссыпания зерна. Вокруг площадки отмечены скопления раздавленных сероглиняных сосудов. Большинство находок располагалось в пределах указанных границ остатков строения. С юго-западной стороны от указанного комплекса, как бы за его стенами, раскопана часть галечной вымостки-дорожки, шириной 2,5 м, точно такой же по конструкции, как вымостка, открытая нами в 1962 г. Далее к юго-западу, по другую сторону галечной вымостки, расчищены остатки камней от основания стены, располагавшейся параллельно вымостке и, вероятно, принадлежавшей другому жилому комплексу хуже сохранившемуся. Здесь прослежены лишь отдельные развалы камней, яркие пятна обожженной обмазки, куски обуглившегося дерева и яма от опорного столба.

Таким образом, раскопки этого года подтверждают предположение о том, что жилища населения древнего поселка представляли собой длинные, напоминающие современные чеченские наземные, так называемые турлучные дома.

Как и в прошлые годы, в раскопе 1963 г. вскрыто много ям, которые располагались по всей площади компактными группами, некоторые из них прорезали друг друга, а также остатки сооружений.

Всего в 1963 г. вскрыто 66 ям. Типологически они разделялись на конические с узким устьем, широким обмазанным глиной дном, и на цилиндрические ямы. Наибольшая глубина их — свыше 2 м. Большинство ям относится к верхнему слою, в четырех из них, кроме обычного материала, найдены обломки мисок и кувшинов сарматского времени. По назначению ямы разделялись на производственные (яма-горн), хозяйственные: ямы-хранилища и мусорные ямы, содержавшие остатки бытового мусора и пред-

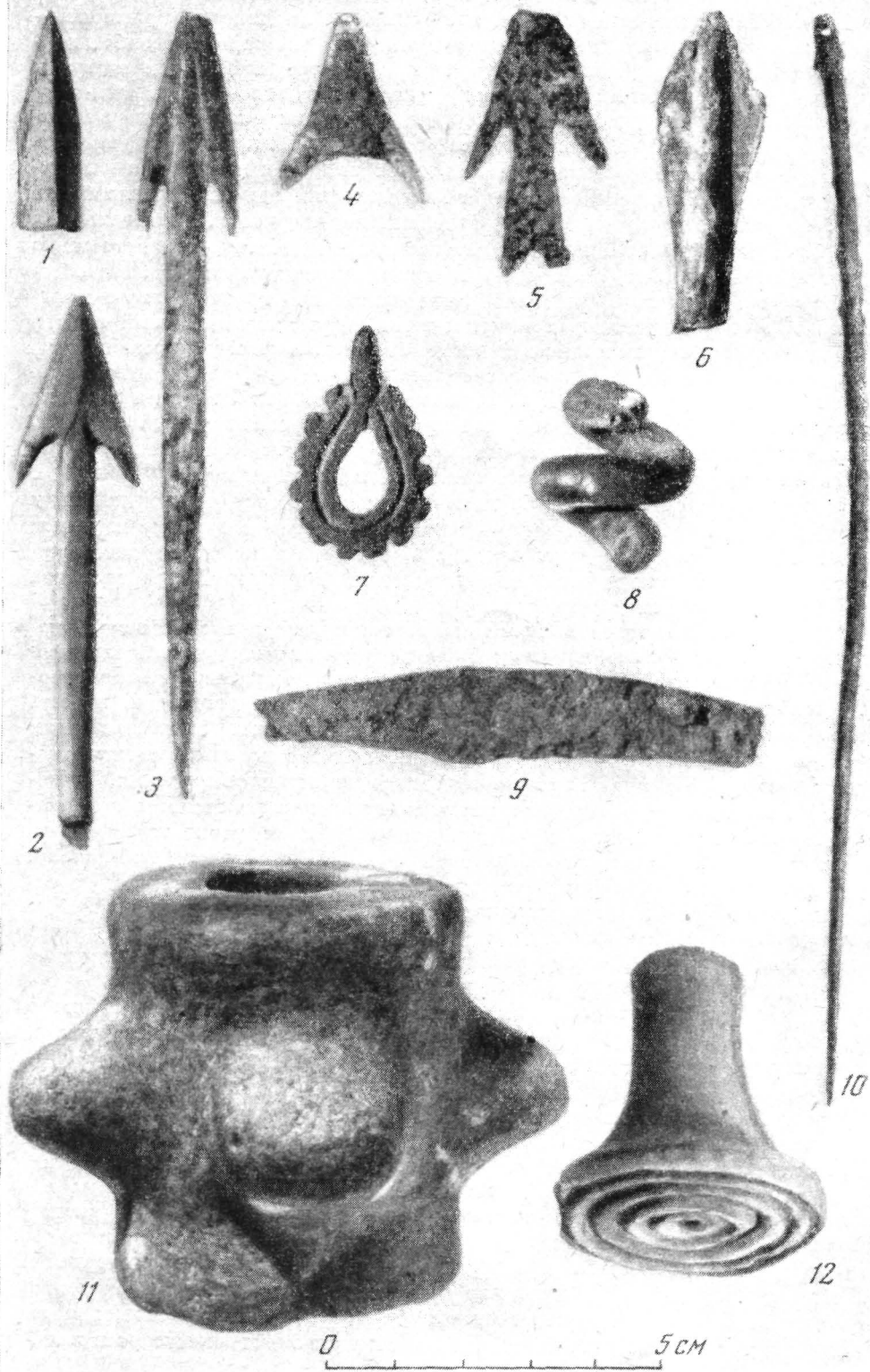


Рис. 24. Находки из основного слоя поселения Сержень-Юрт I

1—3 — костяные наконечники стрел; 4—6 — бронзовые наконечники стрел; 7—8 — бронзовые подвески; 9 — бронзовый нож; 10 — бронзовая игла; 11 — каменное навершие булавки; 12 — глиняный штамп «пинтадера»

меты производственного брака (необожженные заготовки глиняных предметов). Одна яма была сплошь заполнена только костями животных.

Основной керамический материал представлен фрагментами сосудов, но имелись и целые сосуды. Наряду с уже известными типами сосудов: мисками, биконическими и баночными горшками, выявился еще один неизвестный до этого тип посуды. Это удлиненно овальные блюда с плоским дном и низкими бортиками. Все они были найдены под завалом обмазки в слое на полу описанной выше «мастерской». Интересен обломок черноглиняного сосуда с нарезными вертикальными полосами по корпусу (рис. 25, 6). Такие сосуды хорошо известны из раскопок поселений кобанской культуры в Северной Осетии<sup>5</sup>. В незначительном количестве (всего четыре-пять фрагментов) найдены обломки сосудов с обмазанной глиной поверхностью каякентско-хорочаевского типа<sup>6</sup>.

Большинство сосудов из основного слоя были украшены налепами в виде шишек, вертикальных и горизонтальных налепов или налепных валиков с защипами. Эта многочисленная группа имеет близкие аналогии с керамикой из отдельных, на наш взгляд, наиболее ранних, погребений Исти-Су<sup>7</sup>. На двух обломках одной и той же миски впервые отмечен налепной орнамент в виде «свастики» (рис. 25, 5). Этот мотив довольно часто встречаем на предметах из кобанских могильников. Например, на днище одного из сосудов из кобанского могильника<sup>8</sup>, на бронзовых кобанских топорах из Сенжерменского музея<sup>9</sup>, на бронзовых блюдах из Лугового могильника<sup>10</sup>. Вероятно, к кобанским мотивам следует относить и другой орнамент, известный на сосудах из основного слоя поселения, а именно, налепы, имитирующие закрученные рога барана и змею. Этот мотив известен на вещах из кобанских могильников<sup>11</sup>.

Из других глиняных поделок следует упомянуть новые находки пиггидер (рис. 24, 12), столь важных для датировки основного слоя Серженъ-Юртовского поселения. Всего их насчитывается около десятка<sup>12</sup>. Многочисленны конусовидные глиняные прясла (рис. 25, 7, 8), аналогичные прясла из погребений могильников Исти-Су и Бойси-Ирзо раннескифского времени<sup>13</sup>.

Найдено много ритуальных глиняных лепешек, иногда украшенных ногтевым орнаментом; глиняных ядрищ, тиглей для плавки бронзы и свыше 120 глиняных статуэток животных (рис. 25, 1—4). Больше половины статуэток обнаружено в основном слое, среди них были и необожженные, что указывает на их местное изготовление. Морфологически и стилистически они близки бронзовым статуэткам из кобанских могильников. Это особенно четко прослеживается по изображениям лошадей и баранов<sup>14</sup>.

Из каменных орудий в большом количестве встречались каменные ядрища для пращи, каменные оселки, песты с рукоятками и терочники.

К основному слою относится и каменное навершие булавы цилиндрической формы с четырьмя округло-коническими выступами и не до конца

<sup>5</sup> Д. Б. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение Кобанской культуры.— «Материалы по археологии и истории Северной Осетии», т. 1. Орджоникидзе, 1961, стр. 11.

<sup>6</sup> А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э.— МИА, № 68, 1958, стр. 104, рис. 26.

<sup>7</sup> О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период.— СА, XIV, 1950, стр. 98.

<sup>8</sup> П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа.— МАК, VIII, 1900, табл. X.

<sup>9</sup> Там же, табл. IX, 1.

<sup>10</sup> Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XVII, 4.

<sup>11</sup> П. С. Уварова. Указ. соч., стр. 25, рис. 31, табл. III, 3.

<sup>12</sup> Е. Крупнов. Kaukasische «Pintaderas». Mittenlungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, XLII. Wien, 1963.

<sup>13</sup> О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., рис. 17, 23, 24.

<sup>14</sup> П. С. Уварова. Указ. соч., табл. IX, 1; XI, 5; XXV, 8.

просверленным отверстием для рукояти (рис. 24, 11). Мы не знаем пока точных этому предмету аналогий.

О широком использовании кости и рога на поселении говорят остатки костерезного производства. Найдено сырье, полуфабрикаты и готовые изделия. Кроме сверленных и полированных орудий, найдены наконечники стрел длинночерешковые и втульчатые (рис. 24, 1—3), широко датируемые с самого конца II тыс. до н. э. до VIII—VI вв. до н. э.<sup>15</sup> Преобладающим типом являются длинночерешковые наконечники стрел, аналогичные наконечникам из могильника Зандак<sup>16</sup>. Железных предметов найдено мало: два железных кольца (в слое), и два ножа (в ямах). Ножи довольно ранней формы и могут быть датированы раннескифским временем<sup>17</sup>.

Основная часть бронзовых предметов найдена в слое. Для датировки важны бронзовые ножи небольшого размера, с утолщенной спинкой и черешком (рис. 24, 9). Такой тип ножей характерен для культур степного юга и Кавказа доскифского времени<sup>18</sup>. Из пяти бронзовых наконечников стрел четыре — «площики», хорошо известные из прежних раскопок на Кавказе (рис. 24, 4, 5). В могильниках эпохи бронзы они появляются примерно с XII—X вв. до н. э.<sup>19</sup>

Наиболее поздняя дата бытования этого типа наконечников стрел определяется VI в. до н. э.<sup>20</sup> Пятый наконечник стрелы, найденный в основном слое, относится к скифским наконечникам раннего типа (рис. 24, 6). Появление таких двулопастных, без шипа наконечников стрел с выступающей втулкой, как в степных районах Евразии, так и на Кавказе, большинство исследователей единодушно относят ко времени VIII—VII вв. до н. э., но и не позднее VI в. до н. э.<sup>21</sup> Причем к более ранним (в пределах указанного периода) относят наконечники стрел с довольно длинной выступающей втулкой и с асимметрично ромбическими лопастями, то есть аналогичные сержень-юртовскому. По мнению П. Рау и следующего за ним К. Ф. Смирнова, широкое употребление этого типа стрел имело место только в VII в. до н. э.; к концу же этого периода они вышли из употребления<sup>22</sup>.

Учитывая, что наконечник стрелы скифского типа найден в Сержень-Юртовском поселении в комплексе, датируемом не позднее IX—VIII вв. до н. э. (литые черешковые стрелы закавказского типа, пластинчатые браслеты, бронзовые ножи и так далее), его можно, видимо, отнести к наиболее ранним образцам указанного варианта, т. е. VIII—VII вв. до н. э.

Среди других бронзовых предметов нужно упомянуть бронзовые иглы (рис. 24, 10), булавки, проколки, шилья, овальную прорезную и спиральную подвески (рис. 24, 7, 8) и обломок бронзового пластинчатого, ребристого браслета, характерного для раннего этапа кобанской культуры (XI—

<sup>15</sup> Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 285, рис. 48, 4; МИА, № 23, 1951, стр. 61, рис. 21, 7.

<sup>16</sup> В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни.—КСИА, вып. 98, 1964, стр. 84—87.

<sup>17</sup> Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 200, рис. 46.

<sup>18</sup> Н. В. А н ф и м о в. Протогеотский могильник с. Николаевского.—«Сборник по археологии Адыгее», т. II. Майкоп, 1961, стр. 119, табл. III, 7—8.

<sup>19</sup> Б. А. Куфт и н. Указ. соч., стр. 70—71, рис. 75.

<sup>20</sup> Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 200.

<sup>21</sup> Б. А. Куфт и н. Указ. соч., стр. 44; Б. Б. П и о т р о в с к и й. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 110, 125, табл. 10; А. А. И е с с е н. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.—СА, № XVIII, 1953, стр. 108; О н ж е. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.—«Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1952, стр. 119; П. Д. Л и б е р о в. Хронологические памятники Поднепровья скифского времени.—«Вопросы скифо-сарматской археологии», табл. I, рис. 31; К. Ф. С м и р н о в. Вооружение савроматов.—МИА, № 101, 1961, табл. V A.

<sup>22</sup> К. Ф. С м и р н о в. Указ. соч., стр. 41—42.



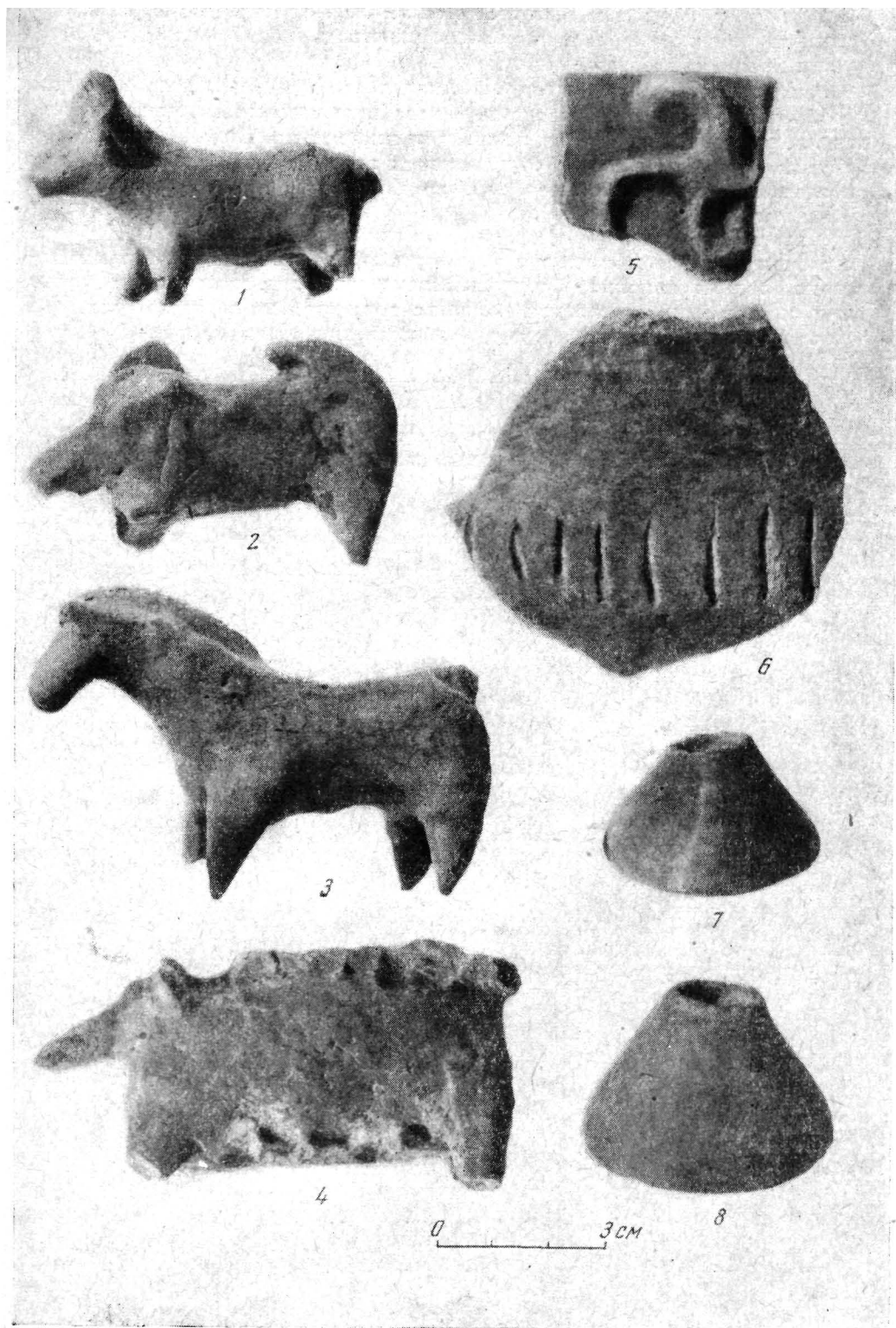


Рис. 25. Глиняные предметы из основного слоя поселения Сержень-Юрт I  
 1-4 — статуэтки животных; 5-6 — обломки сосудов; 7-8 — пряслица

VIII вв. до н. э.)<sup>23</sup>. Найдено также ожерелье, состоящее из морских, несомненно каспийских раковин, обработанного и обожженного позвонка красной рыбы и просверленного камня.

Раскопками добыт большой остеологический материал, доказывающий преобладающую роль скотоводства в хозяйстве населения древнего поселения<sup>24</sup>. Новые данные получены также и по земледелию. В одной из ям были найдены в разбитом сосуде обуглившиеся зерна злаков, оказавшихся, по определению А. В. Кирьянова, зернами мягкой пшеницы (*Friticum vulgare vill*) и магары (*Setaria italica*).

Характерной чертой находок из основного слоя Сержень-Юртовского поселения является наличие в его культуре как архаических черт, так и довольно поздних, например бронзовый наконечник скифского типа и другие вещи, составляющие основной комплекс предметов из верхнего слоя. Все это и позволяет отнести расцвет жизни на поселении ко времени IX—VII вв. до н. э.

Раскопки 1963 г. подтвердили и частично дополнили основные выводы прежних лет о стратиграфии и датировке поселения, истории хозяйства, домашнем производстве и идеологических представлениях племен предгорной полосы северо-восточного Кавказа конца бронзового — начала железного века.

---

<sup>23</sup> Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 236, табл. XXXVIII, 16.

<sup>24</sup> Фаунистический материал определен В. И. Цалкиным.

А. Л. НИКИТИН, В. И. ЛЕВИН

## РАСКОПКИ ПОГРЕБЕНИЙ В КАМЕННЫХ ЯЩИКАХ

у с. АЛЧЕДАР в 1963 г.

В 1952 г. был открыт и частично исследован курганный могильник у с. Алчедар Резинского района МССР<sup>1</sup>. В 1963 г. были продолжены исследования этого памятника<sup>2</sup>. Курганный могильник находится в полутора километрах на восток от с. Алчедар, на плато, над Алчедарским городищем. Постоянная распашка поля, на котором находятся курганы, почти полностью уничтожила их земляные насыпи.

При весенней пахоте найдены были два каменных ящика, сложенные из массивных плит известняка. Они находились в 150 м от исследованной курганной группы на краю фракийского селища, занятого теперь под бахчу, на границе дороги и поля. Ящики обозначены буквами — «А» и «Б».

Ящик «А» был сложен из пяти известняковых плит и вытянут с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Торцовые плиты ящика были заметно наклонены внутрь и с внешней стороны их наблюдалась забутовка из мелких известняковых плиток. Верхние края плит не доходили до современной поверхности на 0,12—0,15 м.

Внутренние размеры ящика 1,47 × 0,70 × 0,58 м. Края плит не обтесаны. К началу раскопок покрывающая плита отсутствовала, но, по сообщениям очевидцев, оба ящика имели покрытия.

По-видимому, ящик «А» был ограблен еще в древности. Погребальная камера была заполнена рыхлой землей и обломками костей. Нетронутые участки сохранились лишь в восточном и южном углах камеры, где кости лежали *in situ*; в южном углу и вдоль южной стенки была найдена плечевая кость человека и несколько фаланг; в восточном, под обломками височной кости черепа, на полу погребальной камеры было найдено бронзовое височное кольцо из уплощенной проволоки в два оборота с расплюснутыми концами, сходящими на нет (рис. 26, 2).

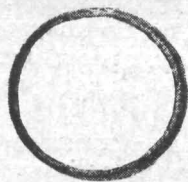
Ящик «Б» находился в 5,6 м к северо-западу от ящика «А». Верхние края плит были на 0,15 м ниже современной поверхности. Ориентировка ящика — с востока-юго-востока на запад-северо-запад. Ящик сложен из пяти известняковых плит. Северная стенка, как и в ящике «А», была сложена из двух плит. Верхние края плит не обработаны. Внутренние размеры ящика — 0,78 × 0,48 × 0,40 м. Торцовые плиты наклонены верхними краями внутрь. В отличие от ящика «А», ящик «Б» не был разграблен.

<sup>1</sup> Р. Л. Розенфельдт. Алчедарские курганы.—Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5 (25), 1955.

<sup>2</sup> Алчедарский отряд работал под руководством начальника Прутско-Днестровской археологической экспедиции ИА АН СССР и АН Молдавской ССР Г. Б. Федорова.



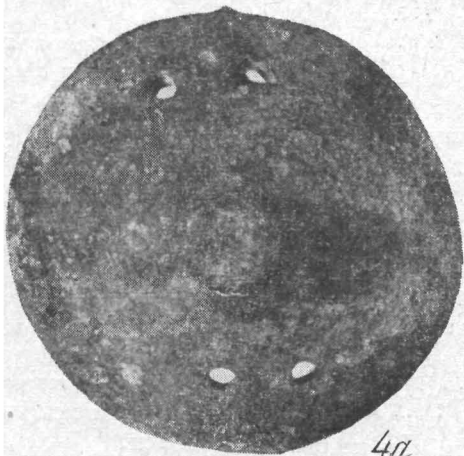
1



2



3



4a



4



Рис. 26. Каменный ящик и инвентарь из погребений

— каменный ящик Б; 2, 3 — височные кольца, 4—8 — сосуды из погребений (2 — из ящика Б, 3, 4, 5 — из ящика Б; 6—8 — из кургана № 1)

Верхняя часть ящика до глубины 0,23 м была заполнена плотным твердым черноземом без находок, ниже более мягкий слой перемешан с глиной материка. На глубине 0,28 м ящика (рис. 26, 1) в юго-восточной части находился череп плохой сохранности, принадлежавший ребенку 5—7 лет (по определению антрополога М. С. Великановой) и обломки слабо обожженных костей.

Череп лежал на левом виске, лицом на юг. К западу-северо-западу от него, при расчистке, были обнаружены очень плохо сохранившиеся остатки ребер, позвоночного столба и правая плечевая кость.

В восточном углу ящика, на дне найден черпачок с высокой петлевидной ручкой (рис. 26, 5). Дно слегка уплощено. Согласно наблюдениям А. И. Мелюковой, такие сосуды сопровождают мужские погребения<sup>3</sup>.

Вдоль северо-восточной стенки ящика находилось скопление кальцинированных человеческих костей в обломках: трубчатые, ребра, остатки черепных костей. По определению антрополога М. С. Великановой, кости принадлежат женщине.

На дне ящика под этим скоплением было найдено бронзовое височное кольцо из круглой проволоки (рис. 26, 3) с заходящими концами.

В западном углу ящика, на глубине 0,47 м на боку лежал кубок на высокой ножке, который был покрыт крышечкой (рис. 26, 4). Глина темно-коричневая, поверхность со следами слабого лощения. У края сосуда, с двух сторон, проделано по паре отверстий. Соответствующие отверстия имеются и на крышечке с пуговкой. Судя по наблюдениям А. И. Мелюковой, подобного типа сосуды сопровождают женские погребения<sup>4</sup>.

Таким образом, в ящике «Б» было совершено двойное захоронение — мальчика и женщины — ребенок погребен по обряду труположения, женщина была кремирована и остатки ее костей сыпаны в тот же ящик.

Возможно оба ящика не были перекрыты курганной насыпью. Об этом свидетельствует и отсутствие следов курганной насыпи и мелких известняковых камней, отмечающих, как правило, место каждого распаханного кургана.

Полные аналогии сосудам, найденным в ящике «Б», происходят из гальштадтского слоя, под валом Алчедарского городища (раскопки 1963 г.), который датируется бронзовыми втульчатыми двулопастными наконечниками стрел и украшениями VII—VI вв. до н. э.<sup>5</sup>

На расстоянии от 300 м до 1500 м от вскрытых ящиков, расположены курганы, вытянутые в цепочку вдоль дороги к с. Алчедар. Большинство из этих курганов сильно распаханы и возвышаются над полем не более чем на 0,40—0,60 м при диаметре насыпи от 14 м до 25 м, вокруг них обычно встречается много кусков известняка.

Курган № 1 находится у самого края поля, так что его южная половина задела дорогой. Высота кургана — 0,43 м, диаметр — 16 м.

Насыпь кургана — чернозем, в котором было встречено большое количество известняковых плиток. Наибольшее количество этих плиток находилось в юго-восточном секторе ближе к полам насыпи. Они очерчивают первоначальную поверхность насыпи. Особенно хорошо это было заметно в поле юго-восточного сектора, где сохранилась и часть сплошной вымостки. Можно думать, что первоначально, каждый курган, после его возведения, обладал подобным панцирем и только последующие ограбления, перекопы и распашка разрушали его. Тогда становится понятным обилие мелких известняковых плиток, которые отмечают все исследователи на местах распаханных курганов.

<sup>3</sup> А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднепровья. — МИА, № 64, 1958, стр. 85.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Р. Л. Розенфельдт. Указ. соч., стр. 124.

В юго-западном секторе под тонким слоем пахоты была найдена массивная плита известняка, покрывавшая когда-то погребение. Размеры плиты —  $1,42 \times 0,93 \times 0,09$  м. В северо-восточном секторе, на расстоянии 2—3 м от центра кургана, начиная с глубины 0,50 м в скоплении известняковых камней встречались обломки человеческих костей, зубы и черепки от крупной серолощенной миски.

Плита и скопление камней находились в заполнении большой грабительской ямы размером  $4,8 \times 4,0$  м, которая разрушила каменный панцирь кургана и часть ящика, находившегося в северо-восточном секторе.

Каменный ящик был вытянут с западо-северо-запада на восток-юго-восток, длина 1,8 м, ширина — 0,95 м, ящик был сложен из семи плит, северная стенка состояла из двух, южная — из трех плит. Как обычно, концы длинных стенок выступают на 15—20 см. Внутренние размеры ящика  $1,5 \times 0,70 \times 0,42$  м.

Грабителями было полностью разрушено погребение и частично юго-западный угол ящика. В земле заполнения и вокруг ящика находилось много обломков костей скелета, угольки, фрагменты разбитых сосудов, большое количество мелких известняковых плиток. Около восточного угла ящика, вне его, была найдена половина сосуда, вторая его половина находилась у северного угла.

Он представлял собой грубую глиняную кружку, расширяющуюся кверху, с полукруглой ручкой (рис. 26, 6). В глине — значительная примесь шамота, наружная поверхность неровная, заметны следы ангоба. Там же, в выбросе земли у северо-западного угла ящика был найден остаток бронзовой иглы, вероятно, от фибулы, полностью коррозированный.

В восточном углу ящика, в земле заполнения, была найдена часть петлевидной ручки с шишечкой от чернолощеного черпачка (рис. 26, 7), по видимому, орнаментированного, так как на ручке имеются следы нарезки.

Как уже упоминалось, в земле заполнения грабительской ямы были найдены обломки большой сероглиняной миски диаметром 0,45 м без орнамента с ручкой-налепом, имеющей два сквозных отверстия. Там же были собраны обломки еще одного серо-желтого черпачка или чашечки (рис. 26, 8), в тесте примесь мелкого песка и шамота типа сосуда из кургана II у с. Сахарна <sup>6</sup>.

---

<sup>6</sup> А. И. Мелюкова. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952—1953 гг. — Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5 (25), 1955.

А. Н. КАРАСЕВ, Е. И. ЛЕВИ

### РАБОТЫ ОЛЬВИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЛОИА В 1960—1962 гг.

Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА по изучению теменоса, начатые в 1951 г., были в основном завершены к 1960 г., однако вопрос о северной границе культового участка оставался открытым. Ров шириною около 8 м, устроенный в I в. н. э., полностью разрушил северную часть храма Зевса III в. до н. э., большую часть храма Аполлона Дельфиния IV в. до н. э., небольшие памятники, стоявшие между этими храмами<sup>1</sup>. После окончательной гибели города ров превратился в глубокую балку, которая способствовала дальнейшему разрушению теменоса. Новая балка не давала возможности систематически расширять раскоп Е<sub>3</sub><sup>2</sup> в северном направлении. Поэтому для выяснения вопроса — распространялась ли территория культового участка и по ту сторону балки, в 1960 г. был заложен раскоп Е<sub>9</sub>, разбитый на линии предполагаемого продолжения западной ограды теменоса. Расчет оказался правильным; на раскрытой площади выявилось продолжение границы главной улицы, идущей по одной оси с оградой теменоса.

В итоге работ 1960—1962 гг. на раскопе Е<sub>9</sub> выяснилось, что эта территория, если и не принадлежала культовому участку, то была тесно с ним связана. Об этом говорят остатки большого общественного здания с богатой росписью, комплексы находок; об этом сигнализируют и граффито с посвящением Зевсу и второе граффито с именем Аполлона Дельфиния<sup>3</sup>.

Второй разведочный раскоп Е<sub>10</sub> был заложен в 1962 г. по ту сторону балки на линии главной оси храма Аполлона. Незначительные масштабы проведенных работ не позволяют пока делать какие-либо выводы, однако и в настоящее время очевидно, что этот район также не являлся жилым: открытые здесь мощные слоевые фундаменты не могут принадлежать частному зданию.

Наряду с раскопками, связанными с поисками северной границы теменоса, были проведены небольшие исследования в его западной части и про-

<sup>1</sup> А. Н. Карасев. Монументальные памятники Ольвийского теменоса.—Сб. «Ольвия. Теменос и агора». М.—Л., 1964, стр. 27. В работах Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960—1962 гг. принимали участие Е. И. Леви, А. Н. Карасев, И. Б. Брашинский, Э. С. Доманская, И. С. Звонова, Г. М. Падва, А. Н. Мелентьев (ЛОИА); М. П. Ваулина, К. С. Горбунова, Д. С. Герцигер (Гос. Эрмитаж). Ежегодно проходила практику большая группа студентов ЛГУ, Ин-та живописи им. Репина, МГУ; в 1961—1962 гг. работал аспирант ЛГУ Н. В. Шебалин.

<sup>2</sup> Теменос находится на территории раскопа Е<sub>3</sub>, которая первоначально именовалась Е—север.

<sup>3</sup> Подробнее о результатах работ на раскопе Е<sub>9</sub> см.: И. Б. Брашинский. Раскопки в районе Теменоса в Ольвии 1960—1962 гг.—См. КСИА, Наст. выпуск.



должалось изучение непосредственного окружения культового участка. Уже к 1960 г. выяснилось, что на юге теменос граничит с большой стоей агоры, восточная ограда идет вдоль «Восточной» улицы, со стороны которой был вход в священную округу, а западная ограда примыкает к главной городской улице, подводящей к агоре. «Восточная» улица и сооружения агоры, находящиеся по другую сторону теменоса, были раскрыты полностью; надлежало открыть главную улицу, чтобы изучить окружение теменоса и с этой стороны.

Расширение раскопа Ез в западном направлении началось в 1960 г. и велось последовательно в течение следующих экспедиционных кампаний<sup>4</sup>. Выяснилось, что в V—IV вв. до н. э. ширина улицы в данном месте равнялась 11 м; в эллинистический период ширина проезжей части сократилась до 6 м. Выявлено четыре горизонта черепяных напластований улицы; наиболее ранний датируется концом VI—V вв. до н. э., наиболее поздний — III в. до н. э.

На линии главной улицы начато раскрытие новой гидросистемы. Первая гидросистема с подземной галереей длиной 19,5 м открыта в северо-восточной части агоры<sup>5</sup>; вторая, как это выяснилось в результате работ 1960—1961 гг., шла параллельно западной ограде теменоса (рис. 27). Здесь открыты остатки большого водоема прямоугольной формы, построенного после реконструкции теменоса и агоры в конце IV в. до н. э.<sup>6</sup> Если каменный водоем, находящийся к востоку от теменоса, сохранился почти полностью<sup>7</sup>, вновь открытый водоем оказался совершенно разрушенным в I в. н. э.<sup>8</sup> Сохранились лишь следы плит на дне, незначительные остатки забутовки у северной стены и в раскрытой части юго-западного угла. По следам плит у подошвы северной стены определена ее ширина (0,60 м) и длина (4 м). Если признать, что ширина всех стен водоема была одинаковой, размеры внутренней части определяются как равные 2,90 м × 3,60 м; глубина — около 4 м. Это самый крупный из известных нам водоемов внутри городской черты Ольвии; он вмещал около 40 куб. м воды. Дождевая вода поступала с территории теменоса, в западной части которого раскрыт ряд каменных водостоков, идущих в направлении водоема. По всей вероятности, вода поступала в водоем не с вымосток теменоса, а с крыш сооружений, находившихся в его западной части.

От водоема начинался водопровод, который шел в южном направлении вдоль ограды теменоса и большой стои. При устройстве водопровода в вымостке главной улицы была вырыта траншея шириной 0,90 м, глубиной от 0,70 м на севере и 1,60 м на юге, прорезавшая все горизонты черепяных напластований улицы (рис. 27). На дне траншеи уложены плиты известняка, верхняя плоскость которых имеет постепенное падение к югу (на каждые 3,5 м — 10 см снижения). Они были перекрыты длинными плитами, соприкасающимися под острым углом, наподобие двухскатной крыши (рис. 28, 1); таким образом, помещенные внутри каменного футляра гончарные трубы, разобранные еще в древности, были надежно защищены крупными плитами, длина которых местами доходит до 1,30 м. Все плиты уложены с расчетом, чтобы шов на западной стороне не совпадал со швом на восточной (см. рис. 28, 1); кроме того, все они закреплены камнями, заклиненными между бортами котлована и плитами. В северной части толщина плит достигает 20 см; в южном направлении они становятся все тонь-

<sup>4</sup> Работами на раскопе Ез руководила К. С. Горбунова.

<sup>5</sup> Е. И. Леви. Ольвийская агора.— МИА, № 50, 1956, стр. 46—47.

<sup>6</sup> Размеры котлована: 5 × 4,20 м, глубина 4 м от современной поверхности. Работы по раскрытию водоема очень трудоемки, поэтому в настоящее время раскрыта только северная часть, равная примерно  $\frac{1}{3}$  всей его площади.

<sup>7</sup> Е. И. Леви. Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры.— Сб. «Ольвия. Теменос и агора», 1964, стр. 295, рис. 1.

<sup>8</sup> Об этом свидетельствуют наиболее поздние находки в засыпи водоема: обломки узкогорлых светлоглиняных амфор, краснолаковой керамики en barbine и др.

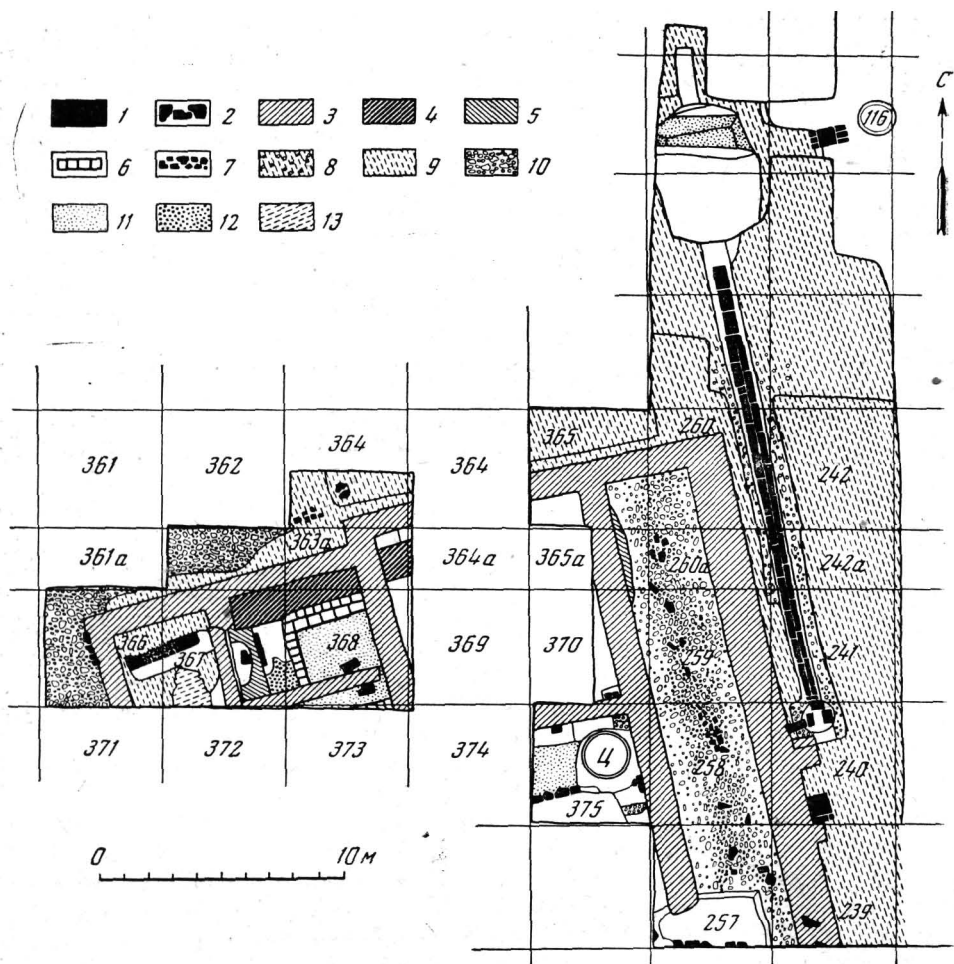


Рис. 27. План юго-западной части раскопа Ез

1 — каменные кладки; 2 — отдельные крупные камни; 3 — слоистые фундаменты; 4 — ранний слоистый фундамент; 5 — трамбовки; 6 — кладки из сырцовых кирпичей; 7 — группы мелких камней; 8 — вымостка из мелких камней и черепков; 9 — вымостка из черепков; 10 — вымостка из мелкого камня; 11 — материк; 12 — полевка; 13 — щебень

ше и тоньше и носят четкие следы распиловки. Водопровод шел в сторону юга на протяжении 20 м и доходил до вертикальной шахты, заканчиваясь каменным сливом (рис. 27).

От шахты берет начало подземная галерея, прослеженная в 1961 г. на протяжении около 6 м<sup>9</sup>. Если подземная галерея гидросистемы I была высотой от 70 до 80 см, новый подземный ход имеет в высоту около 1,5 м. Заполнение его оказалось очень плотным, почти без находок, но довольно хорошо отделялось от материкового свода и стенок; внизу имелась плотная темная прослойка, образовавшаяся в то время, когда по галерее проходили водопроводные трубы.

По мере удаления от шахты подземный ход отклоняется в сторону юго-востока. Вероятнее всего, он повернет на восток около юго-западного угла большой стои агоры и пойдет в восточном направлении вдоль ее фасада.

<sup>9</sup> Ввиду того, что дальнейшее продвижение внутри подземной галереи создавало угрозу для работавших, так как появились трещины в материке, дальнейшее раскрытие ее до установки специальных креплений пришлось, к сожалению, приостановить.

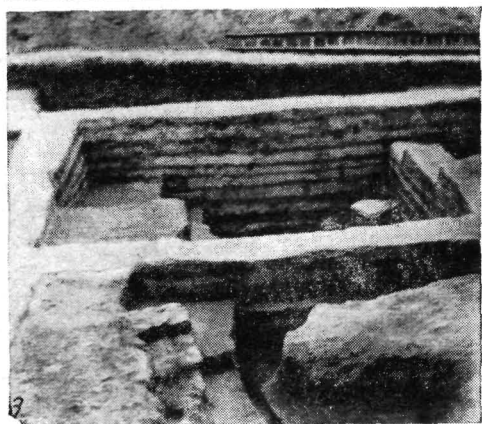


Рис. 28. Строительные остатки раскопа Ез

1 — каменный футляр для гончарных труб водопровода. Вид с севера; 2 — слив западного водопровода. Вид с севера; 3 — слоевые фундаменты IV, VI, VII и X. Вид с запада

В ту же шахту, к которой подходил водопровод гидросистемы II, с запада выходил слив второго водопровода, состоявшего из каменных плит с выдолбленным желобом (рис. 28, 2). Он вплотную примыкал к слоевому фундаменту монументального здания, построенного после реконструкции агоры в III в. до н. э. Раскрытие здания еще не закончено, но план можно будет, вероятно, восстановить благодаря сравнительно хорошо сохранившимся слоевым фундаментам.

Здание стояло на углу главной улицы и одной из поперечных, идущей в направлении к западным городским воротам<sup>10</sup>. Главный фасад был обращен на восток, к большой стое агоры. При сооружении этого здания ши-

<sup>10</sup> Улица была впервые открыта в 1962 г. на раскопе ЕIV.

рина улицы в данном месте была сокращена на 5 м; фундаменты восточной части его прорезают мостовую первой половины IV в. до н. э. Основные фундаменты здания (II, III, IV и V), сделанные для наружных стен, имеют в своей верхней части ширину, в среднем 1,10 м, что является обычным для фундаментов монументальных общественных зданий; фундаменты же для внутренних стен (VIII, IX) около 0,60 м (см. рис. 27).

Слоевой фундамент I выделяется своей шириной — 1,65 м, что указывает на особое назначение его. Слоевые фундаменты такой ширины делались в Ольвии только в том случае, если они были предназначены для свободно стоящих колонн портиков, для колонн пронаоса храмов. Подобные фундаменты мы имеем по южному фасаду большой стои, а в теменосе в пронаосе храма Зевса и у периптерального храма Аполлона Дельфиния IV в. до н. э.

В настоящее время длина фундамента I раскрыта на протяжении 21 м, но имеются данные для восстановления всей длины восточного фасада. Этому помогают небольшой выступ фундамента, расположенный на расстоянии 13 м от северо-восточного угла здания, и второй выступ — на расстоянии 2,20 м от первого. Оба выступа сделаны для устройства ступеней входа. Обычно вход в подобного рода портики находился в середине фасада. В таком случае северная половина главного фасада будет равна 14,70 м, а вся длина его должна быть около 30 м.

В северной части здания раскрыто довольно большое квадратное в плане помещение «А», размером 8,30 × 8,30 м. Вероятно, таких помещений вдоль портика будет три<sup>11</sup>. Широкие слоевые фундаменты IV и V дают полное основание делать вывод, что восточная часть здания с тремя большими помещениями была двухэтажной. Порттик же на восточном фасаде, вероятно, доходил только до второго этажа. Все слоевые фундаменты восточной части здания сделаны очень тщательно; подошва их лежит на материке или на плотном слое; чередующиеся темные и светлые слои строго горизонтальны и примерно одной толщины (рис. 28, 3).

Слоевые фундаменты здания тянутся далее на запад, но в несколько измененном виде; они уже и качество их ниже. Есть еще одна особенность западной части здания — северная стена ее смещена на один метр к югу. Сложный узел сопряжения трех фундаментов (III, IV и VI) сделан за один прием, что исключает принадлежность фундаментов западной части другому зданию, которое могло бы вплотную примыкать к нему с запада. В настоящее время частично открыто шесть помещений западной части здания<sup>12</sup>. Здание продолжается в западном и южном направлениях.

В северо-восточном углу помещения «В», являвшемся одним из парадных, находилась глубокая цистерна для хранения дождевой воды. Цистерна оштукатурена известковым раствором и по своим размерам напоминает цистерну теменоса. Диаметр верхней сохранившейся части 1,82 м, исследована до глубины 3,30 м. Цистерна заполнялась дождевой водой, собираемой с черепичной кровли двухэтажной части здания; по трубам, пропущенным через стену, она поступала в цистерну. В таком случае вода, поступавшая по западному каменному желобу в шахту гидросистемы II, собиралась только с крыши портика или после заполнения до определенного уровня цистерны внутри здания, отводилась в гидросистему.

Так как сохранившиеся верхние слои фундаментов залегают непосредственно за гумусом, материал, связанный с этим зданием, носит случайный характер и не позволяет пока судить о его назначении, тем более, что еще не вполне ясен и общий план. В настоящее время можно лишь утверждать,

<sup>11</sup> Полному раскрытию помещений «А» и «В» мешает то обстоятельство, что по квадратам 364, 369, 374 и 379 проходит дорога для вывоза выкида. В плане работ на ближайшее время стоит раскрытие и этих квадратов.

<sup>12</sup> Три из них определялись раскопками 1963 г.

что это здание несомненно имело какое-то важное для полиса значение<sup>13</sup>. Таким образом, изучение окружения теменоса с запада показало, что он граничил с главной улицей и в эллинистическое время в непосредственном соседстве с ним проходила гидросистема II; на противоположной стороне стояло монументальное здание с портиком. Находясь при слиянии главной улицы с центральной свободной от построек площади, оно оформляло вход на агору. Колонны портика как бы продолжали архитектурный ансамбль агоры в северном направлении, придавая входу особо парадный вид.

Здание III в. до н. э. было выстроено на месте более ранних сооружений, почти полностью уничтоженных при его возведении. От здания IV в. местами сохранились слевые фундаменты; к V в. до н. э. относится помещение подвального этажа, открытое в северо-восточной части. Стены подвала были сырцовые, на низком каменном цоколе. Цоколь высотой 0,38 м сложен из двух рядов довольно плоских плит. Северная стена сохранилась на высоту 12 рядов кладки, западная — 13 (рис. 29, 6). Высота кирпичей достигает 0,08 м, длина — 0,50—0,52 м. В засыпи подвала найдена многочисленная керамика, датируемая в пределах конца VI — середины V в. до н. э.; отметим ионийский аск (рис. 29, 1), хиосский кувшинчик (рис. 29, 2), фрагментированный чернофигурный лекиф с изображениями пальметок (рис. 29, 3). Здесь же найдена терракотовая черепаша (рис. 29, 4).

Наряду с работами, связанными с тематикой теменоса, продолжалось изучение агоры. В результате раскопок в северо-восточной части раскоп E<sub>2</sub> объединился с раскопом E<sub>1</sub> и вся восточная часть агоры, прилегающая к склону, в основном уже изучена<sup>14</sup>. В северо-восточной части открыты наиболее ранние постройки агоры. Здесь сохранились остатки четырех полуподвальных помещений; в одном из них выявлены остатки каменного цоколя для сырцовой кладки и нижний ряд сырцовых кирпичей от другой стены, лежавших прямо на материковом грунте. Материал засыпки не выходил за пределы конца VI — первой половины V в. до н. э. Здесь найдены обломки расписных амфор, ионийской керамики, аттической чернофигурной и др. Крайняя фрагментарность ранних остатков не позволяет восстановить план здания, местами полностью разрушенного при дальнейшей застройке этого участка, особенно при устройстве подвальных помещений в V—IV и III вв. до н. э.

Большинство помещений подвального этажа, раскрытых на раскопе E<sub>2</sub>, относится к эпохе эллинизма. Здания, с которыми они связаны, имели несомненно торговое значение. Об этом свидетельствует большое количество монет; в 1961 г. вместе с монетами была найдена бронзовая гирька с изображением дельфина с именем города и магистрата на лицевой стороне и цифровыми знаками на обороте (рис. 29, 5). Скопление предметов из бронзы и железа в одном из подвалов заставляет предполагать, что в нем хранились металлические изделия, предназначавшиеся для продажи. При раскрытии всех помещений найдено много находок, с преобладанием керамики местного производства.

Таким образом, в результате объединения раскопов E<sub>1</sub> и E<sub>2</sub> выяснилось, что вся восточная сторона агоры, вплоть до небольшого переулочка на севере, была занята торговыми зданиями.

Основные работы ЛОИА по изучению агоры были сосредоточены в юго-восточной части — на раскопе E<sub>3</sub>, с целью определения еще неясной

<sup>13</sup> В 1963 г. при раскрытии юго-западной части здания были найдены обломки амфорных стенок с процарапанными именами и большое количество глиняных кружочков, аналогичных найденным на раскопе E<sub>1</sub> в 1946—1947 гг. Очевидно, в дальнейшем эти материалы во многом помогут в разъяснении назначения здания.

<sup>14</sup> Необходимо еще произвести исследования в юго-восточной части, продолжив несколько раскоп E<sub>1</sub> в южном направлении.

к 1960 г. южной границы городской площади<sup>15</sup>. Разведочные работы на раскопе Е<sub>8</sub>, начатые в 1958 г., дали весьма неожиданные результаты<sup>16</sup>. Выяснилось, что в I в. н. э. все остатки древней агоры, к тому времени уже разрушенной, оказались перекрытыми черепяной вымосткой. В настоящее время эта вымостка прослежена на площади в 375 м<sup>2</sup>; она тщательно сбита из крупных обломков керамики с включением щебня и хорошо сохранилась до наших дней. Большие размеры и качество замостка площади дают основание полагать, что она имела специальное назначение, вероятнее всего связанное с торговлей. Возможно, что эта площадь в I в. н. э. была вынесена за пределы города вследствие сильного сокращения территории последнего в послеготский период.

Во II в. на месте этой площади было устроено большое зернохранилище: открыто 47 ям зернохранилища и определена его западная граница<sup>17</sup>. Горловины зерновых ям не сохранились, так как они были устроены несколько выше уровня поздней вымостки, которую они прорезали. После прекращения существования зернохранилища горловины их были разобраны, а ямы использовали для сбрасывания мусора и золы. В них найдено огромное количество разнообразных находок II—III вв. н. э.<sup>18</sup>

Ввиду того, что характер этого района в первые века н. э. был ясен, уже в конце экспедиции 1960 г. началось удаление поздней вымостки с целью изучения остатков древней агоры; к концу 1962 г. большая часть открытой к тому времени вымостки была удалена (рис. 30)<sup>19</sup>.

Наиболее ранние строительные остатки агоры обнаружены в северо-западной части раскопа, где стояло небольшое здание, от которого сохранилось полуподвальное помещение (размер котлована 5,50 × 6,00 м, глубина 1,20 м от верха материка). Здание было ориентировано с северо-востока на юго-запад. Лучшее всего сохранилась северо-западная стена; она сложена из крупных плоских плит местного известняка, у которых хорошо отесана только верхняя, несущая плоскость. Пространство между бортом котлована и крупными камнями облицовки было забутовано мелкими камнями на большом количестве глиняного раствора. Большая ширина и высокое качество кладки указывают на то, что стены полуподвала переходили в стены наземной части. По характеру кладки здание датируется V в. до н. э. Следовательно, в V в. до н. э. в южной части агоры стояло одно небольшое здание, явно нежилого назначения. К этому же периоду относятся небольшие участки вымостки, лежащие на полевке; сделаны они очень аккуратно из мелких обломков керамики, среди которых встречаются фрагменты чернотелых сосудов VI—V вв. до н. э.

В IV в. до н. э. раннее здание было разобрано, а на его месте было сооружено новое, занявшее почти всю южную сторону агоры. От здания сохранились ничтожно малые остатки и четкие следы от выборки каменных стен. До наших дней дошли лишь *in situ* нижние части двух колонн и одна плита для установки третьей колонны. Колонны — прямоугольные в сечении, обработаны предельно хорошо, учитывая, что сделаны они из раковистого известняка. Вертикальные плоскости внизу переходят по всем четырем сторонам в скоции и заканчиваются полочкой, высотой в 4 см. В центре верхних плоскостей рустов имеются пазы для штырей, глубиной 4—5 см (рис. 31, 1) от четвертой колонны сохранился лишь след от выборки пли-

<sup>15</sup> Параллельно раскопкам агоры на юго-востоке велись раскопки западной части агоры ИА АН УССР под руководством Л. М. Славина (см. Л. М. С л а в и н. Раскопки западной части Ольвийской горы. 1956—1960 гг.—Сб. «Ольвия. Теменос и агора», 1964, стр. 189).

<sup>16</sup> Е. И. Левин. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951—1960 гг.).—Сб. «Ольвия. Теменос и агора», 1964, стр. 5.

<sup>17</sup> Она проходит по восточному краю квадратов 444, 463, 483.

<sup>18</sup> Е. И. Левин. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры..., стр. 22.

<sup>19</sup> В 1960—1962 гг. работами на раскопе Е<sub>8</sub> руководили М. П. Ваулина и Э. С. Дюманская.

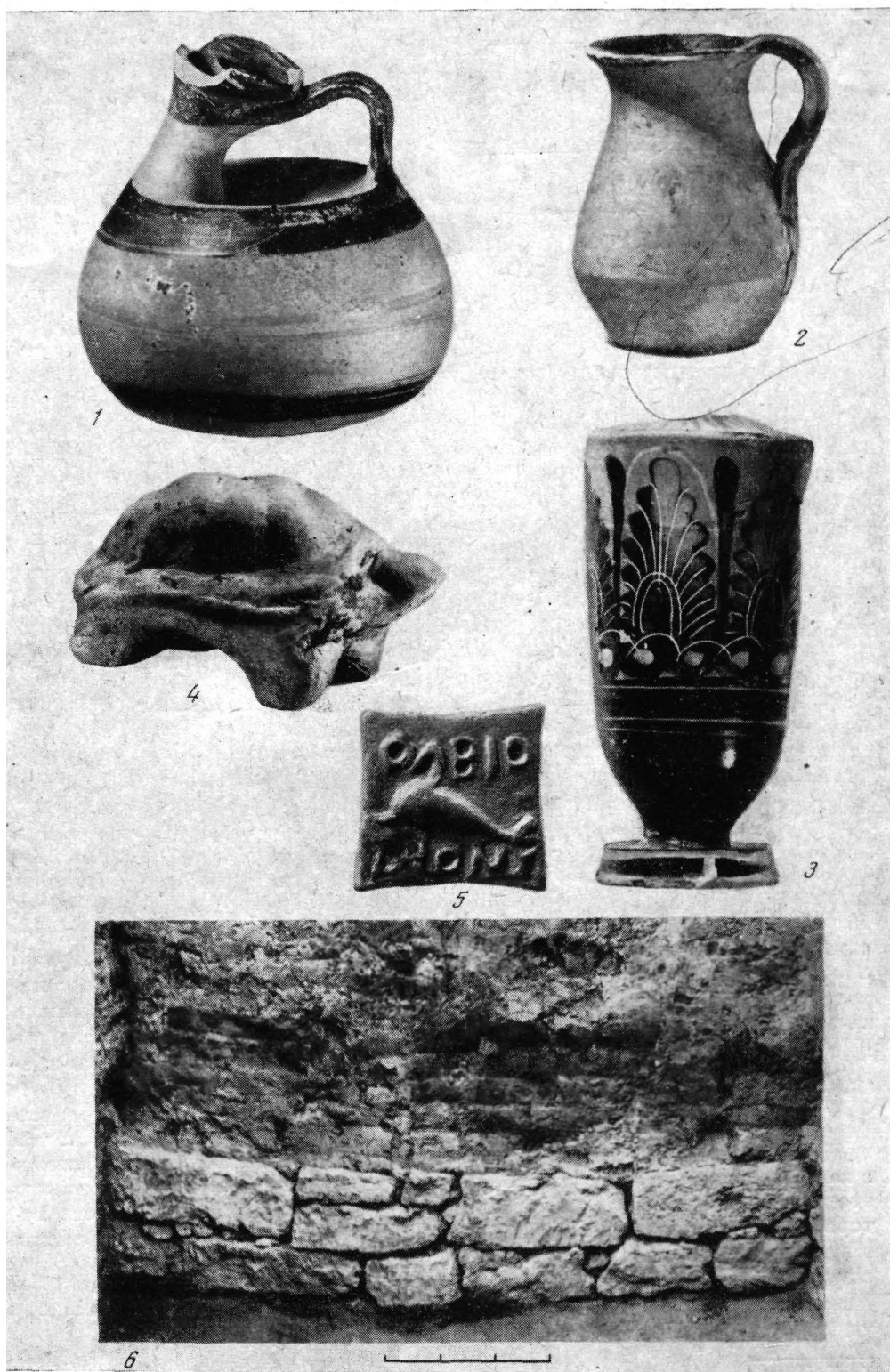


Рис. 29. Ольвия, V в. до н. э.

— нонийский аск; 2 — хиосский кувшинчик; 3 — фрагментированный чернофигурный лекиф; 4 — терракотовая черепаха; 5 — бронзовая гирька, III в. до н. э.; 6 — западная стена подвального помещения

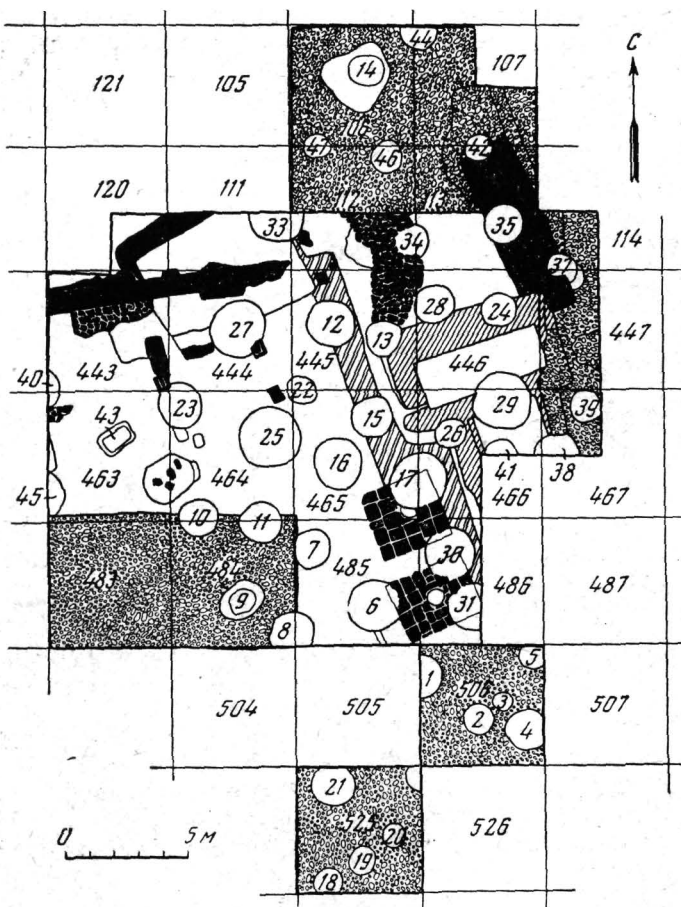


Рис. 30. План раскопа E<sub>3</sub>

ты, на которой была установлена колонна. Кроме того, от этого здания дошла одна плита от нижнего ряда облицовки стены в северо-восточном углу. Эта плита и следы от выборки стен указывают, что ширина кладки у подшвы была 1,00—1,05 м. Необычайно большая ширина кладки и высокое качество вертикальных опор-колонн указывают на то, что здание было общественным и крупным. Только одно северное помещение с колоннами имело размеры 8 × 10,80 м.

Разница в уровне дневной поверхности в этой части агоры и уровнем пола здания IV в. до н. э. была около 2 м. Первоначально мы считали, что открытые остатки принадлежат подвальному этажу, а колонны служили в качестве опор для междуетажного перекрытия. Не исключено, однако, что это помещение является только частью огромного здания, главная ось которого имеет направление с северо-северо-запада на юго-юго-восток, а вход в него был с юга, где дневная поверхность была значительно ниже. В таком случае северная часть здания как бы специально углублена для создания единого уровня полов во всех помещениях. Восстановление большого помещения дает основание считать, что в нем было шесть колонн<sup>20</sup>.

<sup>20</sup> Отсутствие следов от двух южных колонн помещения объясняется тем, что на месте одной из них была вырыта зерновая яма № 25, а на месте другой имеются поздние нарушения слоя. По счастливой случайности сохранилась нижняя часть северо-восточной колонны; так как северо-восточный угол ее был задет ямой № 27, она оказалась срезанной по периметру ямы.



Плиты-фундаменты колонн уложены в специально сделанные для них углубления в материке; на верхних плоскостях плит имеются четко сделанные риски для точного центрирования колонн при их установке.

При раскрытии помещения с колоннами найдено огромное количество осколков мрамора; встречались также обломки мраморных плит, небольших постаментов, мраморных архитектурных деталей с прекрасной нарезкой, как, например, обломы с изображением листьев, ов (рис. 31, 2). Количество керамического материала было незначительно.

В месте расширения здания на 1,5 м к востоку в 1961 г. была раскрыта площадка из уложенных вниз лицом плоских черепиц (рис. 31, 1). Площадка почти квадратной формы (2,80 × 3 м) и имеет слабый уклон к западу (на 9 см). У западного края ее ниже черепиц установлена красноглиняная большая чаша с выбитым дном. Нет никакого сомнения в том, что чаша эта являлась приемником для воды, которая стекала с площадки. В центре площадки имеется круглое пространство диаметром около 0,70 м, не заполненное черепицами, со следами обожженности. Следовательно, в центре площадки находилось какое-то отопительное сооружение. Вокруг площадки имеются явные следы выборки каменных стен.

На расстоянии 0,70 м к югу от первой была открыта вторая аналогичная площадка, но сделанная из плоских плит известняка (рис. 31, 2). Она также имеет уклон к западу, где находился приемник для воды; в центре площадки имеются следы от отопительного сооружения, типа круглого очага. Вторая площадка также имеет следы выборки каменных стен. Обе площадки пострадали при устройстве ям зернохранилища.

Итак, в восточной части здания IV в. до н. э. находилось два помещения, полы которых имели слабый уклон к западу, а в центре каждого из них имелся очаг. Помещения явно были связаны с водой, но решать вопрос о назначении большого здания, в состав которого они входили, до полного раскрытия последнего, преждевременно<sup>21</sup>.

Здание было сооружено не раньше второй половины IV в. до н. э. и бытовало около 100 лет.

Во второй половине III в. до н. э. на этом месте сооружается новое большее здание, пол которого находился на 0,5 м выше пола рассмотренного строительного комплекса. К сожалению, от здания III в. пока что открыта только одна северная стена, частично стоящая на слоевом фундаменте. Высокое качество кладки стены указывает, что и она принадлежала общественному зданию. В это же время строится в восточной части раскопа здание, от которого сохранились лишь слоевые фундаменты. Таким образом, раскрытые строительные остатки на раскопе E<sub>2</sub> позволяют определить южную границу агоры в классический и эллинистический периоды.

В настоящее время во многих городах Греции и Малой Азии ведутся раскопки городских площадей. Это позволяет выявить общие черты и особенности в планировке ольвийской агоры. Расположение зданий вдоль свободного прямоугольника характерно для типа так называемой ионийской агоры, выработанного к IV в. до н. э. Но в средиземноморских городах

<sup>21</sup> В результате работ экспедиции 1963 г. открыто еще два аналогичных помещения с каменными полами, а следы третьего уходят в пределы нераскрытого квадрата 546. Таким образом, выяснилось, что вдоль восточной стены здания находилось минимум пять небольших квадратных помещений, полы которых сделаны из черепиц или каменных плит, со слабым уклоном к западу. В помещении № 3 имелся каменный приемник для воды, больших размеров. В помещении № 4 ниже уровня пола находится в полной сохранности пифос, к которому подходили сохранившиеся гончарные трубы водопровода. В настоящее время совершенно ясно, что все рассмотренные помещения являлись банными. Около юго-западного угла помещения № 4 открыта *in situ* еще одна плита-фундамент для колонны, полностью повторяющая форму, размеры и детали плиты для третьей колонны. Очевидно, колонны в два ряда проходили через все здание с юга на север. В таком случае их было, как минимум, 18. Не исключено, что раскрываемые помещения принадлежали гимнасию. Дальнейшие раскопки позволят уточнить этот вопрос.

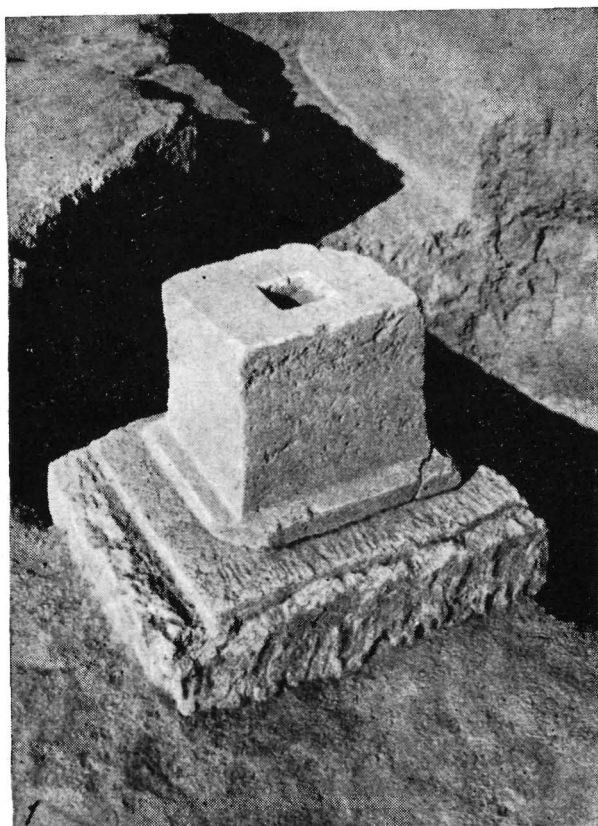


Рис. 31. Строительные остатки раскопа Е<sub>8</sub>  
1 — нижняя часть колонны; 2 — мраморная архитектурная деталь

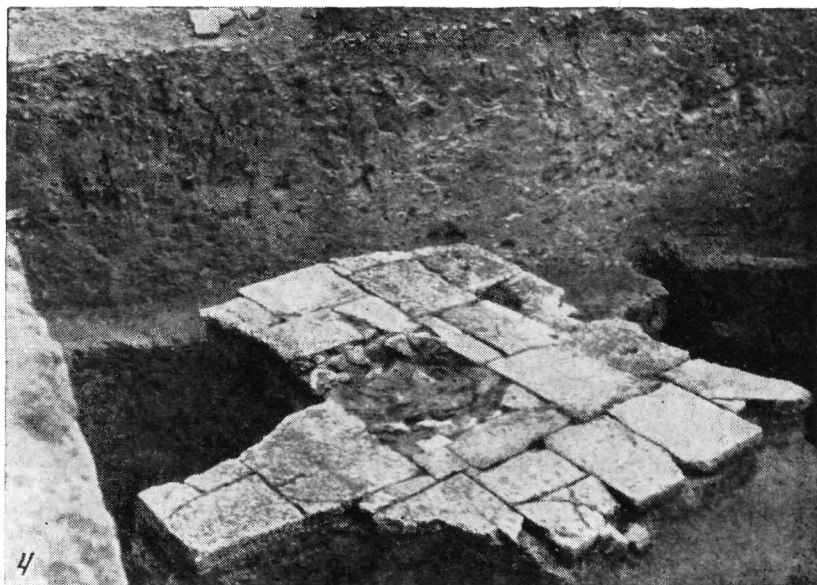


Рис. 31а. Остатки полов

3 — площадка № 1 из плоских черепиц; 4 — площадка № 2 из каменных плит



Рис. 32. Находки Ольвийской агоры

1 — мраморная женская головка; 2 — ручка чернофигурного кратера с изображением мужской головы в профиль

обычно на западной стороне располагались храмы и все наиболее важные общественные сооружения, включая большие портики. В Ольвии же мы видим, что культовые здания были сосредоточены в особо выделенном участке — теменосе, примыкавшем к агоре с севера. Большая стоя агоры также находится на северной стороне. Объяснение этому следует искать в климатических условиях: здания, выходявшие фасадом на восток, были подвержены действию часто дующих с лимана холодных ветров, тогда как здания, стоящие на северной стороне, были обращены главным фасадом на юг.

Из отдельных находок на расколе Е<sub>8</sub> упомянем мраморную женскую головку раннеэллинистического времени, обнаруженную ниже вымостки I горизонта в восточной части раскопа (рис. 32, 1), и обломок ручки чернофигурного кратера VI в. до н. э. с изображением мужской головы в профиль (рис. 32, 2) работы аттического мастера Лидоса<sup>22</sup>. Обломок кратера был найден в перемещенном положении, в слоевом фундаменте III в. до н. э.

Особую ценность имеет мраморная рельефная плита с надписью исключительной сохранности, найденная к югу от северной стены здания III—II в. до н. э., примерно на уровне его пола. Изображение композиционно делится как бы на две части: справа изображена сцена трапезы, слева — пять стоящих мужских фигур перед алтарем. Надпись на нижней рамке рельефа свидетельствует, что плита была посвящена «герою внемлющему» бывшими членами коллегии ситонов и их секретарем, имена которых перечисляются. По характеру письма надпись не позднее III — начала II в. до н. э. Упоминание ситонов, впервые встречающееся в Северном Причерноморье, имеет большое историческое значение. Наличие коллегии ситонов в Ольвии указывает на те затруднения с хлебом, которые переживал город во второй половине III в. до н. э. Эти данные, перекликаясь с декретом в честь Протогена, являются прекрасной иллюстрацией экономического кризиса, переживаемого Ольвией в позднеэллинистическое время.

---

<sup>22</sup> К. С. Горбунова. Чернофигурный кратер мастера Лидоса.— Сообщение на группе античной археологии ЛОИА 2. VII 1963 г.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

РАСКОПКИ В РАЙОНЕ ТЕМЕНОСА ОЛЬВИИ  
В 1960—1962 гг.

К 1960 г. раскопки ольвийского священного участка (теменоса) были в основном завершены. Невыясненным оставался лишь один вопрос: простиралась ли территория теменоса и к северу от глубокой балки, разрушившей его северную часть, или же его граница располагалась на месте современной балки и, таким образом, полностью уничтожена. Для выяснения этого важного вопроса в 1960 г. был заложен разведочный раскоп (Е<sub>9</sub>), к северу от балки на линии западной ограды теменоса, в 20 м от северо-западного угла основного раскопа Е<sub>3</sub><sup>1</sup>.

В первый же сезон раскопок новый раскоп дал настолько интересные результаты, что было признано необходимым продолжить здесь работу и в дальнейшем, хотя ответ на поставленный вопрос и не был получен.

В итоге трех раскопочных сезонов (1960—1962 гг.) исследованная площадь составила более 250 м<sup>2</sup> (рис. 33)<sup>2</sup>. Здесь открыты культурные напластования архаического, классического и эллинистического времени (VI—II вв. до н. э.) (рис. 34). В более позднее время исследуемая территория находилась за пределами городской черты; никаких строительных остатков, относящихся ко времени позднее II в. до н. э., не обнаружено.

Ввиду многократных перепланировок, производившихся здесь на протяжении веков, наиболее древние строительные остатки сохранились весьма фрагментарно. К ним относятся в первую очередь частично сохранившиеся здание, имевшее по меньшей мере два помещения, заглубленных в материк на 1,20 м. Материковые стенки помещений вертикальны и сглажены, что свидетельствует о том, что каменных стен здесь никогда не было, а сам материк служил стенами помещений полуземляночного типа. Полуземлянка датируется найденным в ней материалом VI в. до н. э. Характерны обильные находки обломков ионийской керамики с росписью поясками, миниатюрных коринфских скифосов, хиосских кубков. Здесь оказались и совершенно целый ионийский кувшинчик, родосский килик с глазами и бронзовая ручка (рис. 35, 1, 2). Аттическая керамика, столь характерная для времени с конца VI в. до н. э., почти отсутствовала.

К северной материковой стене вплотную примыкал очаг, сооруженный из поставленных на ребро сырцовых кирпичей; сохранилась лишь запад-

<sup>1</sup> См. Е. И. Леви. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1956—1960).— «Сб. Ольвия. Теменос и агора». М.—Л., 1964, стр. 7, примеч. 5, рис. 1; А. Н. Карасев. Монументальные памятники ольвийского теменоса.— Там же, стр. 29, рис. 1.

<sup>2</sup> Работы на раскопе Е<sub>9</sub>, которыми руководил автор, велись в составе Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР под общим руководством А. Н. Карасева и Е. И. Леви.

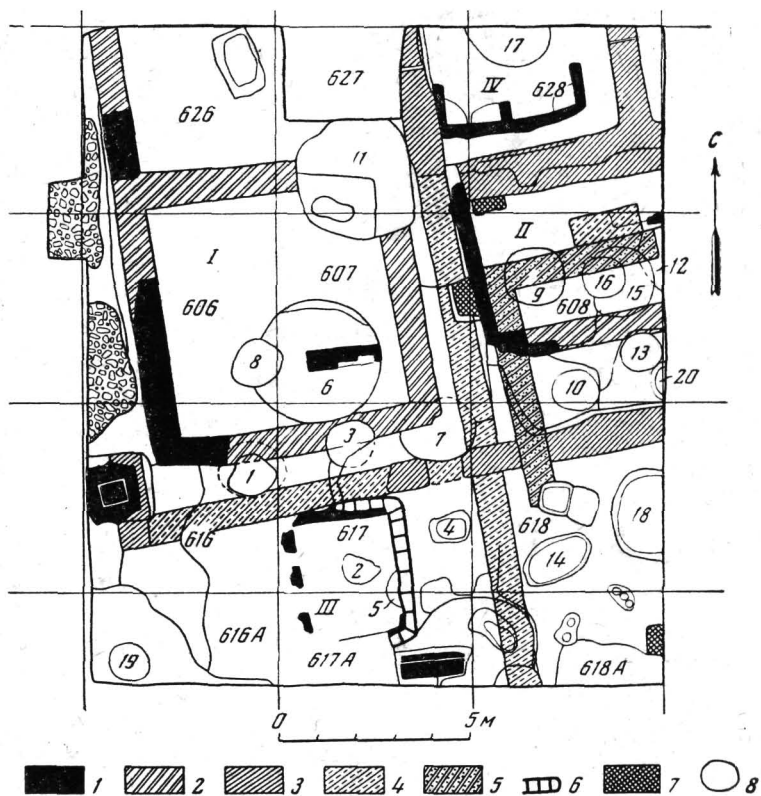


Рис. 33. План раскопа Е<sub>9</sub> 1962 г.

1 — каменные кладки; 2 — выборка стен; 3 — слоистые фундаменты; 4 — восстанавливаемые слоистые фундаменты; 5 — выборки стен, заполненные песком; 6 — сырцовые кирпичи; 7 — очаги; 8 — ямы

ная половина очага, позволяющая, однако, с уверенностью восстановить его размеры и конструкцию. Внутри очага было три подпорных столбика — один в центре, два других у стенки, примыкающей к материку. Реконструируемые размеры очага —  $1,40 \times 0,92$  м. Он имел, очевидно, плоское горизонтальное перекрытие, от которого не сохранилось никаких следов. Размеры очага, а также обильные находки шлаков около него указывают, возможно, на его какое-то производственное назначение; во всяком случае очаг едва ли предназначался для обогрева помещения и приготовления пищи. Не исключено, что в описанном помещении была мастерская.

К начальному периоду жизни на данном участке принадлежит и целый ряд ям различного назначения, которые можно разделить на три категории. Прежде всего это шахтообразные цилиндрические ямы с плоским дном, материковые стенки которых обмазаны зеленоватой глиной (ямы № 3, 10, 13). Диаметры их горловины и дна почти одинаковы и колеблются от 1,05 до 1,25 м. Глубина — от 2,25 до 3,60 м (возможно, что верхние части ям срезаны при позднейших перестройках). Эти ямы служили, очевидно, хранилищами для скоропортящихся продуктов. Абсолютная идентичность их заставляет предполагать, что они принадлежали одному хозяйственному комплексу. Вещевой материал из засыпи всех упомянутых ям однороден. Он состоит из значительного числа обломков раздавленных амфор (одна амфора, неизвестного до сих пор типа, найдена неповрежденной). Кроме того, найдены обломки различных других керамических изделий и так

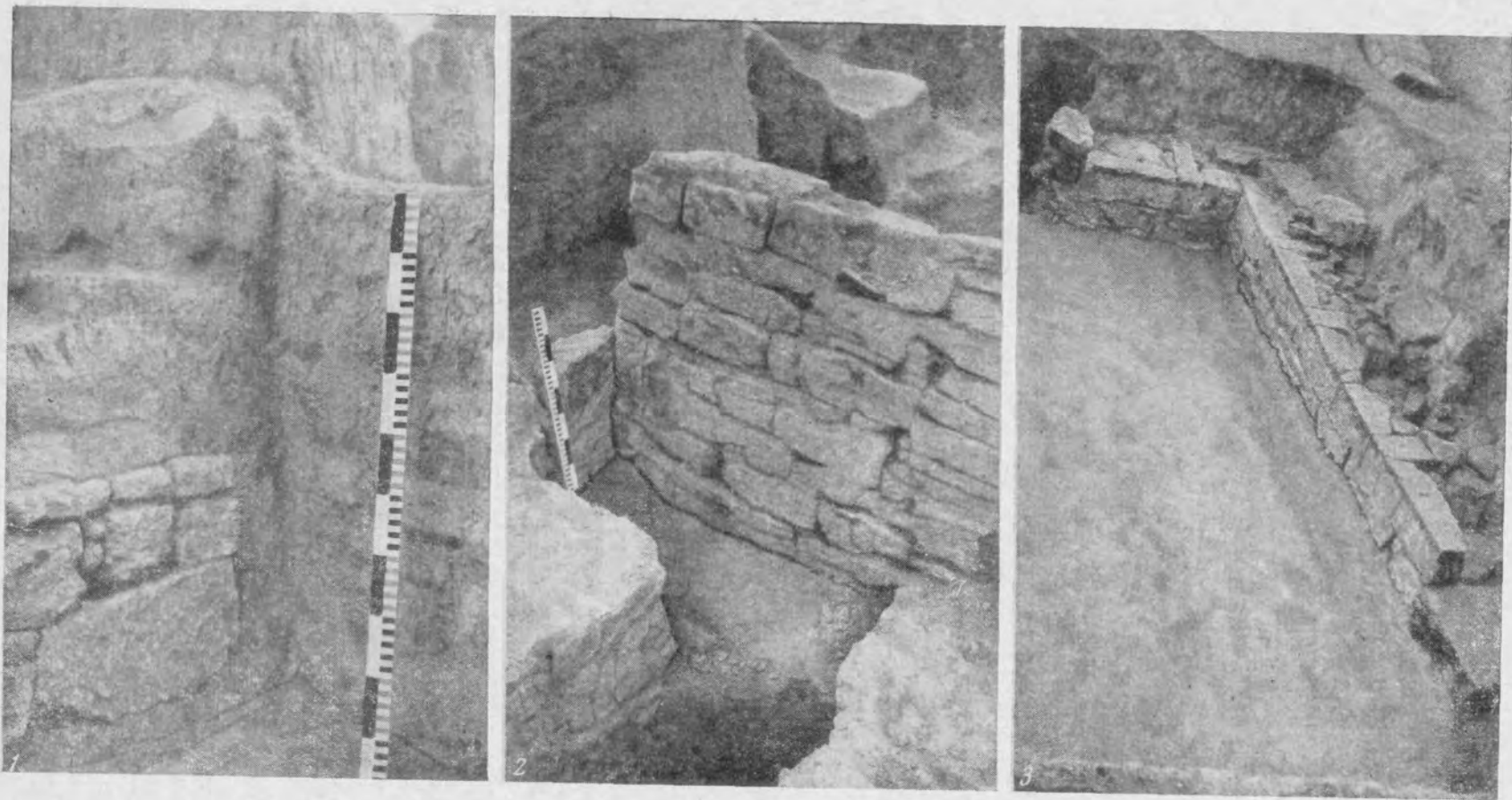


Рис. 34. Строительные остатки

1 — северо-восточный угол подвала III; 2 — стена подвала II и выборки стен, заполненные песком; 3 — остатки каменных кладок стен подвала I



далее. Весь материал однороден и относится к концу VI — первой половине V вв. до н. э. Характерны хиосские пухлогорлые амфоры, аттическая чернолаковая керамика, ионийские сосуды, украшенные полосками, и т. д. (рис. 35, 3). В одной из ям (№ 10) найдена массивная коринфская глиняная подставка алтаря-эсхары (?) в обломках<sup>3</sup>.

К рассматриваемому периоду относятся и две другие хозяйственные ямы (№ 6 и 11) очень больших размеров (диаметр около 3,5 м). Первоначальная их глубина составляла более 2,5 м; позднее, в IV в. до н. э., при сооружении монументального общественного здания, о котором речь будет ниже, они были в значительной части уничтожены. Эти ямы, судя по всему, не являлись хранилищами продуктов, а имели иное назначение. Возможно, что они служили для добывания лёсса, необходимого для керамического производства. По времени они также относятся ко второй половине VI — первой половине V вв. до н. э. Находки здесь сравнительно немногочисленны, поскольку при сооружении упомянутого выше здания ямы были нарушены, особенно яма № 11, оказавшаяся на линии северной и восточной стен; она была почти полностью выбрана и забита плотным заполнением. Помимо обычного материала, включавшего обломки хиосских пухлогорлых, сероглиняных лессосских и других амфор архаических типов, ионийской и аттической чернолаковой керамики, большого числа медных монет-рыбок, среди находок из указанных ям выделяется уникальная бронзовая подставка под светильник (рис. 35, 4)<sup>4</sup>. Заслуживает упоминания также большая фрагментированная толстостенная самосская гидрия.

Среди ям архаического времени особого внимания заслуживает яма № 4, небольших размеров. Она имеет неправильную форму (0,88 × 0,70 м) и углублена в материк всего на 0,50 м. Заполнение ямы было очень рыхлым, зольным. В этой ямке были найдены расписная клазоменская гидрия с изображением сирены (рис. 35, 5) и целый ряд других сосудов, большинство которых удалось собрать из мелких обломков, а также кости мелкого домашнего скота (овца, коза)<sup>5</sup>. Клазоменская гидрия датируется 540—530 гг. до н. э.<sup>6</sup>, а весь комплекс относится ко второй половине VI в., не выходя за его пределы.

Совершенно очевидно, что яма № 4, в отличие от всех прочих ям раскопа Е9, не имела хозяйственного назначения. Она была специально вырыта для захоронения в ней названных предметов, которые скорее всего были культовыми приношениями. Это обстоятельство, как представляется, может иметь немаловажное значение при попытке выяснения взаимосвязи раскапываемой территории с теменосом.

Строительные остатки следующего периода (V—IV вв.) более многочисленны. К ним относятся подвальные помещения II и III, принадлежащие разным зданиям. Стены одного из них (III), сооруженного, вероятно, еще в первой половине V в., возведены в различной технике (рис. 34, 1). Северная стена состоит из каменного цоколя, сложенного из четырех рядов плоских камней известняка (высота — 0,35 м), на котором покоится стена из сырцовых кирпичей. Судя по незначительно сохранившимся остаткам, в той же технике была сооружена и западная стена. В отличие от них, восточная стена была целиком возведена из сырцовых кирпичей (сохранилось 12 рядов кирпичей на высоту 1 м). Исключение составляет лишь юго-

<sup>3</sup> Ср. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.—МИА, № 25, 1952, стр. 79, рис. 99.

<sup>4</sup> Кроме ольвийской, аналогичные подставки (lamp — saucers) найдены в единичных экземплярах лишь в Афинах, Олинфе и Коринфе (см. H. S. Robinson. Excavations at Corinth. 1960. Hesperia, XXXI, 1962, стр. 126, табл. 47).

<sup>5</sup> Комплекс этой ямы подготовлен мною к изданию в СА в статье «Клазоменская гидрия из Ольвии».

<sup>6</sup> См. R. M. Cook. A List of Clazomenian Pottery.—BSA, XLVII, 1952, стр. 134. Подробно см. «Клазоменская гидрия из Ольвии».

восточный угол подвала, где сырцовые стены также покоятся на каменном цоколе. Такая комбинированная строительная техника объясняется тем, что подвал был сооружен в неоднородном грунте. В одном случае (на востоке) стенка котлована, вырытого для подвала, была материковой и, следовательно, не требовала дополнительного укрепления, между тем как с севера, запада и в юго-восточном углу стенки котлована состояли из культурных напластований, нуждавшихся в специальном укреплении. В середине IV в. подвал прекратил свое существование. Из отдельных находок упомянем фрагментированную терракотовую фигурку сидящего минотавра со следами полихромной раскраски.

От второго подвала (II) сохранились лишь западная и частично южная стены и часть очага. Западная стена, сложенная из плоских известняковых квадров в один ряд, обработанных только с лицевой стороны, сохранилась в высоту почти на 2 м (рис. 34, 2). Котлован для подвала был вырыт в культурном слое; он сильно разрушил архаическую полуземлянку. Из отдельных находок, происходящих из слоя, заполнявшего подвал II, отметим обломки чернофигурной амфоры (рис. 35, 6) и краснофигурного кратера с изображением менады (рис. 35, 7). В подвале находилась яма-погреб (№ 9) диаметром 1,65 м, в которой было обнаружено 33 раздавленных амфоры первой половины IV в. до н. э.

Этот подвал, как и предыдущий, существовал примерно до середины IV в., возможно, до 30-х годов этого столетия, когда исследуемая территория подверглась коренной перепланировке. Здесь было воздвигнуто монументальное общественное здание, раскрытое пока лишь частично. Наземные части здания не сохранились, но о его плане можно судить по фрагментарно сохранившимся слоевым фундаментам, преимущественно очень плохого качества. Почти полностью выбраны и подземные части стен — явление, к сожалению, весьма характерное для Ольвии. Сохранились лишь остатки двух стен подвального помещения (I), которые, однако, дают ясное представление о кладке и характере самого здания в целом. Стены были сложены в наиболее «парадной» технике — «кордон на ребро, плита на образок» (рис. 34, 3). Возведение стен подвального этажа по этой дорогой и требующей большого труда системе каменной кладки встречено в Ольвии впервые. Отчетливо прослеживаемые выборки стен позволяют с уверенностью восстановить план помещения. Оно было почти квадратным, размером 6 × 6 м (размеры котлована для подвала — 7,65 × 7,65 м). Это одно из самых крупных подвальных помещений, раскрытых в Ольвии.

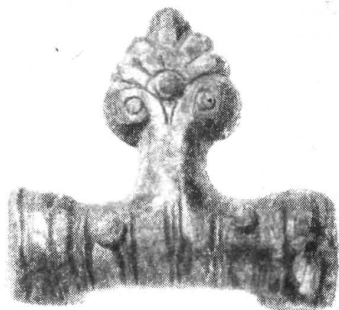
При раскопках этого помещения находки бытового материала почти отсутствовали, зато в огромном количестве была обнаружена полихромная расписная штукатурка, лежавшая главным образом вдоль стен помещения (или их выборок). Это первый случай, когда в Ольвии найдена штукатурка не только в таком количестве, но и такого высокого качества. Очевидно, она даст возможность полностью реконструировать роспись всех стен помещения, которые были украшены по-разному. Среди штукатурки имеется одноцветная — красная, черная, желтая, белая и полихромная различных цветовых гамм, расписанная под мрамор (рис. 36, 3, 4). В большом количестве найдены также фрагменты лепных карнизов (лесбийский киматий, овы, жемчужник). Этот интересный комплекс должен явиться предметом специального изучения и публикации.

Рис. 35. Находки раскопа Е<sub>9</sub>

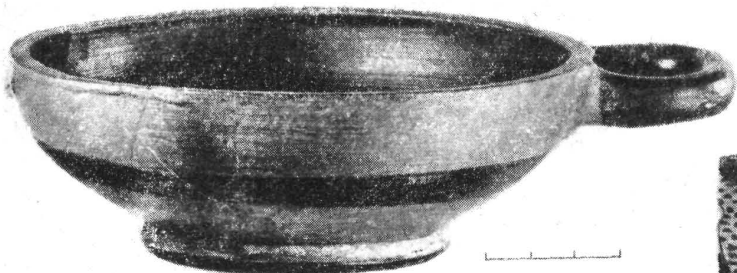
1 — родосский килек с глазами; 2 — бронзовая ручка; 3 — одноручная йонийская чашка; 4 — бронзовая подставка под светильник; 5 — клазоменская гидрия с изображением сирены; 6 — обломок чернофигурной амфоры; 7 — обломок краснофигурного кратера



1



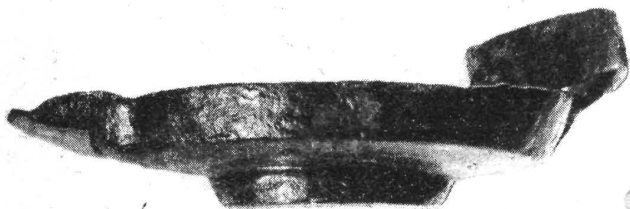
2



3



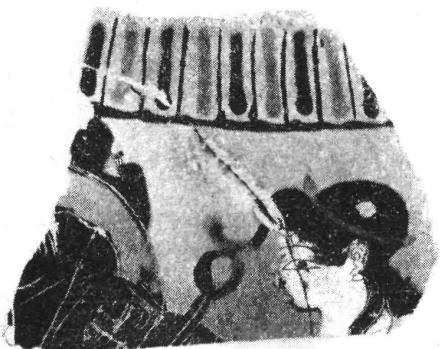
7



4



5



6

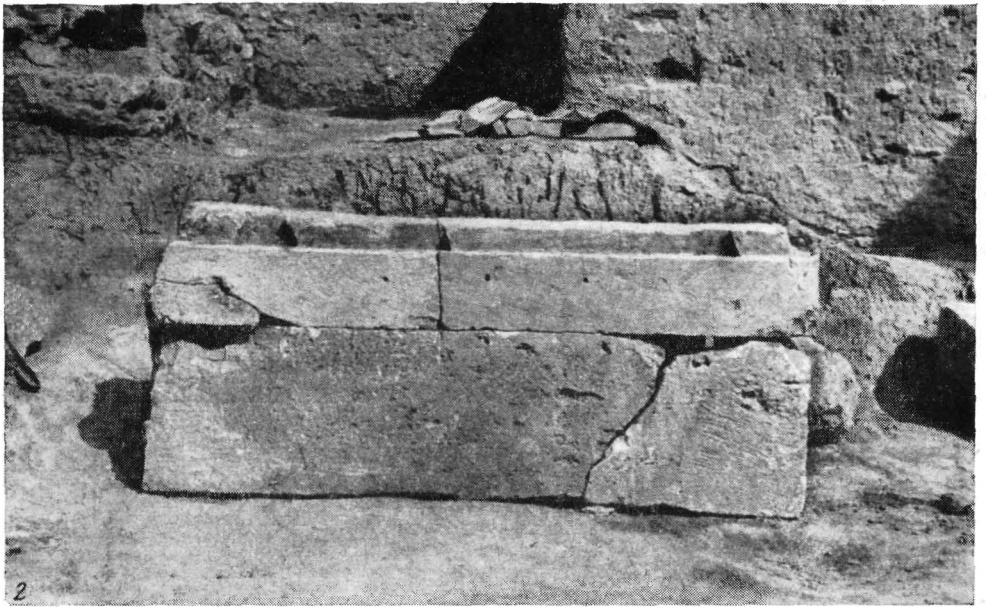




Рис. 36. Строительные остатки

1 — завал архитектурных деталей в подвале 1; 2 — архитектурная деталь, соединенная из двух камней с остатками металлических креплений; 3, 4 — образцы полихромной расписной штукатурки

Внутри подвала (в его северо-восточной части) оказалось значительное число архитектурных обломков рухнувшей наземной части здания. Главным образом это прекрасно обработанные квадры известняка. Здесь же оказались обломы архитравных перекрытий и других верхних частей здания (рис. 36, 1). На некоторых камнях имеются остатки металлических креплений, пазы для них и местами остатки оштукатуренной поверхности. Некоторые блоки с креплениями соединяются (рис. 36, 2). Кроме того, в подвале были найдены многочисленные обломки рухнувшего черепичного перекрытия, среди которых обращают на себя внимание фрагменты превосходных коринфских черепиц с расписными симами<sup>7</sup>.

Здание существовало до конца II в. до н. э., когда оно, как и сооружение на лежащей рядом территории теменоса, было разрушено в результате какой-то неизвестной нам пока катастрофы<sup>8</sup>.

Характер строительных остатков и вещевого материала здания указывает на то, что оно не было жилым или хозяйственным, а имело общественное назначение. Более определенные выводы пока еще делать преждевременно.

К рассматриваемому же времени относятся открытые в восточной части раскопа выборки стен, заполненные слоем чистого морского песка толщиной около 1 м (рис. 36, 2). Назначение этого песка пока не совсем ясно. Возможно, что песок в котловине для стен служил им «постелью», будучи своеобразным фундаментом.

После разрушений, происшедших на исследуемом участке в конце II в. до н. э., жизнь здесь больше не возобновлялась. В I в. н. э. были разобраны остатки стен разрушенных зданий, и эта территория пришла в полное запустение, находясь за пределами городской черты. Она находилась за пределами рва, отделявшего в первые века н. э. производственный район от некрополя<sup>9</sup>.

Таким образом, основные результаты трехлетних работ на раскопе Е<sub>2</sub> в плане выяснения отношения этой территории к священному участку Ольвии сводятся к следующему. Бросается в глаза резкое отличие характера планировки и застройки на данном раскопе от жилых кварталов Ольвии, в частности на раскопе А, расположенном менее чем в 20 м к северу от исследуемой площади. Планировка зданий (ориентация, осевые линии стен и так далее) соответствует характеру планировки построек теменоса.

Строительные остатки, открытые на раскопе Е<sub>2</sub>, в частности здание со штукатуркой, прекрасно вписываются в огражденную с запада территорию теменоса эллинистического времени. Если верна предложенная А. Н. Карасевым реконструкция плана храма Аполлона Дельфиния<sup>10</sup>, а она представляется нам вполне убедительной, то исследованная площадь должна была входить в пределы теменоса.

Весьма важным аргументом в пользу установления тесной связи исследуемой территории со священным участком является и характер вещевых находок. Показательна в этом отношении упоминавшаяся выше яма № 4, в которой были сложены различные глиняные сосуды, в том числе и редкая клазомешская гидрия. Эти находки несомненно представляют собою захоронение предметов, связанных с культом (священных даров), аналогичное тому, что имело место в теменосе. Весь характер вещевого материала, найденного на раскопе, отличается от характера находок в жилых кварталах, а отчасти также и агоры, но весьма близок набору материала из теменоса.

<sup>7</sup> Эти черепицы датируются более ранним временем, чем само здание. Они будут опубликованы (так же, как и упомянутая выше коринфская подставка алтаря) в подготовленной мною к печати специальной статье «Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии».

<sup>8</sup> См. А. Н. Карасев. Указ. соч., стр. 32.

<sup>9</sup> К этому времени (I—II вв.) относится лишь одна мусорная яма (№ 12).

<sup>10</sup> А. Н. Карасев. Указ. соч., стр. 27, рис. 2.

Здесь найдены многочисленные образцы дорогостоящей импортной керамики, в ямах оказалось много разбитых сосудов, которые полностью или почти полностью удалось восстановить из обломков, часто на них имеются разнообразные граффити. Особо следует подчеркнуть наличие нескольких посвячительных граффити, среди которых одно является частью посвящения Зевсу (0/62—3304), а другое Аполлону Дельфинию. Отметим еще находку обломка края очень большого мраморного блюда (восстанавливаемый диаметр ок. 1,40 м) с остатком посвячительной надписи. Все это, вместе взятое, указывает на то, что территория раскопа Е<sub>9</sub> вероятнее всего является частью теменоса. Вместе с тем ряд данных: остатки нескольких печей, непохожих на обычные очаги в жилищах, многочисленные шлаки около них, ямы специального назначения и так далее, позволяет предположить, что здесь в VI—V вв. до н. э. были сконцентрированы какие-то мастерские, обслуживавшие нужды теменоса. В IV же веке на их месте было воздвигнуто большое общественное здание.

Окончательное решение вопроса о вхождении исследуемой территории в пределы ольвийского теменоса пока преждевременно. Для этого требуется дальнейшее расширение раскопа, особенно в восточном и южном направлениях.

В. П. ПРУГЛО

## ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ИЗ МИРМЕКИЯ

В 1958 г. Боспорская экспедиция во время исследования городища Мирмекия на участке М, при раскопке вымощенной черепками улицы второй половины III в. до н. э. обнаружила обломок плитки мелкозернистого известняка розоватого цвета, размером  $3,3 \times 6,7$  см, толщиной 2,4 см с хорошо заглаженными верхней и нижней плоскостями (рис. 37, 4 и 5)<sup>1</sup>. На одной из плоскостей плитки имелись два параллельных ряда выемок-вороночек. Диаметр вороночек 0,4—0,45 см, глубина 0,4 см, расстояние между вороночками каждого ряда приблизительно 0,2 см. Один ряд отстоит от другого на 1,6 см, а посередине проходит широкий желобок, который с каждой вороночкой соединяется узеньким желобком. На поверхности вороночек нанесены радиально расходящиеся насечки.

Как явствует из приведенного рисунка, относительно хорошо сохранился только один ряд выемок-вороночек; второй в значительной части утрачен. Однако, несомненно, и здесь были аналогичные вороночки. Так как через них прошла линия излома, то видно, что дно каждой вороночки переходит в сквозной канал, диаметром 0,2—0,25 см, просверленный перпендикулярно к плоскости плитки (рис. 37, 6).

Детальное рассмотрение плитки дает основание заключить, что это обломок литейной формы, использовавшейся для одновременной отливки более 20 одинаковых изделий, а вороночки являются как бы негативным изображением самих предметов, которые в них отливались. Вырезанные на внутренней поверхности формы желобки являются литниками, через которые расплавленный металл проникал в вороночки. Наличие литников, а также заглаженность поверхностей плитки — показатель того, что форма, дошедшая в фрагментированном виде, была разъемной и состояла из двух половинок. Следовательно, перед нами обломок одной створки.

В 1871 г. в Пантикапее при раскопках шестого Пепелища, согласно отчету, был найден «небольшой брусок из камня сланцевой породы с желобком посередине и двумя рядами сквозных отверстий загадочного назначения», — так писал руководитель раскопок А. Е. Люценко<sup>2</sup>. Эта «загадочная» находка представляет собой не что иное, как целую неповрежденную створку литейной формы, размером  $5,5 \times 9,4 \times 1,4$  см, подобную мирмекийской. Она может быть привлечена как ближайшая аналогия последней

<sup>1</sup> Инв. № М/58—461.<sup>2</sup> Дело Археологической комиссии № 16 за 1871 г. Опись древним вещам, найденным при производстве раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове в 1871 г. — Архив ЛОИА.



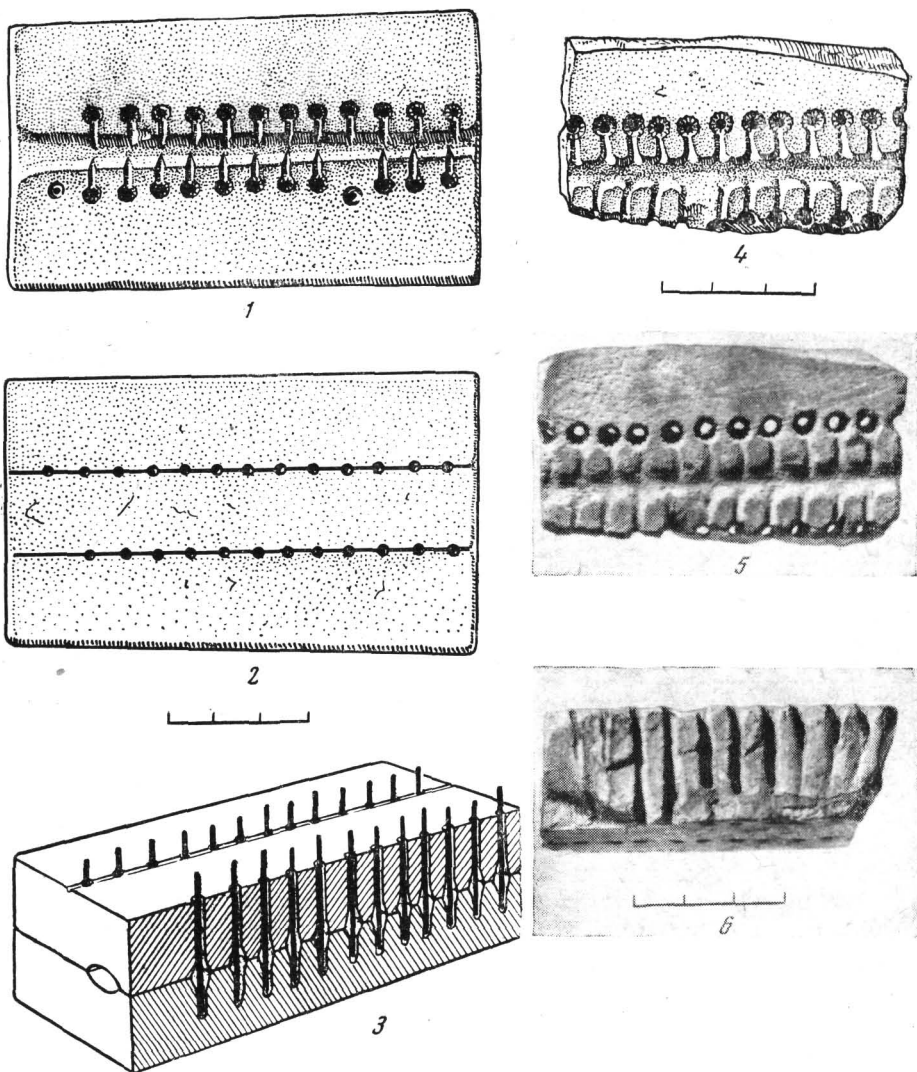


Рис. 37. Литейные формы

1, 2 — литейная форма из Пантикапея; 3 — реконструкция двухстворчатой литейной формы, с продольным разрезом через один ряд матриц (на рисунке форма показана со вставленными стерженьками); 4 — обломок литейной формы из Мирмекия; 5 — обломок литейной формы из Мирмекия (вид внутренней поверхности); 6 — литейная форма из Мирмекия (вид сбоку)

(рис. 37, 1)<sup>3</sup>. Дополняя описание А. Е. Люценко, отметим, что один конец створки, найденной на Пепелище, отпилен, причем спил прошел через крайнюю пару вороночек. Эта створка также принадлежала разъемной, т. е. закрытой форме, в которой можно было одновременно отлить не менее 24 изделий.

Процесс изготовления изделий в открытой литейной форме менее выгоден, так как требует большего количества операций и, следовательно, большей затраты времени. Сначала части предмета должны быть отлиты в отдельных формах, а затем путем паяния соединены в целое изделие. Пре-

<sup>3</sup> Эрмитаж, ОАМ, П. 1871, 39. См. также: И. Д. Марченко. Две литейные формы из Фанагории. — МИА, № 57, 1956, стр. 162.

имущество разъемной формы состоит в том, что в ней можно получать объемные предметы, часто весьма сложной конфигурации, путем однократного литья. Поэтому изображения на отдельных створках врезаны с таким расчетом, чтобы полости, соответствующие подлежащему отливке предмету, при складывании створок совмещались.

Разъемные, в частности двустворчатые, формы обычно снабжались специальным приспособлением в виде штырей на одной створке и соответствующих им углублений на другой, что обеспечивало необходимую точность совмещения обеих створок, а также их неподвижность в процессе отливки<sup>4</sup>. На внутренней поверхности формы, найденной А. Е. Люценко, есть отверстие, не соединенное с литником; оно, вероятно, и служило для вставки штыря.

Ряд небезынтересных наблюдений относительно процесса изготовления литейных форм занимающего нас типа позволяет сделать наружная поверхность пантикапейской формы (рис. 37, 2). Здесь видны прочерченные каким-то острым инструментом две параллельные линии, по которым предварительно размечались точки, где должны быть сделаны отверстия. В результате достигалась точность их расположения. Можно с уверенностью сказать, что высверливание сквозных каналов в данной створке производилось именно с наружной ее поверхности.

Последовательность изготовления парных створок, образующих разъемные литейные формы настоящего типа, была такова. Две тщательно отшлифованные каменные плитки накладывались плашмя одна на другую и прочно скреплялись, может быть, связывались, чтобы избежать сдвигов. Затем по разметке, сделанной на одной из плиток, просверливались каналы. После этого плитки разнимались; устье каналов на обеих соприкасающихся поверхностях расширялось так, чтобы придать им форму вороночек. В результате получались две створки, составляющие одну литейную форму. Одновременное просверливание обеих соединенных вместе плиток обеспечивало точные совпадения вороночек при складывании формы. Необходимость просверливать насквозь обе плитки очевидно не было. Сквозные отверстия получались в той плитке, с наружной поверхности которой начиналось сверление; вторую же створку просверливали примерно до половины ее толщины.

В качестве образца такой второй створки, в которой вороночки не имеют сквозных каналовцев, может служить часть формы, найденная в Фанагории в раннеэллинистическом слое<sup>5</sup>. Обломок другой весьма сходной литейной формы был обнаружен в 1958 г. В. П. Шиловым при раскопках на Елизаветинском городище в слое IV — начала III вв. до н. э.<sup>6</sup>

Сквозные каналы имели специальное назначение. В них перед заливкой металла, когда створки были уже сложены и скреплены, вставлялись металлические стерженьки (рис. 37, 3). Так как стерженьки проходили сквозь вороночки-матрицы, то отливавшийся в каждой из них предмет получал сквозное отверстие.

Для изготовления каких же изделий использовались рассмотренные выше литейные формы? Прекрасная сохранность пантикапейской формы могла бы служить поводом к предположению, что она предназначалась не для отливки изделий, а для получения восковых моделей<sup>7</sup>. Однако находка

<sup>4</sup> Формы, снабженные такими приспособлениями, были найдены, в частности, в Ольвии. См.: А. І. Фурманьска. Ливарні форми з розкопок Ольвії.— «Археологічні пам'ятки УРСР», т. VII, 1958, табл. III, 1—3, 6, 7, 9, и др.

<sup>5</sup> И. Д. Марченко. Указ. соч., стр. 161, рис. 2.

<sup>6</sup> Сведения об этой еще не изданной находке нам любезно сообщил В. П. Шилов, за что приносим ему благодарность.

<sup>7</sup> Напомним высказанное в свое время Пернисом мнение, что непрочность каменных литейных форм исключает возможность непосредственного наполнения их расплавленным металлом в целях изготовления изделий. Основанием для подобного заключения

в Мирмекии обломка идентичной формы с пятнами окалины от соприкосновения с расплавленным металлом и со следами основательной сработанности позволяет считать, что формы данного типа, безусловно, употреблялись в литейном деле.

Как мы уже установили, вороночки-матрицы имеют форму усеченного конуса. Поскольку конусовидные углубления были в обеих створках, то при их совмещении образовывались полости биконической формы. Если мы при этом вспомним, что перед литьем в каналы вставлялись стерженьки, то станет очевидным, что эти формы использовались для отливки маленьких биконических бусин, снабженных сквозными отверстиями. Из какого металла отливались эти бусины, неизвестно. Однако, принимая во внимание, что литейные формы изготовлены из весьма непрочного материала, следует считать наиболее вероятным применение таких металлов, которые плавятся при сравнительно низкой температуре.

Находка в Мирмекии литейной формы со следами многократного ее использования позволяет заключить, что среди прочих ремесел, существовавших здесь, определенное место занимало изготовление металлических украшений путем литья. При дальнейших раскопках, может быть, удастся обнаружить остатки и литейной мастерской, и других производственных комплексов, о существовании которых можно судить по уже обнаруженным находкам.

---

послужили предпринятые им попытки отливки изделий в древних каменных формах. При проведении этого эксперимента формы растрескались и пришли в негодность. Поэтому Пернис утверждал, что каменные формы использовались для изготовления восковых моделей, по которым и отливались требуемые изделия (см.: E. Pernice. Untersuchungen zur antiken Toreutik.— Jahreshefte des österreichischen archäologischen Institutes in Wien, 1904, t. VII, стр. 154; ср.: Р. В. Шмидт. Очерки из истории горного и металлообрабатывающего производства в античной Греции.— ИГАИМК, вып. 108, 1935, стр. 275).

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

### РАСКОПКИ В КЕПАХ В 1962 г.

Таманская археологическая экспедиция ИА АН СССР в 1962 г.<sup>1</sup> продолжала свои работы по исследованию городища и некрополя античного города Кепы; раскопанная площадь городища составила 208 м<sup>2</sup> (рис. 38, 1).

На раскопе «В» (бывш. «Центральный») работы доведены до глубины 2,12 м; здесь зарегистрировано три слоя. К слою III в. н. э. относится вымостка шириною 1,80 м из необработанных камней, проходившая с запада на восток посредине раскопа (кв. IV и V). В слое IV в. н. э. обнаружены остатки двух каменных фундаментов под глинобитные или сырцово-кирпичные стены. Кроме значительного количества керамики (фрагментов черепицы, амфор и других сосудов), отметим части свинцовых заливок, применявшихся в строительстве. На участке раскопа «В» средневековый слой достигает толщины 1,60—1,70 м. В нем открыты части фундаментов здания, сложенные из небольших камней-известняков и плитняков в характерной для VIII—X вв. технике «елочкой». К разрушенному зданию принадлежал и оранжевоглиняный пифос диаметром тулова 1,16 м, у которого венеч сверху ornamentирован глубокими ямками. Раскопки 1958<sup>2</sup> и 1962 гг. указывают, что участок раскопа «В» в средневековое время был плотно застроен. В культурном слое позднеантичного времени обнаружено погребение V в. н. э. с характерной широкой бронзовой фибулой, имевшей гнезда для эмали, и небольшим зеркалом с рельефным орнаментом.

На раскопе «И», расположенном на северной границе верхнего плато городища, продолжено изучение валообразной насыпи, ограничивающей городище с севера. К квадратам I и II с юга прирезаны квадраты III и IV. Квадрат II доведен до материкового песка, лежащего на глубине 5,5 м от вершины гряды в пределах раскопа. Здесь отмечено четыре слоя. Нижний мощный слой представляет одновременную насыпь вала, в центре поднимающуюся близко к поверхности гряды и достигающую 5 м высоты. Как зарегистрировано и в 1961 г., насыпь состоит преимущественно из многочисленных золистых прослоек, чередующихся с более редкими прослойками

<sup>1</sup> Начальник экспедиции — Н. И. Сокольский; руководитель отряда — Н. П. Сорокина; ответственные за раскопы и участки: Е. М. Алексеева, Л. А. Галкин, В. С. Долгоруков, Э. Я. Николаева, А. Л. Никитин, С. И. Свеженцева, Н. А. Фролова; В. Л. Егоров; топограф — Б. З. Бабкин; фотограф — В. С. Воробьев; художники — А. С. Бочкарев и Т. Г. Леонова; реставратор — А. А. Кузьмичов, шофер — В. С. Яковлев. Лаборанты — Н. Г. Блохина, Е. И. Воронич, Т. Н. Анфимова, Е. В. Бесфамильная, шесть практикантов из московских школ.

<sup>2</sup> Н. И. Сокольский. Работы в Ксках в 1958 г. — КСИА, вып. 83, 1961, стр. 71.

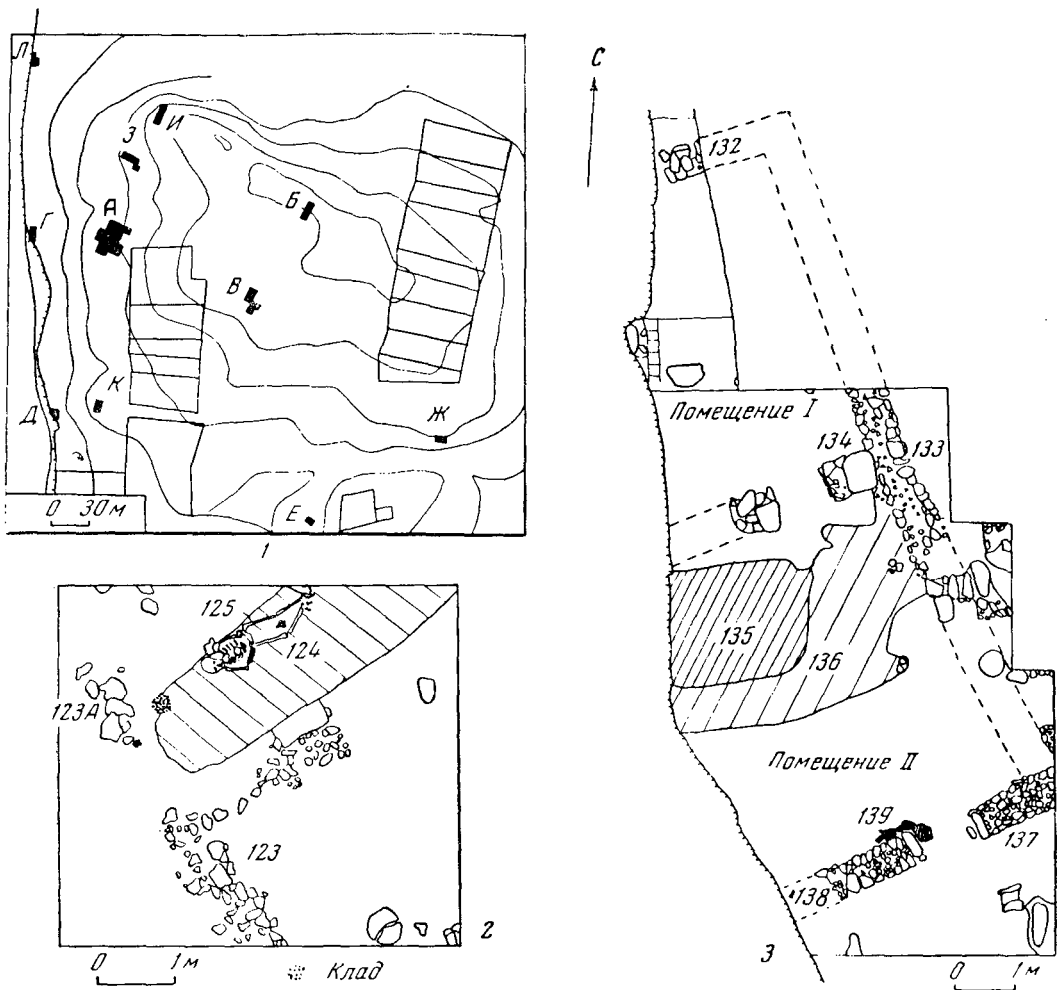


Рис. 38. План городища и раскопов

1 — расположение раскопов на городище Кепы; 2 — раскоп «К». План кв. II; 3 — раскоп «А». План

белой морской травы — камки и прослойками печин<sup>3</sup>. Северный склон насыпи — крутой, а южный — пологий невысокий, постепенно сливающийся с горизонтальными культурными слоями городища, т. е. вал усиливал естественный склон северной границы города. Среди находок наибольшее количество составляют фрагменты амфор, краснолаковой посуды; много кухонной посуды, изготовленной на гончарном кругу, и лепной. Отметим фрагменты краснолаковых блюдец с клеймами в виде ступени и ромбика, тарелки с прямоугольным клеймом, несколько кусков розовой цемьянки, пирамидальные грузила с клеймами, часть базы небольшого колопки из известняка (рис. 39, 3), осколки мрамора, железный нож, кусочки розовой и красной штукатурки, краснолаковый светильник I в. н. э., обломок костяного рашпиля, несколько железных гвоздей, часть шиферной плитки для растирания мазей, бронзовые фибулы (рис. 39, 4), браслет, колокольчик, монету Митридата III и Гипепирии, сероглиняную ручку сосуда в виде кабана.

<sup>3</sup> Н. И. Сокольский. Раскопки в Кехах в 1961 г. — КСИА, вып. 95, 1963, стр. 57, рис. 19в.



Рис. 39. Находки на раскопах «И» и «К»

Раскоп И: 1 — терракота — головка Афродиты; 2 — светильник в виде голубя; 3 — база колонки; 4 — бронзовая фибула; 6 — терракота — голова богини в калифе. Раскоп К: 5 — терракота — бог Мен на петухе

Слой II—III вв. н. э. лежит на южном, внутригородском скате вала и не содержит строительных остатков. Среди contemporaneous находок отметим фрагменты краснолаковых блюдец с рельефным растительным орнаментом по краю, несколько целых светильников, в том числе красноглиняный светильник II—III вв. н. э., лепшой черноглиняный светильник в виде голубя (рис. 39, 2), бронзовый браслет, терракотовую головку богини в калафе (рис. 39, 6) и терракоту, изображающую мальчика, сидящего на подушке. Позднеантичный слой, также не включавший строительных остатков, содержал значительное количество contemporaneous керамических находок. Наиболее поздними и характерными из них являются фрагменты широкогорлых красноглиняных амфор III—IV вв. н. э. и краснолаковых блюдец IV в. н. э. Средневековый слой в пределах раскопа «И» сильно размыт, но о его существовании говорят несколько фрагментов амфор IX—X вв. и лепных рифленых горшков.

Значительный интерес представляет собою раскоп «К» (рис. 38, 2) на юго-западном краю верхнего плато городища. Здесь, в направлении откоса, спускающегося к морю, выдается бугор, к югу от которого идет весьма заметное понижение рельефа. На этом бугре и был заложен раскоп площадью 50 м<sup>2</sup>. Верхние пласты бугра испорчены многочисленными ямами и окопами. Раскопки доведены до глубины 3,70 м. Оказалось, что бугор в своей основной массе представляет собою свалку высотой более 3 м, существовавшую с эпохи позднего эллинизма до I в. н. э. Различаются два слоя: первый слой, нижний, состоящий из коричневого суглинка с обильными мусорными включениями, относится к периоду II—I вв. до н. э. Среди многочисленных керамических находок имеются фрагменты синопской и боспорской черепицы эллинистического времени, в том числе с клеймами; встречаются фрагменты полукруглых светлоглиняных калиптеров и фрагменты пифосов. Наиболее многочисленной группой являются фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками, что представляет редкое явление не только для Кеп, но и других городов Северного Причерноморья. Превалирование этого типа амфор на раскопе «К» говорит о тесных связях города с одним из малоазийских центров в I в. до н. э.

Здесь же встречаются фрагменты родосских амфор, красноглиняных с двуствольными ручками типа косских, светлоглиняных с невысокими, четко профилированными ручками; реже встречаются и более ранние: фазосские, хиосские с колпачковой ножкой. В слое есть фрагменты кувшинов, сероглиняных сосудов и лепной керамики, а также позднеэллинистических окрашенных сосудов. Значительная группа краснолаковых тарелок, кубков, чашек темно-красного и красно-коричневато-лака, похожего на краску и значительно отличающегося от блестящего лака сосудов I в. н. э. в насыпи на раскопе «И». Отметим терракоту, изображающую женскую задропированную фигуру, опирающуюся на колонку; фрагменты мраморных облицовочных плиток, светильников, а также донце сосуда с характерным клеймом кепской мастерской<sup>4</sup>.

Второй слой I в. н. э. в основном состоит из многочисленных горизонтальных прослоек мусорно-золистого грунта сероватого цвета. Здесь больше, чем в нижнем слое, встречается светлоглиняной черепицы, полукруглых желобчатых калиптеров, пифосов, светлоглиняных лутериев. Среди амфор ведущей группой остаются светлоглиняные с двуствольными ручками, но наряду с ними есть и фрагменты светлоглиняных узкогорлых раннего типа; встречаются фрагменты тонкостенных светло-сиреневых синопских амфор с острыми дождем, очень часто встречающихся на таманских городищах в слоях I в. до н. э.—I в. н. э. Много фрагментов разнообразной краснолаковой керамики, в том числе с клеймами, росписью белой краской и рельефным орнаментом, несколько фрагментов сосудов синего, коричне-

<sup>4</sup> Н. И. Соколовский. Работы в Кехах.—КСИА, вып. 83, стр. 67, рис. 25, 2.

ватого и прозрачного стекла, монеты; отметим куски мраморных плиток, части мраморных украшений и скульптуры, фрагменты бронзовых украшений, отпил рога. В числе нескольких фрагментов терракот следует выделить изображение бога Мена на петухе с посвятителной надписью богине Афине на постаменте (рис. 39, 5).

Находки II и III вв. отсутствуют; позднеантичный слой имеет толщину 0,60—0,70 м; грунт его мусорно-золистый; значительную часть слоя занимает желтоглиняный массив, образовавшийся из завала сырцово-кирпичных стен строения, от которого сохранились части двух сторон фундамента, сложенного из мелких необработанных камней-известняков и плитняков. Одна сторона фундамента ориентирована с юго-востока на северо-запад (длина 2 м), другая — с юго-запада на северо-восток (длина 2,10 м). Фундамент сложен был в два панциря с забутовкой между ними. С северной стороны фундамента имелась ступенька, ведущая в помещение, возможно, со двора или из другого помещения, земляной пол которого лежал ниже фундамента здания. Здесь, на расстоянии 1 м к северу от угла фундамента, под желтоглиняным завалом, обнаружен клад позднебоспорских монет. Клад лежал в мусорно-золистом грунте, на глубине 0,70—0,83 м от современной поверхности почвы. Общее количество монет около 750, вес всех монет 5,8 кг. Клад состоит из медных монет конца III и первой трети IV вв. н. э. Наиболее поздние монеты датируются 336 г. н. э. На расстоянии 0,58 м к северо-востоку от клада, под тем же глинобитным завалом, лежал скелет человека головою на запад, в несколько неестественной для погребения позе. В черепе его имелось отверстие диаметром 2 см. Могильной ямы нет, вещей при покойнике также не обнаружено, только над черепом был найден большой фрагмент бронзовой смятой пластины, а между ног остатки железного предмета. Нужно думать, что человек был убит в момент, когда он прятал клад. Это произошло после окончания боспорской чеканки монет, после 336 г. н. э., вероятнее всего, во время гуннского нашествия. Помимо клада, в позднеантичном слое было значительное количество разновременных керамических и других находок, например фрагменты терракот, два кабаньих клыка со срезами; ребро овцы с выгравированным знаком-тамгою. В течение последующих столетий на месте раскопа «К» был пустырь. В прослойке, относящейся к слою дерна, обнаружено несколько фрагментов амфор и кувшинов VIII—X вв., а в позднем перекопе — дисковидный средневековый жернов.

Свалка, обнаруженная на раскопе «К», обозначала южную границу города эллинистического времени на верхнем плато. С I в. н. э. город расширился в южном направлении.

Раскоп дал материалы для изучения торговых связей, экономики и производства города Кепы в период II в. до н. э.— I в. н. э., а также приоткрыл завесу над трагическими событиями, заключавшими историю этого античного города.

Более всего строительных остатков в Кехах сохранилось от позднеантичной эпохи. Это еще раз подтвердил раскоп «Л» (рис. 38, 3), разбитый на береговом обрыве, т. е. на остатках нижней, погибшей в водах залива части города. В обрыве была видна разрушенная кладка и вымостка. Раскоп площадью 58 м<sup>2</sup> и глубиной 2,60 м раскрыл остатки двух помещений дома III—IV вв. н. э. Восточная стена, общая для обоих помещений, ориентирована с юга на север так, что ее северный конец отклоняется на 16° к западу от линии юг-север. Западные части обоих помещений разрушены обрывом. Сохранились части трех поперечных фундаментов, примыкавших с запада к восточной стене. Северное помещение I раскрыто не полностью, его длина с севера на юг равна 5,45 м, в ширину раскрыто на 3,70 м. Судя по находке шлака на земляном полу, помещение было связано с керамическим производством. Стена, отделявшая помещение I от помещения II (южного) имела дверной проем шириною 0,90 м. Помещение II с севера на юг

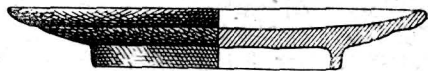
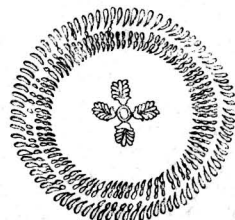
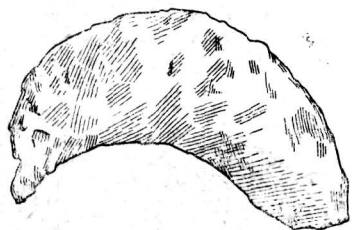
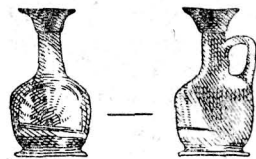
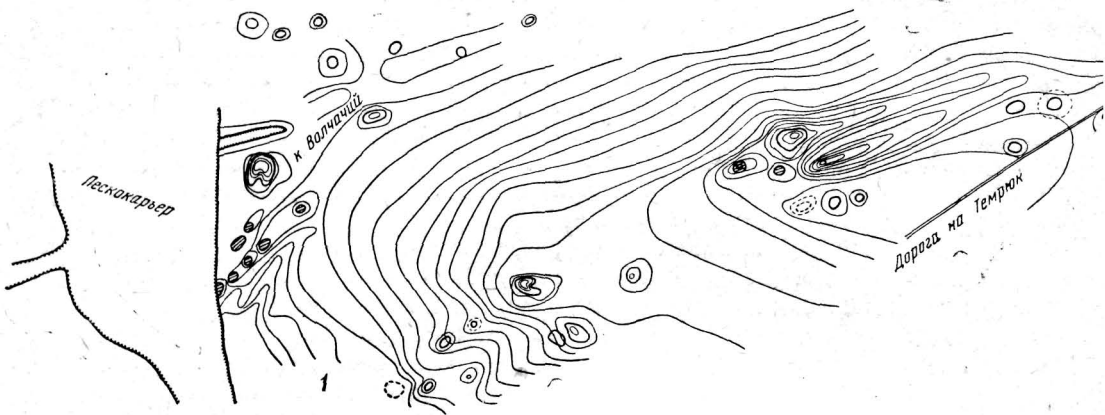


имело длину 5,75 м, от обрыва до восточной стены наибольшая ширина составляет 4,70 м. Южная стена состоит из двух отрезков, между которыми имеется дверной проем шириною 1 м; на горизонте подошвы каменных кладок сохранились плитняки порога. Пол помещения II был вымощен мелкими плоскими камнями и фрагментами черепицы и амфор III—IV вв. н. э. В южной части помещения эта вымостка разрушена. В северной части — имелась площадка размером около 4 м<sup>2</sup>, покрытая очень плотно утрамбованной смесью из дробленых известняков, гальки, железняков, мелких фрагментов керамики. У обрыва были ошлаковавшиеся места этой площадки. Нужно думать, что площадка играла особую роль в помещении, также связанном с керамическим производством. Все фундаменты здания состоят из необработанных не крупных камней (плитняков, ракушечников и др.), сложенных на глиняном растворе в два наружных панциря с забутовкой между ними. Верхние плоскости фундаментов выложены ровно уплощенными камнями и фрагментами черепицы и амфор; на них покоились сырцово-кирпичные стены, сохранившиеся на высоту до 0,35 м. Фундаменты имеют ширину 0,60—0,70 м и высоту 0,25—0,30 м, бока дверных проемов высокие, сложены более тщательно, с применением подтесанных камней и камней вторичного использования. Полы и фундаменты имеют равномерный наклон в западном направлении вследствие деформации грунта на краю обрыва. На горизонте пола и фундаментов собрана основная масса находок: обломки черепицы, пифосов, позднеантичных амфор, кувшинов и простой посуды. Парадная посуда представлена небольшим количеством обломков краснолаковых чашек и блюдец. Очень мало костей. Все это соответствует производственному назначению здания, к которому, вероятно, с востока примыкало еще одно или два помещения.

В 1962 г. продолжены исследования курганного некрополя Кеп к востоку от пескокарьера (рис. 40, 1), начатые в 1961 г. Раскопано шесть разновременных курганов различной величины, относящихся к античному времени и к эпохе бронзы. В двух случаях погребения этих различных эпох оказались под одною насыпью.

Курган № 3 располагался в 35 м к северо-востоку от кургана № 1<sup>5</sup>, на невысокой гряде. Насыпь кургана № 3 высотой до 0,50 м из темно-коричневой супеси была срезана при работах пескокарьера; диаметр кургана равнялся 7—8 м. Под насыпью кургана открыта прямоугольная гробница, опущенная в материк; она сложена из сырцовых кирпичей размером 0,52 × 0,52 м, толщиной 0,08—0,10 м. Размер всей могилы 3,10 × 2,58 м; ее длинная ось ориентирована с запада на восток так, что восточный конец отклоняется на 23° к северу от линии З—В. Ширина стенок — в один кирпич, они сохранились на высоту до 0,48 м; пол выложен такими же кирпичами. В гробнице обнаружено три последовательных погребения. Скелеты лежали на спине в вытянутом положении, головами на восток. Одно из погребений было сдвинуто при последующем захоронении. Гробница не ограблена и заключала многочисленный инвентарь (рис. 40, 2). Несмотря на то, что вещи всех погребений спутаны, можно думать, что к раннему относятся краснофигурная пелика IV в. до н. э., чернолаковые каннелированный канфар и тарелка со штампованными пальметками, простая ойнохоя; ко второму погребению — железный перстень, сероглиняный канфар, простая пелика, медная пантикпейская монета (во рту) с изображением головы силенна влево (аверс) и головы быка (реверс) (вторая половина IV в. до н. э.) и широкий виноградарский железный нож, который свидетельствует о том, что гробница принадлежала семье виноградара, и о развитом виноградарстве в Кехах еще в IV в. до н. э. Не случайно название города означало «Сады». Помимо того, в гробнице обнаружены: медная пантика-

<sup>5</sup> Курганы № 1 и 2 раскопаны в 1961 г. (Н. И. Соколовский. Раскопки городища Кепы в 1961 г.—КСИА, вып. 95, 1963, стр. 58—59).



2

Рис. 40. Курганный некрополь Ксеп

1 — план расположения курганов; 2 — сосуды и винегрдарский нож, Курган № 3

пайская монета с изображением головы силена и быка, датирующаяся началом III в. до н. э.<sup>6</sup>, два маленьких лекифа (простой сероглиняный и чернолаковый с пальметкою), красноглиняный алабастр, две чашечки, из которых одна — с остатками бараньих костей, пелика, расписанная водяными красками, четыре унгентария, железный предмет. Гробница относится к периоду второй половины IV — началу III вв. до н. э.

Курган № 4 располагался в 20 м к северу от кургана № 3, на той же гряде. Насыпь кургана высотой до 0,70 м сильно сглажена; диаметр кургана не превышал 7—8 м. Под насыпью — каменная кольцевая обкладка в виде неплотной вымостки. Под курганом в материке обнаружены два погребения эпохи бронзы. Одно из них разрушено в эллинистическое время, другое было совершено в подбойной могиле с каменным закладом<sup>7</sup>.

Курган № 5 находился на северном краю той же гряды. Диаметр более 12 м, высота до 1,5 м. В кургане открыто четыре могилы, из которых три относятся к эпохе бронзы. В центре кургана, в материковом гравийном песке, на глубине 2,03 м от вершины обнаружено погребение, от которого сохранилось несколько костей, указывающих на скорченное положение погребенного, лежавшего головою на юго-юго-восток. У костей обнаружены мочки красно-бурой краски и певдалеке — сероглиняный горшок (рис. 41, 2), по форме близкий сосудам майкопской культуры<sup>8</sup>. Могила была покрыта плотной насыпью из мелких майкопской культуры<sup>8</sup>. Могила была покрыта плотной насыпью из мелких майкопской культуры<sup>8</sup>.

В III в. до н. э. в центре кургана устроена была сырцовая гробница; каменная насыпь выбрана. Кроме того, была разрушена и другая могила, относящаяся ко II тыс. до н. э. Северную стену гробницы строители античной гробницы создали путем ровного среза каменной насыпи эпохи бронзы, а остальные три стенки сложили из сырцового кирпича такого же размера, что и в кургане № 3. Внутренние размеры гробницы 2,40 × 1,55 м, высота кирпичной кладки 0,70 м. Длинные стороны ее ориентированы с востока на запад. Каменный пол в западной части — остаток насыпи раннего кургана. Античная гробница ограблена через открытый прокоп сверху. Судя по остаткам инвентаря (фрагменты красноглиняных чашек, чернолакового лекифа, пелики, расписанной водяными красками, горло кувшина, унгентарий, бронзовая игла, костяная ручка для ножа и др.), гробница относится к IV—III вв. до н. э.

В юго-восточной поле этого же кургана раскрыто еще одно, впускное погребение эпохи бронзы. Могилная яма была покрыта каменными плитами и сбоку заложена также плитой. Положение погребенного — скорченное, головой на восток; вдоль плохо сохранившихся и раздавленных плитам костей — остатки красно-бурой краски.

Курган № 8 находился рядом с курганами № 3, 4 и 5 с западной стороны гряды. Высота насыпи не превышала 1 м, диаметр 15 м. В центре кургана, на глубине 0,70 м, обнаружена гробница в виде ящика из тесаных плит белого ракушечника. Гробница наполовину была впущена в материк и ориентирована с северо-запада на юго-восток, размеры: 2,10—2,15 м × 0,70 м × 0,45 м. Грабители разрушили северо-западный конец могилы и часть костей выбросили на поверхность, где обнаружен красноглиняный флакон. В могилу были положены три покойника один на другом. Верхние два скелета были сдвинуты и много костей выброшено, но нижний сохранился. Он лежал в вытянутом положении, на спине, головою на юго-восток. Из инвентаря сохранились: сероглиняный, покрытый коричневым лаком кувшинчик (у головы), небольшое бронзовое зеркало, маленький

<sup>6</sup> Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до нашей эры. М., 1956, табл. V, № 63; А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, табл. X, 1, 7

<sup>7</sup> В данной статье мы ограничимся кратким описанием погребений эпохи бронзы, материалы которых будут специально исследованы.

<sup>8</sup> Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 59, рис. 14, 5.

лекиф, обломки красноглиняного блюда. Дата гробницы III—II вв. до н. э.

На южном краю гряды, рядом с курганом № 1 экскаватором карьера был разрушен еще один курган № 9. Судя по уцелевшему красноглиняному кувшину, он относился также к эллинистическому времени.

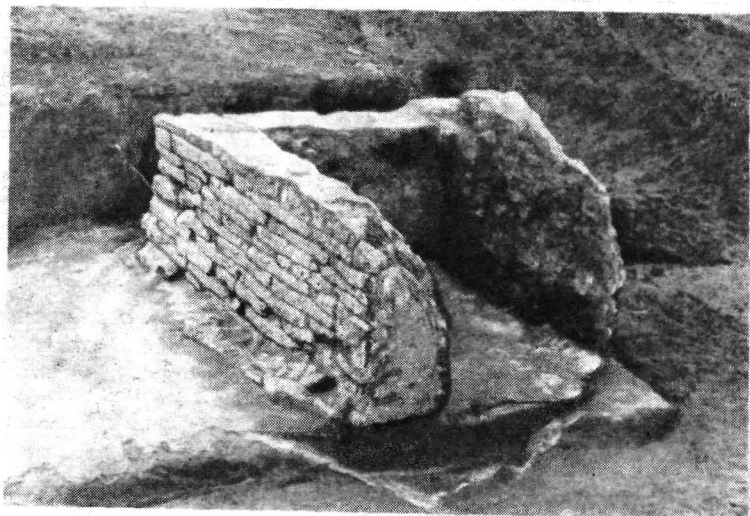
Примерно в 500 м к востоку от описанной группы курганов, на пологом склоне горы Цымбалка, имеется группа более крупных курганов. Из них раскопаны два.

Курган № 6 диаметром 27 м, высотой 1,5 м был распахан. В центре кургана прослежен большой котлован грабительских раскопок, спускавшийся на глубину 4,5 м от вершины кургана и на 2 м ниже горизонта погребенной почвы. В нижней части котлована найдены фрагменты амфор и пелики, расписанной водяными красками. На уровне погребенной почвы в восточной поле кургана обнаружены остатки тризны: части остродошпой амфоры, целый унгентарий и двуручная чашечка, железные гвозди; к юго-западу от них — скопление расколотых костей коровы. Судя по этим материалам, курган относится ко второй половине IV или первой половине III в. до н. э.

Курган № 7 расположен рядом с курганом № 6. Диаметр до 40 м, высота 2,5 м. Курган сильно разрушен. С западной стороны имеется старый большой прокол, уничтоживший и вершину кургана; с юга — также большой прокол, но не доходящий до центра.

Как показали раскопки, курган насыпался неоднократно. Первоначальная насыпь высотой 0,60 м из светло-коричневой супеси перекрывала четыре погребения эпохи бронзы: № 2, 3, 6, 7, которые впущены в материковый желто-коричневый песок на глубину от 0,50 до 0,80 м. Под насыпью этого кургана довольно обширная площадка была покрыта тонким слоем морской травы, имевшей бело-розовый цвет. Благодаря песчаному матерiku могилы деформировались. Могила № 6 имела продолговатую овальную форму и была перекрыта деревянными досками. Оказалась разрушенной при устройстве склепа IV в. до н. э. Могилы № 2, 3 и 7 находились в юго-восточной части кургана. Могила № 2 — детская, сверху заложена большой плитой, над которой найден лепной плоскостонный горшок. Покойник был ориентирован головою на север с небольшим отклонением к западу и густо посыпан ярко-красной краской. Могила № 3 — в плане овальная, дно покрыто коричневым тленом от сгнившей подстилки; погребенный ориентирован головой на запад. Могила № 7 больше других деформировалась; покойник ориентирован головою на запад; в могиле найден лепной горшок с яйцевидным дном. Последнее погребение указывает, что первоначальная насыпь сооружена в ямное время.

Примерно на той же глубине, но южнее, за пределами первоначальной насыпи кургана находилась могила № 8, от которой сохранились пятно окрашенного песка и небольшой лепной горшочек (рис. 41, 3). Могилы № 1 и № 4, тоже расположенные за пределами первоначальной насыпи, представляли собою глубокие катакомбы с короткими колодцами. Дно катакомбы № 1 находилось на глубине 2,20 м от погребенной почвы, из колодца в камеру вела ступенька; вход был заложен двумя необработанными каменными плитами. На земляном полу, покрытом коричневым тленом, головою на запад лежали два скелета в скорченном положении. На руке одного из них — бронзовый браслет, вокруг — остатки красно-бурой краски. Могила № 4 подобна могиле № 1. Дно покрыто коричневым тленом. В катакомбе обнаружено несколько мелких бусин и несколько звеньев бронзового браслета. Вероятно погребения катакомбного времени тоже перекрывала курганная насыпь, в которую был впущен склеп IV в. до н. э. После сооружения склепа вновь был насыпан курган, о чем говорят чередующиеся слои коричневого суглинка и плотной темно-серой глины. Прямоугольный склеп (могила № 5) из сырцовых кирпичей размером 0,62 × 0,45 × 0,075 м (рис. 41, 1) находился в центре кургана. Западная стена склепа разрушена



1



2



4



3

Рис. 41. Курганный некрополь Кеп

1 — склеп из сыровых кирпичей под курганом № 7; 2 — сосуд эпохи бронзы из кургана № 5; 3 — сосуд эпохи бронзы из мог. № 8, кургана № 7; 4 — терракота из Финагорийского склепа

прокопом, внутри он оказался пустым. Размеры склепа: 2,83 м × 2,08 м × 1,04 м. Пол глиняный, как и стены, изнутри покрыт глиняной обмазкой. Толщина стенок 0,45—0,47 м, т. е. равна ширине кирпичей. Перекрытие не сохранилось, нужно думать, оно было деревянным. Подошва склепа находится на глубине 2,25 м от верхней точки кургана (сооруженного для покрытия этого склепа). Около склепа найден обломок железного меча и фрагмент сетчатого лекифа, а в насыпи на горизонте погребенной почвы — фрагменты амфор IV в. до н. э.

В результате раскопок курганов получены очень важные материалы по истории города Кепы IV—II вв. до н. э. и его некрополя. Не меньший интерес представляют погребения эпохи бронзы, ибо с Таманского полуострова известны только отдельные случайные находки, и по существу этот район являлся пока белым пятном на археологической карте этой эпохи. Обнаруженные 12 погребений в курганах № 4, 5 и 7 расширяют наши представления об истории Таманского полуострова в догреческий период.

Помимо раскопок городища и некрополей Кеп, Таманская экспедиция проводила работы на четырех городищах Фанталовского полуострова, где открыты остатки четырех крепостей античного времени, три из них имели крепостные стены из сырцового кирпича, а одна была обнесена земляным валом. Кроме того, на западной окраине пос. Сенная раскопан случайно открытый подкурганый склеп II в. до н. э., сложенный из тесаных плит. Этот склеп имел оригинальное устройство, заключающееся в скошенном своде и устройстве лежанки и каменной могилы внутри него. Изнутри склеп был оштукатурен и покрыт однотонной красно-бурой краской. К сожалению, склеп оказался ограбленным через пробоину в плите покрытия. Судя по остаткам скелетов, он представлял собою усыпальницу фанагорийской семьи; в нем было погребено не менее пяти человек с обрядом труположения и трупосожжения. В склепе найдены: несколько сосудов, светильник, терракота с изображением амура, обнимающего петуха (рис. 41, 4), бусы, железный нож, обломки фибулы, золотые лепестки от венка и золотая серьга в виде птички. Для изучения истории Фанагорий склеп имеет большое значение, так как нам мало известно каменных фанагорийских склепов, тем более расписных.

Б. Г. ПЕТЕРС

## РАСКОПКИ ГОРОДИЩА У с. МИХАЙЛОВКА в 1963 г.

В 1962 г. В. В. Веселовым во время археологических разведок между с. Михайловка и 20-м км шоссе Керчь — Феодосия были обнаружены остатки древних сооружений<sup>1</sup>. Летом 1963 г. Михайловским отрядом<sup>2</sup> Причерноморской экспедиции<sup>3</sup> были начаты раскопки на городище античного времени.

Михайловское городище расположено на холмах, которые с запада и с севера окаймляет русло высохшей реки. Склоны холмов террасированы, а поверхность их во многих местах повреждена траншеями. В обнажении одного из южных склонов прослеживаются зольники. Работы 1963 г. имели задачу выяснения характера исследуемого городища, с этой целью было заложено три раскопа общей площадью 206 м<sup>2</sup>.

Раскоп I был заложен у подножья юго-западного холма, где удалось обнаружить фундамент стены толщиной до 2 м. Этот фундамент, состоящий из двух параллельных панцирей, сложен из рваных глыб известняка высотой в один ряд (1,40 × 0,50 × 0,60 м; 1,0 × 0,60 × 0,30). Между панцирями стены местами сохранилась забутовка из мелкого камня той же породы.

В 4 м к востоку от первой стены параллельно ей проходила другая стена. На севере первая стена делала поворот на запад, а вторая на восток, ограничивая прямоугольными оградами участка земли. Остатки фундаментов датируются фрагментами красноглиняных амфор с профилированной ручкой II—III вв. н. э.<sup>4</sup>

На вершине юго-западного холма был заложен раскоп II, где на глубине 1,0 м от современной поверхности земли была открыта плитовая могила, составленная из четырех отесанных плит известняка (1,54 × 1,29 × 0,55 м; 0,54 × 0,22 × 0,55 м). По продольной оси могила ориентирована с северо-запада на юго-восток. В могиле было обнаружено 10 скорченных костяков, восемь покойников были положены головами на северо-запад, двое на юго-восток. В могиле на глубине 1,50 м от современной поверхности почвы был обнаружен бронзовый втульчатый двухперый наконечник стрел конца VI—

<sup>1</sup> В. В. Веселов. Остатки древних сельскохозяйственных сооружений.— «Керченский рабочий», 19 августа 1963 г.

<sup>2</sup> Начальник отряда Б. Г. Петерс, сотрудники В. С. Долгоруков, Г. М. Ефимова, Б. З. Бабкин.

<sup>3</sup> Начальник Причерноморской экспедиции И. Т. Кругликова.

<sup>4</sup> И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83, 1960, стр. 135, 170, табл. XXXIII, 82.

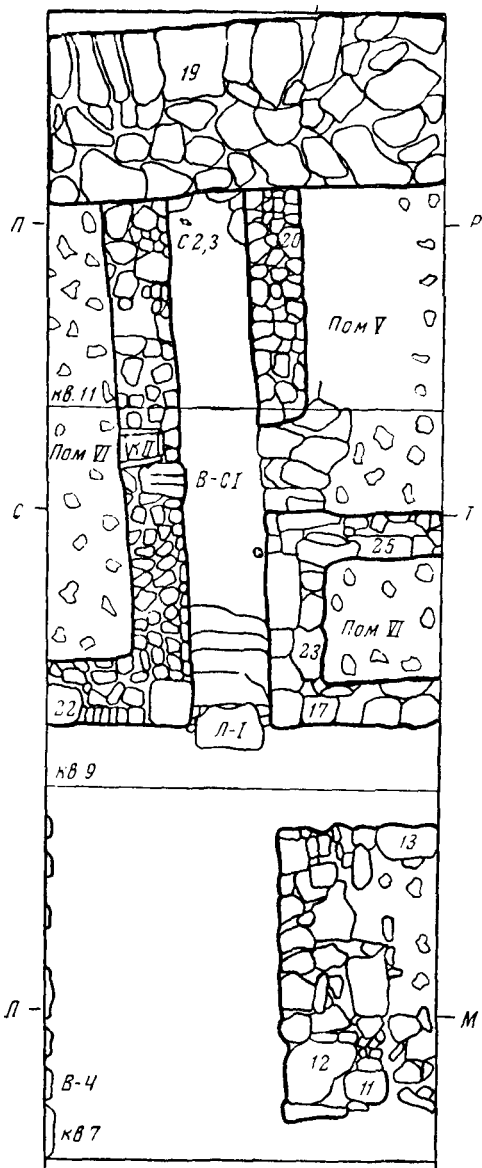


Рис. 42. План 3-го раскопа (северная часть)

начала V в. до н. э.<sup>5</sup> На глубине 1,35 м — бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрел конца V, IV—III вв. до н. э.<sup>6</sup>, а также пастовая бусина. Сверху могила была заложена необработанными известняковыми камнями, над которыми с севера на юг располагается фундамент стены. Эта стена шириной до 2,40 м и высотой до 0,60 м относится к слою I в. до н. э.—I в. н. э.<sup>7</sup> Этот слой, нижняя граница которого лежит в одном горизонте с подошвой стены, состоит из волистого грунта с западной стороны и суглинков с восточной. В обеих частях этого слоя обнаружены сходные находки, главным образом фрагменты светлоглиняных амфор с двухствольными ручками, относящиеся к периоду I в. до н. э.—I в. н. э.<sup>7</sup>

В слое были заключены также обломки терракотовых статуэток эллинистического времени, в том числе: протомы<sup>8</sup>, голова петуха<sup>9</sup>, подставка статуэтки с ногами птицы, раскрашенная белой и синей краской, обломок кисти руки и т. д. Найдены также фрагменты краснолаковой посуды, костяная игла для вязания сетей<sup>10</sup>, точильные бруски из песчаника, фрагменты сероглиняных лепных сосудов, кружочки, сделанные из сте-

нок амфор, фрагмент горла и ручки гераклейской амфоры IV—III вв. до н. э.<sup>11</sup> со следами красной краски.

Сверху этот слой перекрывается зольником, относящимся ко второму слою. Зольник, толщиной до 0,50 м, датируется фрагментами узкогорлых светлоглиняных амфор II—III вв. н. э.<sup>12</sup>

<sup>5</sup> И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до н. э., стр. 35, табл. II, 6—8, 10.

<sup>6</sup> И. В. Яценко. Указ. соч., стр. 35, 42, табл. II, 36.

<sup>7</sup> И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 109, 162, табл. XXVIII, 61а.

<sup>8</sup> М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, табл. X, 1.

<sup>9</sup> Там же, стр. 100, 158, табл. XXII, 42, 45.

<sup>10</sup> И. Т. Кругликова. Работы Восточнокрымского отряда в 1957 г.—КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 67, рис. 23, 1—5.

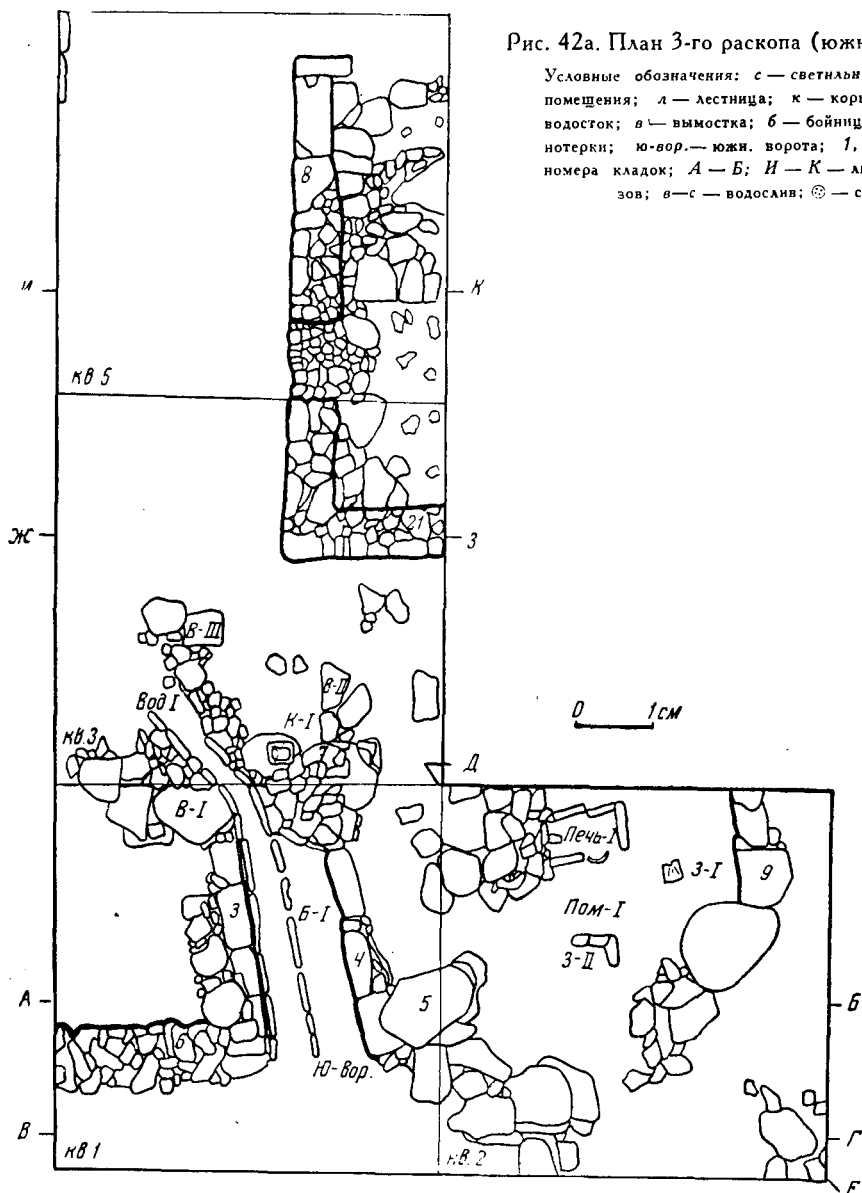
<sup>11</sup> И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 100, 158, табл. XXII, 43.

<sup>12</sup> Там же, стр. 117, табл. XXVII, 91—93.



Рис. 42а. План 3-го раскопа (южная часть)

Условные обозначения: с — светильники; пом — помещения; л — лестница; к — корыта; вод — водосток; в — вымостка; б — бойница; з — зернотерки; ю-вор. — южн. ворота; 1, 2, 8, 20 — номера кладок; А — Б; И — К — линии разрезов; в-с — водослив; ⊙ — сифон



На вершине центрального холма был заложен раскоп III, который вскрыл остатки южной и северной оборонительной стены (рис. 42, кв. 1, 2 стены 5, 6; кв. 11, стена 19). Оборонительные стены сложены из необработанного ломаного камня известняка, размерами:  $1,0 \times 0,60 \times 0,50$  м;  $1,35 \times 0,50 \times 0,60$  м и т. п. Раскопом вскрыты эти стены на всю их толщину, судя по приоткрытой части забутовка этих стен состоит также из больших камней, уложенных на глине<sup>13</sup>. Фундаменты этих стен высотой

<sup>13</sup> Т. М. Арсеньева. Раскопки у деревни Ново-Отрадное в 1959 г.—КСИА, вып. 81, 1961, стр. 66; В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 91—92; В. Ф. Гайдукевич. Боспорские города Тиритака и Мермикий на Керченском полуострове.—ВДИ, № 1, 1937, стр. 221.

до 0,50 м сложены менее тщательно. Южная оборонительная стена сохранилась на высоту 0,90 м, северная на высоту 2,10 м.

У южной оборонительной стены между стенами 3 и 4 образуется коридор (рис. 42, кв. 1, стены 3, 4) шириной 1,0—1,10 м, длиной до 2,80 м, стены 3 и 4 сложены из отесанных квадров размером 0,70×0,35×0,30 м; 0,75×0,50×0,50 м. Западная стена коридора имеет высоту 1,60 м — четыре ряда камней, от восточной сохранился лишь один ряд.

Северная оборонительная стена № 19 и стены № 17 и № 20 (рис. 42, кв. 9, 11), видимо, образовывали помещение, только часть которого приоткрыта. Вход в это помещение был устроен с западной стороны, где обнаружен между стенами № 25 и № 20 дверной проем шириной 1,00 м, позднее заложённый камнями. Дверной проем выходил в коридор шириной 1,00—1,10 м, образованной с запада стеной № 14, высотой 2,2 м, с востока стенами № 25 и 20. В южном направлении этот коридор переходит в лестницу из пяти ступеней, которые поднимаются в сторону выхода (рис. 43, 3 кв. 6). Наверху лестница завершается высоким порогом, защищающим коридор от дождевых вод.

Стены № 14, 17, 20, 22, 23, 25 сложены из необработанных камней известняка размером 0,40×0,35×0,30 м; 0,30×0,30×0,15 м и т. п. Углы в местах поворота стен, а также проемы в стенах выполнены из отесанных квадров.

Южнее, вдоль восточного борта раскопа тянутся остатки стен помещения (рис. 42, кв. 3, 5, 7 стены 8, 12, 13, 21), в центре восточной стороны которого имеется вход.

Перечисленные сооружения находятся в слое, датированном двухствольными ручками красноглиняных амфор I в. до н. э.— I в. н. э.<sup>14</sup> Здесь также найдены светильники I в. н. э.<sup>15</sup>, фрагменты краснолаковой посуды, часть глазурированного сосуда, часть каменного солена из известняка.

В юго-восточной части раскопа обнаружен очаг (рис. 42, кв. 2), сложенный из известняковых плит, поставленных на ребро и обмазанных глиной; в под печи был вмазан венчик пифоса. Рядом с печью были найдены: целый лепной светильник, фрагменты сероглиняного лепного сосуда, часть зернотерки, кремь для высечения огня, астрогалы, несколько железных гвоздей.

Коридор у южной оборонительной стены преграждается стеной № 7 (рис. 42, кв. 1, 3), имеющей высоту 0,70 м и ширину 0,59 м. Вдоль западной стены № 7 и вдоль восточной стороны стены № 3 с севера на юг идет водосток (рис. 42, кв. 1, 3). Длина водостока 4,5 м, ширина 0,40 м и глубина 0,50 м, его стенки сложены из обработанных плит известняка, поставленных на ребро.

Здесь во вторичном использовании было обнаружено несколько каменных плит со следами выемок и подтесов, обломок зернотерки, а также, как мы предполагаем, каменная бойница, которая устанавливалась на стене крепости для защиты головы воина от стрел (рис. 43, 4).

Стена № 7 и водосток сооружены, по-видимому, одновременно и относятся к слою, датированному фрагментами ручек розовоглиняных амфор II—III вв. н. э.<sup>16</sup>

Стена № 7 лежит на слое I в. до н. э.— I в. н. э. Под фундаментом этой стены были обнаружены фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор I в.

<sup>14</sup> И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 135, 162, табл. XXVII, 62.

<sup>15</sup> Н. И. Соколовский. К истории Северо-Западной части Таманского полуострова в античную эпоху: VI Conference internationale d'etudes classiques die Paus Socialistes. София, 1963, стр. 15, 16, рис. 5.

<sup>16</sup> И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 135, 171, табл. XXXV, 84.

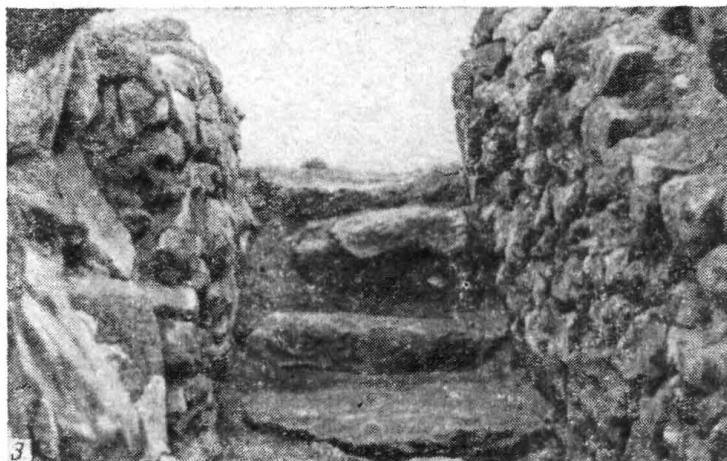
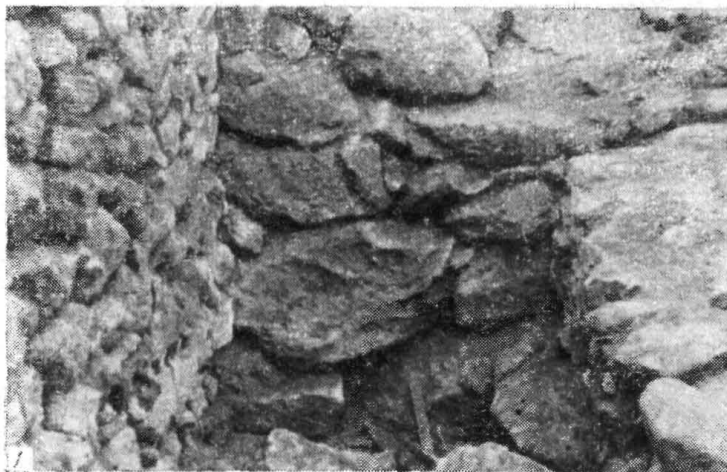


Рис. 43.

1 — северная оборонительная стена № 19, слева стена № 14, справа — № 20; 2 — коридор у южной оборонительной стены и стена № 3, слева остатки оборонительной стены № 5; 3 — коридор у северной оборонительной стены, слева стена № 23, справа стена № 14; 4 — каменная бойница

до н. э. — I в. н. э.<sup>17</sup>, медная монета Рискупорида II (68—92 гг. н. э.)<sup>18</sup>, фрагменты стенок пифосов, обломки бронзовых фибул.

Городище, открытое у с. Михайловки, вероятно, представляет собой крепость, жители которой занимались сельским хозяйством, рыболовством и несли гарнизонную службу.

Михайловское городище, вероятно, возникло на месте небольшого поселения эллинистической эпохи, на что указывают отдельные находки IV—II вв. до н. э. Интенсивная жизнь на городище охватывает период с I в. до н. э. до III в. н. э., внутри этого периода четко различаются два хронологических этапа, соответствующие двум основным слоям, открытым на городище.

К первому этапу I в. до н. э. — I в. н. э. относится основная масса открытых на раскопе сооружений, в том числе оборонительные стены, что исторически увязывается с интенсивным строительством оборонительных сооружений на Боспоре.

Во втором этапе II—III вв. н. э. на поселении продолжается жизнь, но первоначальные оборонительные сооружения, по-видимому, не используются по своему прямому назначению и часть их разбирается для новых построек.

Дальнейшие работы на Михайловском городище могут явиться ценным источником для истории этого района.

---

<sup>17</sup> И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 164, табл. XXVIII, 65.

<sup>18</sup> А. Н. Зограф. Античные монеты.—МИА, № 16, 1951, стр. 200, 247, табл. XVI, 17.

Н. А. ОНАЙКО

## О РАСКОПКАХ РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА

После 1956 г.<sup>1</sup> раскопки на Раевском городище велись в 1958, 1962 и 1963 гг.<sup>2</sup> В эти годы наше внимание было сосредоточено на участке городища, где сохранились остатки каменного здания эллинистического времени. Этот участок расположен в северо-западном углу городища, на его западной границе. Открыто около 400 м<sup>2</sup>, мощность культурного слоя достигает 2 м.

Самым ранним слоем на вскрытом участке городища, как уже отмечалось и раньше, является слой эллинистического времени (IV—II вв. до н. э.) мощностью до 0,40 м. Основным архитектурным объектом в этом слое были остатки уже частично исследованного здания. Кроме опубликованных двух северных помещений *a* и *б*, открыта часть перистильного дворика (рис. 44, 45, *a*). К нему относятся стены 10 и 26 и блоки северного, восточного и южного стилобатов портика. Стена 10 является продолжением восточной 12 стены северного помещения *a* и была частично открыта раньше. На новых раскопках она дошла до нас в двух кладках. Одна имеет длину — около 8 м, ширину 0,80—1 м, высоту — до 0,80 м. Длина второй — 3 м, ширина — 0,90—0,95 м, высота — 0,20 м.

Вторая кладка представляет собой фундамент стены, поэтому она сложена из крупных блоков, подобных тем, что встречались нам в нижних рядах северных помещений дома. К югу, на расстоянии 5 м от второй кладки, на том месте, где стена 10 образовывала со стеной 26 юго-восточный угол перистильного дворика, зафиксированы только отдельные камни, возможно, принадлежащие этим кладкам. Южная 26 стена дворика тоже сохранилась, частично представлена двумя кладками длиной в 2,75 м и 2,40 м, шириной 0,70 м и высотой до 1,20 м. Таким образом, нам известны три стены перистильного дворика: северная 11 (раскопки 1956 г.), восточная 10 и южная 26. Вдоль каждой из этих стен со стороны дворика на некотором расстоянии друг от друга находились каменные блоки — остатки стилобата портика.

Параллельно северной стене до нас дошло четыре блока. Полностью сохранившийся восточный стилобат составлен из семи блоков. Из блоков южного стилобата зафиксировано только два.

<sup>1</sup> Н. А. Онайко. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 гг. — КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 51.

<sup>2</sup> В работах экспедиции принимали участие сотрудники Новороссийского музея: в 1958 г. — Т. М. Тимченко, в 1962—1963 гг. — Э. М. Гущина. Раскопки производились на средства ИА АН СССР и Новороссийского музея.

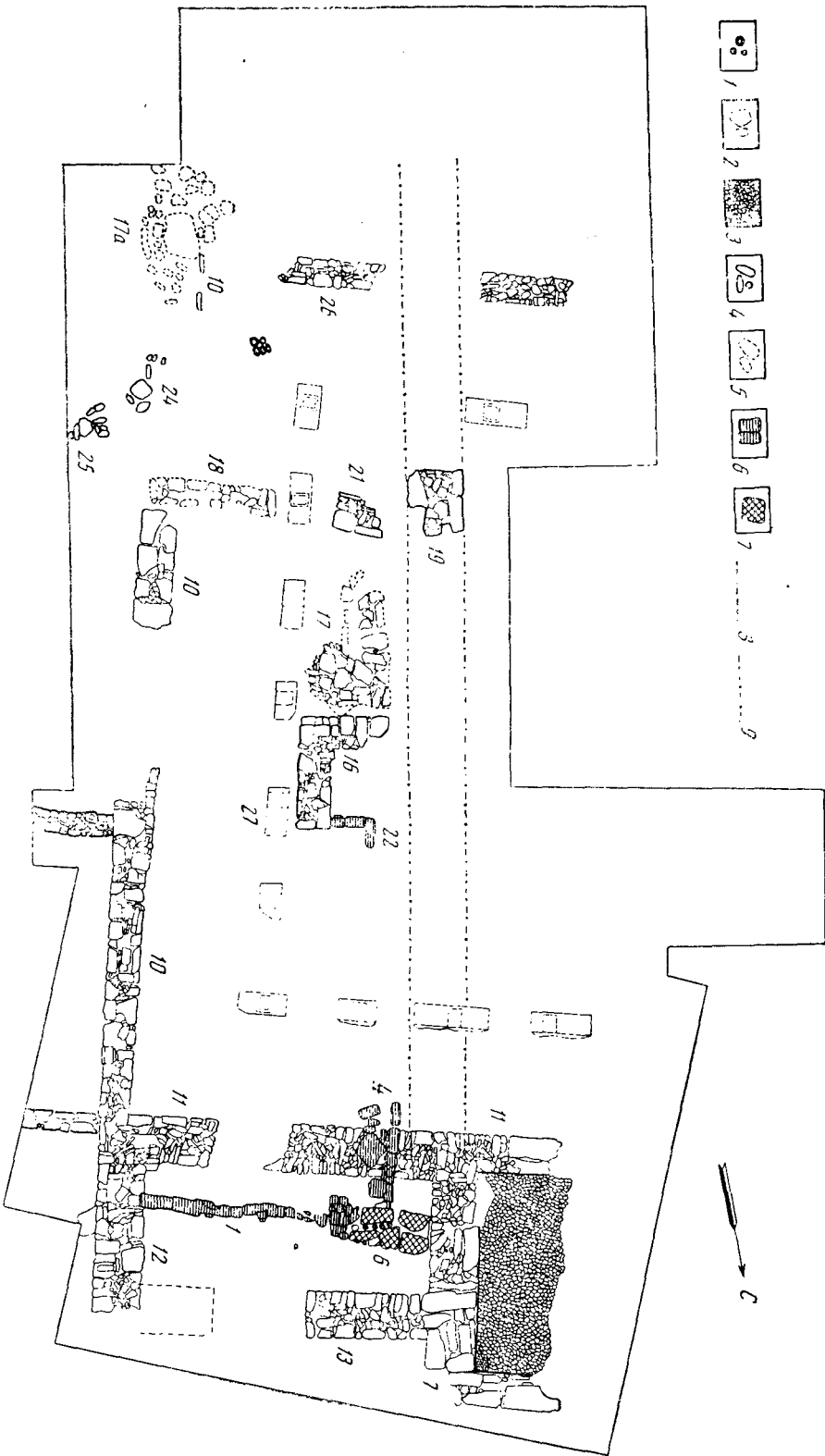


Рис. 44. План раскопа

Условные обозначения: 1 — кадка первого строительного периода; 2 — стены и бочки стеновды переставного дворика замкнутого дома; 3 — рямостя подя в помещениы замкнутого дома; 4 — сооружения третьего строительного периода; 5 — остилки кадок четвертого строительного периода; 6 — кадки пятого строительного периода; 7 — кадки шестого строительного периода; 8 — несодержащаяся часть северной стены № 13 помещения в замкнутого дома; 9 — предполагаемая линия оборонительной стены № 19

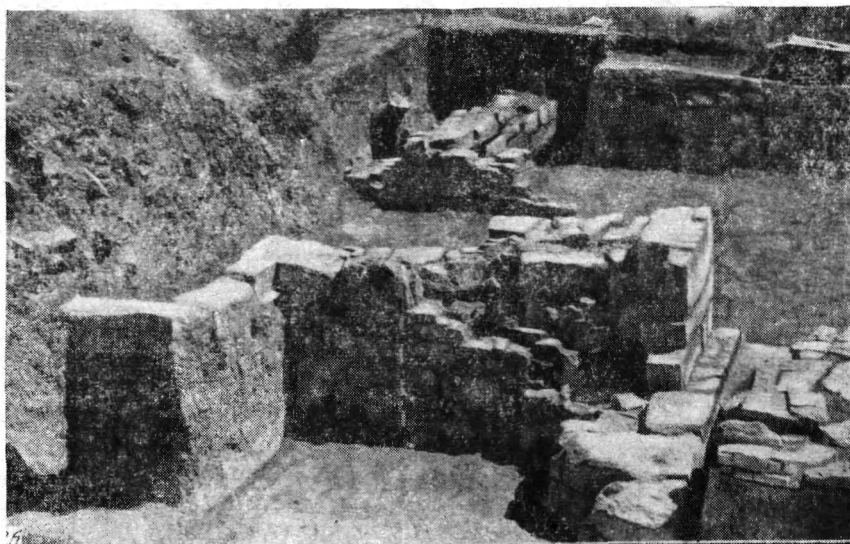


Рис. 45.

Общий вид раскопа (а) и западная сторона стены 16 (б)

Размеры блоков: длина — 0,90—1,95 м, ширина 0,50—0,65 м, толщина — 0,25—0,30 м. Почти на всех блоках имеются отметки мастера, где устанавливались базы столбов, а на четырех из них *in situ* стояли и базы. Форма баз с несложным профилем прямоугольная, размеры оснований: верхнего — 0,31 × 0,25 м и нижнего 0,50 × 0,37 м, высота баз — 0,19 м. Сохранившаяся восточная часть перистильного двора позволяет нам сообщить некоторые данные его интерьера. Галерея портика имеет длину 21,5 м, ширину 2,50—2,80 м; галерея северного портика сохранилась в длину на 11,50 м и ширину на 2,60 м. Известная нам длина галереи южного портика 8,50 м, ширина — 2,50 м. Просветы между столбами северного и южного портиков двора равны 2 м, восточного — 2,10 м. Южнее стены 26, на расстоянии 4 м от нее, зафиксированы следы выбранной в древности

стены. Можно предположить, что в южной части здания тоже были помещения, расположенные симметрично северным, но они не сохранились. Следует отметить, что южная часть здания в отличие от северной сохранилась значительно хуже. Это сказалось и в находках, черепица здесь встречалась реже и в более мелких фрагментах, чем в северной части здания. Внутри перистильного двора найдено большое количество мелких обломков расписной штукатурки серовато-голубого, красного и белого цветов, а также часть небольшой каменной капители. Из других находок этого слоя отметим обломки амфор (синопа, кос, родос и др.). Среди них имеются ручки с клеймами этих центров. Обращает на себя внимание незначительное количество хорошего черного лака. Встречены также обломки сероглиняной посуды, покрытые плохим черным лаком и иногда пролощенные. В эллинистическом слое к северо-востоку от стены 26 были обнаружены остатки нижнего ряда кладки 25 длиной 0,50 м, шириной 0,45 м, строительные приемы которой отличаются от всех ранее известных нам здесь кладок. Она сложена насухо из грубо обработанных камней, расположена к северо-востоку. Хотя ее подошва находится несколько выше (на 0,15 м) уровня основания стен здания с перистильным двориком, мы полагаем, что эту кладку следует отнести к более раннему строительному периоду. Основания кладки 25 были выше, так как принадлежали легкой постройке. Стратиграфия этих двух строительных объектов отчасти помогает нам уточнить датировку здания с перистильным двориком, которое мы раньше на основании находок датировали рубежом IV—III вв., т. е. временем основания поселения. Теперь представляется возможным находки этого времени связать со строительными остатками типа кладки 25, а постройку монументального здания отнести к более позднему времени. Этому не противоречит характер ее архитектуры и внутреннего декора, а также основная масса вещественного материала, обнаруженная на уровне сохранившихся и разрушенных полов его помещений.

Над руинами разрушенного перистильного двора были воздвигнуты сооружения следующего строительного периода. Они дошли до нас в остатках каменных стен 16, 19, 21 и 20. Из них лучше всего сохранилась часть кладки стены 16 (рис. 45, б). Она стоит с западной стороны восточного стилобата. Подошва стены 16 залегает на высоте 0,40 м от подошвы плит стилобата, поставленных на материк. Часть стены, идущая параллельно стилобату двора, имеет длину от торца до угла 2,80 м, ширину — 0,80—0,90 м; другая часть, образующая с ней угол, сильно разрушена. По характеру кладки стена 16 почти ничем не отличается от стен предшествующего здания: по краю сравнительно хорошо обработанный камень средних размеров, в центре — мелкий бутовый, сложен на обильном глиняном растворе. На большом камне юго-восточнее угла стены 16, с южной ее стороны, на высоте 0,95 м от подошвы стены хорошо заметен полукруглый паз шириною в 0,15 м. Такие пазы обычно бывают в конструкциях стен больших ворот.

На расстоянии 4,40—4,70 м к югу от стены 16 выявлены незначительные остатки кладки 21, расположенные на том же уровне, что и стена 16. От этой кладки сохранился только один ряд камней длиной 1,30 м и шириной 0,95 м. Северный и южный фасы этого ряда камней, а также торец имеет ровную поверхность, западный край кладки разрушен. Эта кладка поставлена под углом к стене 16. На расстоянии 1 м от разрушенного края кладки 21 падаются остатки стены 19, идущей в направлении север-юг. От нее сохранился только нижний ряд камней в длину на 1,80 м. Ширина стены — 1,40 м. По обе стороны кладки 19 лежат большие панцирные блоки, а в промежутке между ними — рваный мелкий камень. Все описанные кладки — 16, 19 и 21 одновременны и составляют, по-видимому, комплекс оборонительной стены, остатки которой можно видеть в кладке 19. Ее расположение соответствует остаткам выбранной крепостной стены, руины ко-



торой еще в 30-х годах прошлого столетия видел В. Сизов<sup>3</sup>. В других местах раскопанного участка городища были прослежены только запыленные ямы от выбранных участков стены (показано пунктиром). Видимо, крепостная стена, построенная на руинах перистильного дворика, подходила вплотную к южной стене помещения *a*, которая в то время еще функционировала. Большая часть помещения была срезана вместе с западной половиной всего здания, по-видимому, в связи с устройством рва с внешней стороны оборонительной стены. Включение помещения *a* в систему оборонительных сооружений, по-видимому, и повлекло за собой закладку прохода, соединявшего это помещение с помещением *b*. Культурный слой, предположительно относимый нами к конструкции оборонительной стены, содержал находки II в. до н. э.—I в. н. э. К ним относятся: фрагменты светлоглиняных амфор, простая керамика (кувшины, кастрюли, миски), фрагменты сосудов с красной обмазкой. Здесь найдена боспорская монета 100 г. до н. э.<sup>4</sup> К тому же времени относится фанагорийская монета, найденная в выкиде земли. Над остатками стены 10 в этом слое обнаружен рассыпавшийся на мелкие кусочки сероглиняный лепной горшочек с обугленными и спекшимися в комочек семенами льна<sup>5</sup>.

Выше описанного слоя залегал слой первых веков нашей эры (мощностью до 0,40 м), сравнительно хорошо сохранившийся у кладок 16, 19, 21. Находки этого слоя представлены керамикой в том числе мелкими сильно потертыми обломками небольших открытых краснолаковых мисочек. К сооружениям I—II вв. н. э., по-видимому, относятся кладки 17 и 18. Первая представляет собой вымостку, сложенную из плоских камней без скрепляющего раствора. Размер сохранившейся части вымостки 3,60 × 2,20 м, она примыкала к южной стороне стены 16 на уровне третьего ряда кладки, на 0,40 м выше подошвы стены 16. Описанная вымостка расположена между стенами 16 и 21, которые возможно, представляли собой въезд или проход на территорию городища с северо-западной его стороны. Вымостка 17 одновременна кладке 18. От нее сохранился в длину один ряд мелких и средних камней, сложенных без раствора; западный ее край покрывал пятый блок стилобата с базой.

Выше описанных строительных остатков зафиксированы сильно перекопанные слои позднееримского времени и средневековья. На уровне вымостки 17 и над ней найдены две серебряные монеты — варварские подражания середины III в. н. э.<sup>6</sup> Такая же монета обнаружена и в первом штыке одного из квадратов раскопа 1962 г. В слое позднееримского времени мощностью 0,40—1 м встречены венчики пифосов, обломки амфор IV в. н. э., в том числе рифленые и реберчатые, фрагменты простых сосудов, сосудов с красной обмазкой и большое количество лепной керамики. Найдена боспорская монета начала IV в. н. э. Кладка 22 состоит всего из трех камней: два стоят перпендикулярно к стене 16 и один под прямым углом к первым двум. Кладка без раствора соответствует кладкам 1 и 4 из раскопа 1955—1956 гг., которые мы в свое время ошибочно датировали рубежом нашей эры. Сопоставление строительных периодов на всех раскопах и анализ находок убеждает в том, что камни 1, 4 и 22 относятся к позднееримскому времени и служили какой-то оградой помещения, возможно загонем для скота. Часть камней покрывала небольшая кладка 6 (раскопы 1955—1956 гг.), которую мы принимали за остатки оборонительной стены рубежа нашей эры. Возможно, она и связана с ней, но время ее сооружения — значительно позднее.

<sup>3</sup> В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии.— МАК, вып. II, 1889, стр. 111.

<sup>4</sup> Античные монеты определены Б. Д. Шеловым.

<sup>5</sup> Определение А. Кирьянова.

<sup>6</sup> Монеты определены В. В. Кропоткиным.

Мощность средневекового слоя колеблется от 0,20 м до 1,0 м. Находки состоят главным образом из обломков амфор, простой керамики, с красным лощением, большого количества лепной керамики<sup>7</sup>, а также кусочков турлучной обмазки. Найдено шиферное пряслице XII в. В этом слое найдено каменное орудие труда эпохи энеолита — полированный из черного кремня топорик или тесло<sup>8</sup>.

Предварительные итоги исследования Раевского городища сводятся к следующему: к первому строительному периоду, возможно, следует отнести каменные (ракушечник) постройки легкого типа. Второй период характеризуется сооружением монументального здания из камня различных пород. В кладках стен применялся в основном плитняк и песчаник, для отделки внутреннего интерьера помещений (полы, стилобат, базы и капители столбов) был использован более мягкий камень — ракушечник. Все породы камня местного происхождения. Остатки открытого здания занимают площадь свыше 400 м<sup>2</sup>. Если представить себе более или менее полный план этого здания, то его площадь составит примерно 700 м<sup>2</sup>. Размеры здания, особенности его планировки и характер помещений, среди которых мы не находим хозяйственных, а также отсутствия ярко выраженных предметов быта, кроме некоторых форм посуды, позволяет предположить, что это было общественное здание. Открытие здания имеет большое значение для изучения малоизвестных нам форм античной архитектуры на азиатской стороне Боспора. Детальное его изучение важно для выявления общих черт в строительных приемах Греции и Северного Причерноморья, а также некоторых местных особенностей. Основным и очень важным объектом третьего строительного периода являются остатки крепостной стены, воздвигнутой на рубеже нашей эры. Можно предположить, что для ее постройки был использован камень из стен эллинистического здания, особенно той его части, которая оказалась под стеной. Одно из северных помещений здания с мощными стенами, видимо, входило в систему оборонительных сооружений. Оно могло служить складом или караульным помещением, что подтверждается расположением его в одном из углов городища. Отсюда с севера имеется крутой обрыв к речке Маскага, а с запада — ровное плато, примыкавшее к проходу в оборонительной стене, расположенному в 10,5 м от этого помещения. Следующий большой строительный период на городище можно датировать I—II вв. н. э. В это время были, по-видимому, осуществлены какие-то работы по укреплению оборонительной стены и связанных с ней различных сооружений. К ним относится вымостка 17, которая хорошо согласуется с остатками дороги, прослеженной В. Д. Блаватским у развалин оборонительной стены с южной внутренней стороны городища. С серединой III в. н. э., возможно, следует связать сильное разрушение оборонительной системы варварскими племенами.

---

<sup>7</sup> Н. А. Онайко. Средневековые сосуды из Раевского городища. — «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 190.

<sup>8</sup> Подобные находки на Раевском городище известны и из раскопок В. Сизова (указ. соч., табл. XX, 11, 12).

А. Н. КАРАСЕВ

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА У САНАТОРИЯ «ЧАЙКА»  
БЛИЗ ЕВПАТОРИИ в 1963 г.

В 1963 г., после четырехлетнего перерыва, были возобновлены охранные раскопки на городище «Чайка». Необходимость проведения работ диктовалась большими разрушениями в северо-восточной части городища, произведенными весной 1963 г. в связи с организацией здесь песчаного карьера.

Работы 1959 г. дали весьма интересные результаты. Выяснилось, что в IV в. до н. э. здесь находилось древнегреческое поселение, на месте которого, после его гибели, во II в. до н. э. сооружается скифская крепость. В итоге раскопок были частично открыты остатки монументального древнегреческого общественного здания, от которого сохранился подвальный этаж с большим количеством помещений, а выше их оборонительные стены скифского периода<sup>1</sup>. В целях сохранения все строительные остатки в 1960 г. были засыпаны.

Работы 1963 г. начались с вторичного раскрытия ранее исследованных частей древнегреческого здания, так как основной задачей в 1963 г. являлось изучение этого здания, с целью определения его размеров и назначения. Подпорная стена скифского периода, за исключением небольшого участка, была оставлена прикрытой.

В результате работ 1963 г., которые велись вдоль восточного края холма, общая площадь исследованной части древнегреческого здания равняется 360 м<sup>2</sup> (рис. 46)<sup>2</sup>. При раскрытии помещений останавливались или на уровне сохранившихся каменных вымосток, как, например, в помещениях «Д», «М» и «Б» (рис. 47, 1), или на уровне грунтовых вод. К сожалению, уровень последних оказался выше, чем в 1959 г., поэтому нигде не удалось дойти до раннего слоя.

Работы начались с раскрытия подвальных помещений в средней части раскопа. Здесь, кроме помещений «А», «Б» и «Д», частично изученных в 1959 г., раскрыты новые помещения «Л» и «М»<sup>3</sup>. При исследовании помещений «А» и «Б» удалены почти полностью развалившиеся остатки поперечных стен, сделанных в последний период существования здания.

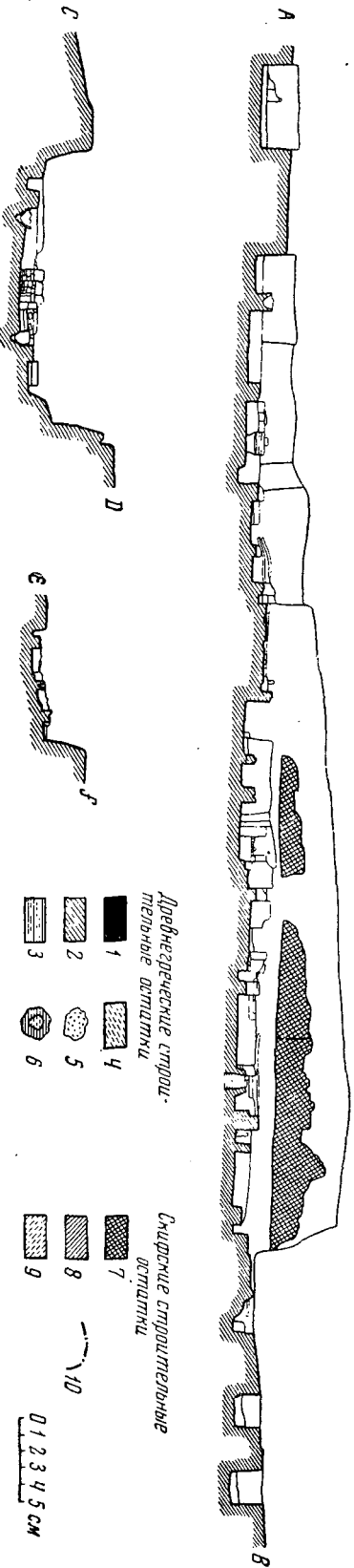
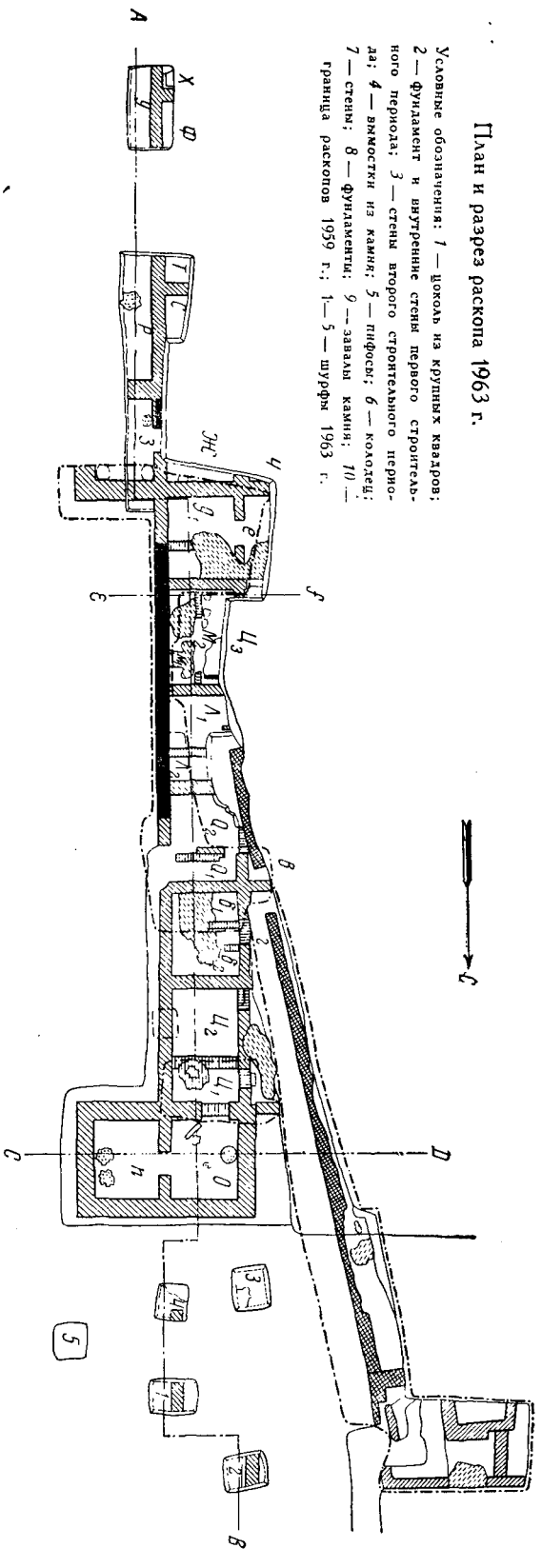
<sup>1</sup> А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории.— КСИА, вып. 95, 1963, стр. 33—42.

<sup>2</sup> Раскопки 1963 г. были проведены Чайкинским отрядом ЛОИА и МГУ совместно с Евпаторийским Краеведческим музеем. В отряде принимали участие: А. Н. Карасев (начальник отряда), И. В. Яценко (МГУ), Е. И. Леви, И. С. Звонова и К. К. Шилик. Посильную помощь оказала О. Д. Дашевская. Работы велись с 10 июля по 20 августа. Основные земляные работы были выполнены силами студентов-практикантов Исторического факультета МГУ.

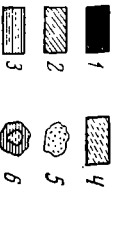
<sup>3</sup> Обозначение помещений «Л», и «Б» и т. д. ведется в порядке их раскрытия.

# План и разрез раскопа 1963 г.

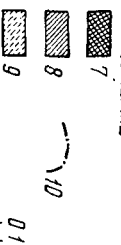
Условные обозначения: 1 — локоть на крупных кварах;  
 2 — фундамент и внутренние стены первого строительного периода; 3 — стены второго строительного периода; 4 — выкладки на камне; 5 — пифосы; 6 — колодезь; 7 — стены; 8 — фундаменты; 9 — завалы камня; 10 — граница раскопов 1959 г.; 1-5 — шурфы 1963 г.



Древнегреческие стволы-  
 мельные остатки



Византийские стволы-мельные  
 остатки



0 1 2 3 4 5 см

В этих же помещениях раскрыты дверные проемы, хорошо иллюстрирующие различные строительные периоды.

Одновременно велись работы в северной части раскопа, где в 1959 г. было частично раскрыто помещение «И». Тогда же было высказано предположение, что оно имело какое-то специальное назначение, связанное с водой или другими жидкостями<sup>4</sup>. Раскопки 1963 г. подтвердили правильность этого предположения: в северо-восточной части помещения оказался колодец (рис. 47, 2). Верхняя часть кладки колодца имеет неправильную форму и сложена довольно небрежно; шахта была сплошь забита камнем. Вода в колодце оказалась на общем уровне грунтовых вод<sup>5</sup>.

На расстоянии 35,8 м от фундамента южного крыла открыто северное крыло, выступающее вперед на 4,5 м. Большая ширина, равная 0,90 м, фундаментов северного крыла, свидетельствует о том, что они были сделаны для стен башни.

Северное крыло состоит из двух помещений «О» и «П», соединявшихся дверным проемом (рис. 47, 2). Кроме того, вторая дверь в юго-западном углу помещения «О» соединяла его с помещением «И». Это первый случай наличия дверного проема в поперечной стене; все проемы в средней части раскопа ведут во второй — западный ряд помещений. Всего в 1963 г. открыто семь дверных проемов между помещениями подвального этажа первого строительного периода; ширина всех проемов очень большая — 1,40 м.

Приближение сроков окончания работ экспедиции заставило нас идти в южном направлении узкой полосой, вдоль склона холма, на линии главной стены восточного фасада. В результате на протяжении 13 м была открыта длина (с севера на юг) помещения «Э» и частично выявлены помещения «Р», «С» и «Т» (рис. 47, 3). Выяснилось, что помещения южного крыла «Э» и «Р» не имели подвального этажа. Фундамент южного крыла отличается высоким качеством и мощностью.

Желание найти юго-восточный угол здания в 1963 г. заставило сделать в раскрытии здания перерыв в 6 м длиной, так как расчет в планировке помещений показал, что на данном отрезке здание не могло закончиться. Поэтому на той же оси был заложен полуквадрат (2,5 × 5 м), в котором на глубине около 2 м обнаружены стены, образующие помещения «У», «Х» и «Ф».

Таким образом, в настоящее время выявлено 17 помещений подвального этажа монументального здания I строительного периода (IV в. до н. э.).

Все стены подвального этажа I строительного периода сложены из грубо обработанных камней; только лицевая поверхность имеет более или менее чистую отеску. Выделяется южная стена помещений «Д» и «Е», сложенная из крупных блоков известняка, у которых все плоскости имеют чистую отеску и тщательно пригнаны друг к другу (рис. 47, 4).

Перестройки внутри помещений подвального этажа произошли впервые в III в. до н. э., после крупного пожара, следы которого очень хорошо прослеживались в 1959 г. в помещении «А». После пожара уровень полов в подвалах был значительно повышен, а часть помещений перегородена поперечными стенами. Так на две неравные части были разделены помещения «Д», «Л», «А», «Б» и «И», причем наблюдается интересное явление, вероятно, не случайное — все меньшие по площади помещения расположены, как бы по единому плану, в северной части подвальных помещений I периода, как, например, «Д<sub>2</sub>», «Л<sub>1</sub>» и т. д. Исключением является помещение «Б<sub>1</sub>», находящееся в южной части подвала. Помещения «Б<sub>1</sub>» и «Б<sub>2</sub>» резко отличаются от других помещений II строительного периода и тем, что они имеют сравнительно хорошо сделанный пол из плоских плит известняка, который обрывается по прямой линии вдоль восточной стены помещения «Б»

<sup>4</sup> А. Н. Карасев. Указ. соч., стр. 40.

<sup>5</sup> Колодец очищен на глубину всего 0,40 м ниже уровня воды.

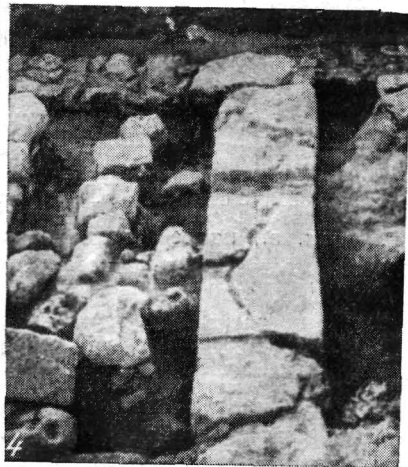
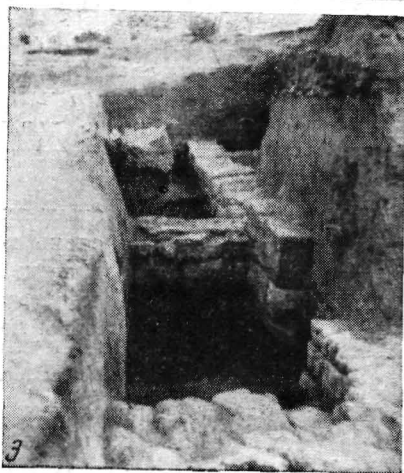
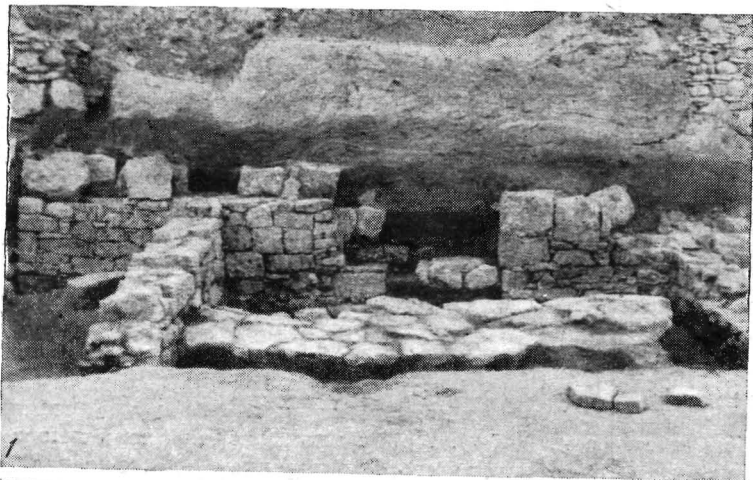


Рис. 47. Строительные остатки городища

— вид на помещение «Б» с востока; 2 — помещения «О», «П» и колодез в помещении «И». Вид с запада;  
 — помещения «З», «Р» и «С». Вид с севера; 4 — стена между помещениями «Д» и «Ж». Вид с запада



Рис. 47а. Дверной проем в помещении «А». Выше — стена скифской крепости.  
Вид с востока

(рис. 47, 1). Это указывает на то, что вдоль старой восточной стены была сделана или вторая, новая стена, или какое-то ограждение, от которых ничего не сохранилось. Кроме того, поперечная стенка между «Б<sub>1</sub>» и «Б<sub>2</sub>» была настолько плохой, что скорее всего ее надо отнести к последующему строительному периоду, тем более что подошва ее лежала выше каменного пола.

Во втором строительном периоде некоторые дверные проемы между помещениями подвального этажа были полностью заложены камнем или сырцовыми кирпичами. Часть же дверных проемов, как например, в помещении «А», была сокращена в ширине (рис. 47а).

В связи с повышением уровня полов, подошвы поперечных стен II строительного периода лежат примерно на 1 м выше подошвы стен I строительного периода. Внутри почти всех помещений II периода обнаружено большое количество обломков пифосов и нижние части восьми пифосов, которые сохранились *in situ*. Все они имеют по краю венца врезанные буквенные знаки — цифровые обозначения. Пифосами пользовались в течение длительного времени: большинство из них было починено при помощи свинцовых скреп.

Если в результате работ 1959 г. можно было говорить о двух строительных периодах, то в 1963 г. выделились остатки III строительного периода конца III — начала II в. до н. э.

К III строительному периоду относятся вымостки и кладки помещений «М<sub>1</sub>» и «М<sub>2</sub>», лежащие на 0,75 м выше вымостки в помещении «Б<sub>1</sub>». Внутри сохранившихся стен I строительного периода устраивается явно жилое помещение «М<sub>1</sub>», отгороженное от «М<sub>2</sub>» небрежно сделанной стеной из камней вторичного употребления. В северной части «М<sub>1</sub>» сохранились следы очага. В юго-восточном углу «М<sub>2</sub>», вымостка которого лежит на 0,20 м

выше вымостки жилого помещения, сохранились *in situ* каменная ступа и зернотерка, а вдоль северной стены поставленные на ребро плиты кормушки (яслей) для крупного домашнего скота.

К III строительному периоду относится и каменная вымостка, перекрывающая помещения «Д» и «Е», сделанная крайне небрежно, вследствие чего она местами сильно осела.

Незначительные, по сравнению с южным крылом, размеры северной башни указывали на то, что она не была угловой. Так как дальнейшее продвижение раскопа на север из-за окончания работ было невозможно, для выяснения этого вопроса решили заложить небольшие разведочные шурфы.

Шурф № 1 разбит на линии прохождения основной восточной стены здания, на расстоянии 9,5 м к северу от помещения «О». На глубине 1 м, под слоем почти чистого песка, обнаружена стена, полностью повторяющая кладку стен I строительного периода. Стена сохраняет то же направление, только ось ее несколько смещена к западу. Обнаруженная стена указывала на то, что, по всей вероятности, здание будет продолжаться далее в северном направлении. В таком случае открытая в северной части раскопа башня могла быть привратной. Для выяснения этого вопроса был заложен шурф № 4, который был выбран как место возможного нахождения соединения фундамента северной стены ворот и стены, обнаруженной в шурфе № 1. На той же глубине и на той же оси в шурфе № 4 выявлен торец продольной стены; поперечная кладка оказалась выбранной. Если сохранившийся торец стены точно соответствует месту соприкосновения с северной стеной ворот, то ширина ворот была около 4 м, что является нормальной шириной для городских ворот античного периода.

Шурф № 2 был разбит на линии прохождения средней продольной стены здания. И здесь на глубине 1,5 м оказалась кладка стены, параллельная стене в шурфах № 1 и № 4 и находящаяся на расстоянии 3,5 м от последней.

В шурфах № 3 и № 5 обнаружены в верхнем слое только завалы камней.

Таким образом, в результате работ в шурфах нам удалось установить, что большое древнегреческое здание продолжается и к северу от раскрытой в 1963 г. площади.

Работы 1963 г. полностью подтвердили все основные выводы, сделанные на основании раскопок 1959 г.

Если в 1959 г. здание датировалось IV в. до н. э. на основании анализа строительных остатков, то в результате работ 1963 г. эта дата подтверждается материалом. Несмотря на то, что из-за высокого уровня грунтовых вод мы нигде не могли дойти до слоя IV в. до н. э., раскопки 1963 г. дали единичные находки этого времени. К IV в. до н. э., например, относится гераклейское клеймо из шурфа № 2, обломок чернолаковой ойнохой (рис. 48, 1); преобладает керамика III в. до н. э., связанная со II строительным периодом. Наиболее поздний материал, не выходящий за пределы II в. до н. э., представлен также сравнительно небольшим количеством находок, в том числе обломками рельефных («мегарских») чашек.

Количество находок в целом немногочисленно, только в засыпи помещений северной части оно значительно возросло. Сравнительно высок процент чернолаковой керамики (рыбные блюда, канфары, чашки и т. д.). Имеется группа буrolаковой керамики (рис. 48, 3). Особого упоминания заслуживает светильник III в. до н. э., найденный в помещении «П». Светильник был как бы завернут в тонкую свинцовую пластинку (рис. 48, 4). Значение этой находки пока неясно; она впервые встречается в полевой практике.

Преобладающей является посуда херсонесского производства. Найдена в обломках плоскодонная амфора (рис. 48, 5), кувшины с росписью по яскам.





Рис. 48. Находки с городища у санатория «Чайка»

1 — обломок горла чернолаковой ойнохой с росписью; 2 — терракотовая голова Деметры; 3 — фрагментированный бурлаковный канфар; 4 — бурлаковный светильник в свинцовой пластине; 5 — плоскодонная амфора; 6 — фрагментированный бурлаковный канфар; 7 — мисочка; 8 — фрагментированный бурлаковный канфар.

Выделяется фрагментированная фляга из помещения «Л», довольно больших размеров, с широкими кругами, выполненными красной краской (рис. 48, 6). Довольно значительно количество лутериев (рис. 48, 7).

Среди лепной керамики интересна группа таврских темнолощенных сосудов с гребенчатым орнаментом. Они подтверждают выводы О. Д. Дашевской, что эта группа таврской керамики встречается в слоях IV—III в. до н. э.<sup>6</sup> Среди амфорных клейм (около 20 экземпляров) преобладают херсонесские и синопские; имеются фазосские клейма, родосское, книдское, косское и, как уже упоминалось, одно гераклейское. Херсонесские и синопские клейма встречены также на обломках черепицы.

Редкую находку представляет железный нож для резки винограда (рис. 48, 8); он сходен с изображением пожа на стеле, обнаруженной С. Ф. Стрежелецким в башне Зенона, в Херсонесе.

Из отдельных находок упомянем еще три фрагмента женских терракотовых статуэток, из них голова Деметры (рис. 48, 2) аналогична протомам Деметры из раскопок Херсонеса и Ольвии.

Найдено девять монет: две херсонесские (IV—III вв. до н. э.), одна ольвийская (III в. до н. э.) и шесть монет Керкинитиды. Все монеты Керкинитиды с изображением сидящего скифа на скале и коня с приподнятой ногой относятся к III в. до н. э. Таким образом, и монеты подтверждают преобладание среди находок 1963 г. материала III в. до н. э.

Раскопки 1963 г. подтвердили правильность нашей реконструкции здания, сделанной на основании раскопок 1959 г.<sup>7</sup> В результате работ 1963 г. подтвердилось существование 17 помещений, созданных при реконструкции. Совпало и расположение и размеры дверных проемов между смежными помещениями подвального этажа.

В настоящее время раскрытая длина здания равна 67,5 м; размеры помещений еще неисследованного второго ряда даются исходя из предположения, что ширина их равна ширине помещений первого ряда.

С целью определения юго-восточного угла здания К. К. Шиликом в конце экспедиции была проведена работа с полупроводниковым компенсатором, в результате которой выявились данные о наличии двух поперечных кладок к югу от помещения «Х» и одной поперечной стены между помещениями «Ф» и «Т». Кроме того, аппарат показал четкое повышение сопротивления на линии прохождения южного крыла и незначительные пики вдоль крыла, что дает основание разделить южное крыло здания на шесть помещений (рис. 46, 6).

Все это позволило определить общую длину раскрываемой части сооружения как равную 77 м и установить, что в этой части здания было около 30 помещений. Ширина фундаментов южного крыла указывает, что юго-восточный угол сооружения был усилен и имел повышенную этажность; тогда верхние этажи могли быть использованы как башня.

Фундаменты северного крыла также указывают на то, что они были сделаны для башни (см. рис. 47, 2). Шурфы к северу от башни дают основание предполагать, что раскрываемое сооружение не заканчивается на севере башней, а является только южной половиной восточного фасада с воротами посередине. В таком случае общая длина восточного фасада здания будет около 160 м. Учитывая, однако, что древние греки не всегда соблюдали строгую симметрию в размерах, не исключено, что северная часть восточного фасада будет несколько меньше южной.

В 1959 г. мы могли утверждать, что открытые строительные остатки являются не стенами одной из вилл, а подвальным этажом какого-то общественного здания, назначение которого было неясно.

<sup>6</sup> О. Д. Дашевская. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом.— СА, 1963, № 4, стр. 205—209.

<sup>7</sup> А. Н. Карасев. Указ. соч., стр. 41, рис. 15.

Результаты работ 1963 г. позволяют говорить, что раскрываемое нами городище является древнегреческой факторией, сооруженной в IV в. до н. э. Мало вероятно, чтобы такое монументальное сооружение мог построить один небольшой город типа Керкинитиды. Вероятнее всего фактория на юго-западном берегу Крыма была создана более крупным древнегреческим центром, каким являлся Херсонес. Доставка хлеба и других продуктов из степных районов Крыма в Херсонес по сухопутью была трудной и долгой. Кроме того, одновременное пребывание большого количества скифов, доставлявших хлеб в город, вероятно, было нежелательным. В силу указанных причин и была создана фактория, как специальный пункт для приема и хранения товаров, который находился вне пределов города, имел постоянную охрану, был достаточно укреплен и надлежащим образом контролировался. Количество складских помещений (восстанавливаемые нами 30 помещений являются в таком случае только  $\frac{1}{8}$  всего сооружения) давало возможность разместить и хранить большие запасы зерна и других продуктов. Ширина дверных проемов подвалов также указывает на возможность хранения в них больших емкостей.

Фундаменты и цоколь открытой части восточной стороны фактории свидетельствуют, что наружные стены ее были сложены из крупных квадров известняка и, вероятно, не имели ни дверных, ни оконных проемов. Наружные углы и ворота фактории были укреплены башнями, с постоянно находящейся на них стражей. Укрепленная торговая фактория IV в. до н. э.— своеобразная и характерная для Крыма форма взаимоотношений между греками и скифами.

Как указывалось, в план работ 1963 г. входило только раскрытие остатков древнегреческого здания, тем не менее при работах в помещениях «А» и «Л» пришлось раскрыть и часть стены скифского периода.

В 1959 г. куртина 1<sub>1</sub> была раскрыта на протяжении 7 м, после чего стена прерывалась на 2,60 м выборкой и вновь продолжалась на 1,20 м, уходя в южный борт раскопа. В 1963 г. куртина 1<sub>1</sub> продолжена еще на 5,60 м (рис. 2, 5). Вновь открытый участок стены сохранился на небольшую высоту и ничем не отличается от ранее известной ее части. Нижний ряд стены сложен из поставленных на ребро и грубо околотых плит известняка; поверх них кладка велась из сравнительно мелких камней, без соблюдения горизонтальных рядов.

Куртина 1<sub>1</sub> на юге обрывается почти по вертикальной прямой, а кладка поворачивает под прямым углом к западу, уходя в борт раскопа. Общая длина куртины 1<sub>1</sub>—16,70 м, что подтверждает наше предположение о том, что она будет иметь длину около 20 м<sup>8</sup>. Продолжалась ли стена I далее на юг, сказать трудно, так как никаких остатков кладки *in situ* не обнаружено. Следы выборки каменной кладки очень слабо прослеживаются, что может указывать на дальнейшее продолжение стены I в южном направлении.

В задачу работ на городище «Чайка» в 1964 г. должно входить не только раскрытие древнегреческого здания, но и дальнейшее изучение верхних слоев со строительными остатками скифской крепости.

<sup>8</sup> А. Н. Карасев. Указ. соч., стр. 35.

А. Н. ШЕГЛОВ

## ТАРХАНКУТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1962—1963 гг.

В 1962—1963 гг. Тарханкутская экспедиция Херсонесского музея продолжала начатые в 1959 г.<sup>1</sup> исследования памятников северо-западного Крыма. Как и в прошлые годы, основной задачей, помимо уточнения археологической карты района, было изучение сельскохозяйственной территории, входившей некогда в состав Херсонеса, и расположенных на ней укреплений и поселений. В последние два года экспедиция расширила свои работы. Кроме продолжавшихся раскопок городища Тарпанчи и разведок на побережье и внутри Тарханкутского полуострова, проведены разведки сельской округи Калос Лимена и начаты раскопки античной загородной усадьбы в том же районе. В 1963 г. совместно с экспедицией ИА АН СССР проводились раскопки городища Беляус<sup>2</sup>.

Принципиальное значение имеет выяснение границ и характера устройства сельскохозяйственной территории Калос-Лимена, локализуемого исследователями на месте Черноморского (Ак-Мечетского) городища. Вокруг Черноморского городища еще в первой половине XIX в. были отмечены следы древней размежки<sup>3</sup>. Однако до последнего времени сельская округа этого небольшого греческого городка оставалась белым пятном. Изучению подвергалась только само городище<sup>4</sup>.

К северо-востоку от Калос-Лимена вдоль берега моря сохранились еще видимые на поверхности остатки древней размежки. Большая же часть наделов уничтожена в результате распашки полей. Зафиксированные отдельные обрывки каменных оград ориентированы под прямым углом с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток. В одном месте прослеживаются остатки виноградного плантажа, аналогичного плантажу клеров Херсонеса. В 1,5 км к северо-востоку от Калос-Лимена выявлен почти полностью сохранившийся надел, площадью около 7,25 га. Стороны его ориентированы так же, как остатки межевых стен на других участках и херсонесские клеры на Гераклеюмском полуострове. Это с несомненной оче-

<sup>1</sup> А. Н. Шеглов. Разведки 1959 г. на Западном побережье Крыма.— СХМ, II, 1960; Он же. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г.— Там же, III, 1963.

<sup>2</sup> О. Д. Дашевская, А. Н. Шеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус.— СА, 1965, № 2 (в печати).

<sup>3</sup> А. И. Шмаков. Пирамидки из глины, найденные при Акмечетской бухте.— ЗООИД, I, 1844.

<sup>4</sup> П. Н. Шульц. Евпаторийский район.— Сб. «Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936». М.— Л., 1941; М. А. Наливкина. Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена.— ИАДК, Крым, 1957 (см. библиография); Marie-Louise Bernhard. Kalos-Limen. Fouilles Polonaises en Grèce URSS, 1959.— Bulletin du Musee National de Varsovie, vol. II, 1961, N 1.

видностью говорит о единой системе размежки в округе Херсонеса и Калос-Лимена, что подтверждается и устройством виноградного плантажа.

Восточная граница земельных наделов отстоит от городища на 2 км, начинается она у бухты Ветренной. По-видимому, собственная сельская территория города нигде не простиралась от стен Калос-Лимена дальше этого расстояния. Такие небольшие размеры размежеванной округи согласуются с площадью самого городища (около 4 га), число жителей которого было незначительным.

Известны две сельскохозяйственные усадьбы, расположенные на клерах Калос-Лимена; одна из них находится на берегу бухты Ветренной, остатки второй обнаружены в полукилометре к востоку от городища. Предпринятые раскопки усадьбы у бухты Ветренной выявили три хозяйственных помещения и одно жилое. Расположение помещений и ряд других признаков близко напоминают общую планировку виллы и устройство сельских усадеб на клерах

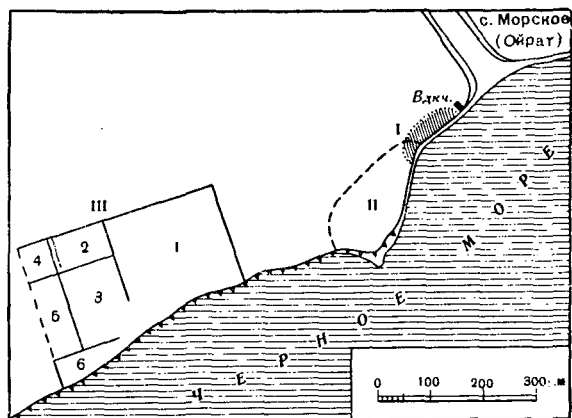


Рис. 49. Земельный надел у мыса Ойрат

*I* — поселение эпохи бронзы; *II* — античное поселение; *III* — надел; 1—6 — поля внутренней размежки надела

Гераклейского полуострова<sup>5</sup>. Предварительно время постройки усадьбы у бухты Ветренной может быть определено концом IV в. до н. э., а время гибели усадьбы концом III или во II в. до н. э.

На восточном берегу Черноморской (Ак-Мечетской) бухты в 250 м от городища Калос-Лимен частично раскопано круглое каменное сооружение башенного типа, диаметром 7,9 м, с кольцевой оградой. Сохранилось только основание, облицованное крупными, хорошо обработанными известняковыми блоками, с забутовкой из рваного камня на глине. Назначение этого сооружения, стоящего на самом берегу бухты, пока неясно (маяк?).

Разведки на южном побережье Тарханкутского полуострова также выявили в различных местах следы древней размежки полей. Остатки оград зафиксированы в районе городищ Кульчукского (Красный Курган), Тарпанчи, Джан-Баба и в урочище Акчи-сарай. Очень плохая сохранность межевых стен, почти полностью уничтоженных в процессе распашки земель, затрудняет восстановление общей системы размежевания. Исходя из направления прослеженных обрывков межей, поля были прямоугольными в плане и ориентированы подобно клерам Калос-Лимена и клерам Гераклейского полуострова.

Полностью сохранился земельный надел, открытый у мыса Ойрат (Урет). Он расположен на берегу моря, в 180 м к западу от селища античного времени и в 600 м к юго-западу от с. Морское (б. Ойрат) (рис. 49, III). В плане надел имеет строго прямоугольную форму, ориентирован по длине с северо-востока на юго-запад так же, как клеры Херсонеса и Калос-Лимена. Прибрежная, юго-восточная часть надела интенсивно размывается морем. С трех остальных сторон сохранились следы каменной ограды, четко

<sup>5</sup> С. Ф. Стржелецкий. Клера Херсонеса Таврического.— Херсонесский сб., VI, 1961, стр. 88—109, рис. 63, 65, 100.

видные на поверхности. Толщина ограды 1 м. Такие же заборы делят весь участок на шесть полей различной величины.

Длина надела — 387 м, ширина: с северо-востока — 193,25 м, с юго-запада — 274 м, площадь в современном состоянии — около 9,5 га. Величина и назначение отдельных участков:

Поле 1 занимает восточную половину надела. Этот самый большой участок, площадью около 4,5 га ( $218,5 \times 220 \times 193,25$  м), целиком занят под виноградный плантаж того же типа, что и на Гераклеяском полуострове. Каменные плантажные стены толщиной 0,50—0,60 м размещены поперек надела через каждые 2 м. Всего их насчитывается 85. Выходы этих стен отчетливо видны в прибрежной зоне, где происходит разрыв почвы. При посадке кустов винограда квадратным способом с площадью питания  $1,40 \times 1,40$  м, т. е. как и на херсонесских клерах<sup>6</sup>, на винограднике могло быть высажено более 19,5 тыс. кустов.

Поле 2 примыкает к внешней ограде надела и с северо-запада к полю 1. Величина участка 0,714 га ( $102 \times 70$  м), назначение неясно.

Поле 3 имеет площадь 1,6 га ( $146 \times 112$  м), находится внутри надела. Назначение его неясно. Широкий проезд в юго-восточной части соединяет этот участок с двумя соседними — первым и шестым.

Поля 4 и 5 размещены вдоль юго-западной границы надела. Поле 4 почти квадратное в плане, образовано оградой надела и заборами внутренней размежки. Его площадь равна 0,47 га ( $70 \times 67$  м). С юго-востока к этому участку примыкает длинное и узкое ( $146 \times 57$  м) поле 5 с площадью около 0,83 га. Оба поля объединяются в один участок, на котором сохранился садово-виноградный плантаж типа *arbustum*, идентичный херсонесскому. Через оба поля на расстоянии около 5 м проходят плантажные стены, толщиной около 1 м. Остатки стен очень хорошо видны на поверхности. Всего их насчитывается девять. Десятая стена и часть ограды надела были разобраны, по-видимому, еще в древности. Общая площадь садово-виноградного плантажа равна 1,23 га, или 13,1% всей площади надела.

Поле 6 примыкает к полям 3 и 5. С юга его ограничивает береговой обрыв. Вероятно, море разрушило значительную часть поля, величина которого сейчас равна около 0,55 га. Исходя из общей планировки надела можно предположить, что его первоначальная величина равнялась сумме площадей участков 2 и 4 и составляла около 1,2 га. Назначение неясно.

Надел, таким образом, имеет все основные черты устройства херсонесских клеров. Преобладающими культурами на нем были виноград и сады, которые составляют 60,5% всей площади. Принадлежал надел, по всей видимости, античному селищу, расположенному рядом (рис. 49, II).

На поверхности селища у береговой полосы видны во многих местах выходы каменных кладок стен. В нескольких случаях угадываются контуры прямоугольных помещений. Памятник многослойный. Как показали сборы, первоначально на этом месте находилось поселение с керамикой позднекатакомбного облика (рис. 49, I). Подъемный материал с античного селища в основной своей массе относится к III в. до н. э.—II—III вв. н. э. Преобладает херсонесский импорт III—II вв. до н. э. (обломки амфор, кувшинов, в том числе и росписных лутериев). Второе место по количеству находок занимают обломки синопской амфорной тары; на одной из ручек сохранились остатки клейма: АΣ[ΤΥΝΟΜΟΥ ?]/ΔΕ[ΛΦΙΝΙΟΥ ΤΟΥ ?]/ΚΑ-[ΛΛΙΟΥ?]<sup>7-8</sup>. Многочисленны находки осколков чернолаковой, краснолаковой и кухонной (в том числе лепной) посуды, а также «мегарских» чаш.

<sup>6</sup> С. Ф. Стржеleckий. Указ. соч., стр. 70.

<sup>7-8</sup> VI группа по классификации Б. Н. Гракова (Древнегреческие клейма с именами астиномов. М., 1928, стр. 149). И. Б. Брашинский («Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э.» — АГ, стр. 133) датирует эту группу клейм второй половиной II в. до н. э.

Помимо исследования сельскохозяйственной территории, экспедиция продолжала раскопки и разведки укрепленных поселений на побережье Тарханкута. Раскопки на городище Тарпанчи ставили основной задачей выявление первоначальной системы обороны, предшествующей скифской, уточнение датировки и устройства скифской оборонительной линии и полное раскрытие жилого комплекса первых веков н. э. («Дома с контрфорсами»).

Поиски остатков крепостных сооружений, предшествующих скифским, были предприняты, исходя из предложения, что все городища на побережье северо-западного Крыма возникли первоначально как греческие укрепления, херсонесские укрепленные пункты, ΤΑ ΤΕΙΧΗ гражданской присяги Херсонеса (IOSPE, I<sup>2</sup>, № 401). Поводом к такому предположению послужили материалы разведок. На городищах Беляуса, Кульчукское (Красный Курган) и Джан-Баба обнаружены отдельные облицовочные квадраты из известняка и их обломки. Квадраты прекрасной тески, их лицевая сторона обработана в технике руста, причем стесывалась полоса только по трем сторонам — боковым и нижней (рис. 50, II, 1, 2). На верхней плоскости квадратов вырезаны углубления для пиროнов в виде «ласточкиного хвоста». Положение пирона на блоке из Кульчукского городища (рис. 50, II, 2) с несомненностью свидетельствует о принадлежности плиты крепостному сооружению. То же можно сказать и об угловом квадрате из Беляуса<sup>9</sup>. Техника обработки перечисленных блоков идентична обработке облицовочных плит 5-й, 16-й и 17-й куртии Херсонеса<sup>10</sup> и, по аналогии с ними, квадраты Тарханкутских городищ могут быть датированы концом IV—III в. до н. э.

Кроме признаков существования античных фортификационных сооружений, о греческой принадлежности городищ северо-западного Крыма в первый, ранний, период их существования говорят керамические материалы, среди которых преобладает херсонесский импорт. Херсонесская амфорная тара, например, составляет 70—90% всего количества обломков амфор, а лепная керамика не превышает 5—10% общего числа найденных фрагментов керамических изделий. В 1962—1963 гг. на распаханной поверхности грунтового некрополя Кульчукского городища собраны обломки чернолаковых сосудов и найдено фрагментированное антропоморфное надгробие типа, характерного только для Херсонеса<sup>11</sup> (рис. 50, IV). Важным доказательством служат также остатки эллинистического дома, открытые на Южно-Донузлавском городище (Поповка), и херсонесские монеты из тех же раскопов<sup>12</sup>.

Остатков античных крепостных стен при раскопках городища Тарпанчи не обнаружено, но тем не менее на их существование указывают отдельные облицовочные блоки (рис. 50, II, 3—4). Таких блоков мы теперь знаем более десятка. Большая часть из них обнаружена в кладке старой татарской кошары XIX в., ограда которой прилегает к городищу и сложена из камня, добытого здесь же, из древних построек.

Зафиксированы отдельные рустованные квадраты и их обломки с вырубками для пиროнов в форме «ласточкиного хвоста». Выявлено также несколько облицовочных плит от круглой башни (рис. 50, II, 5). Судя по их размерам (0,55×0,58×0,29 м) и радиусу дуги, можно предположительно вычислить диаметр башни, который равнялся вероятно 7—8 м.

<sup>9</sup> Беляус и ранее считался греческим укреплением. П. Н. Шульц («О работах Евпаторийской экспедиции». — СА, III, 1937) в 1933—1934 гг. отмечал квадратную облицовку оборонительной стены с меткой каменотеса в виде А. Вторая подобная метка Z обнаружена при наших зачистках в 1960 г.

<sup>10</sup> А. Л. Бертьес-Делагард. О Херсонесе. — ИАК, вып. 21, 1907, стр. 92—95; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, ч. II. — Херсонесский сб. II, стр. 15—28; ч. III. — Херсонесский сб., V, стр. 87—91.

<sup>11</sup> А. И. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. — СА, VII, 1941, стр. 107—108.

<sup>12</sup> О. Д. Дашевская. Раскопки Южного Донузлавского городища в 1960 г. — КС ОГУ и ОГАМ, 1960, 1961.

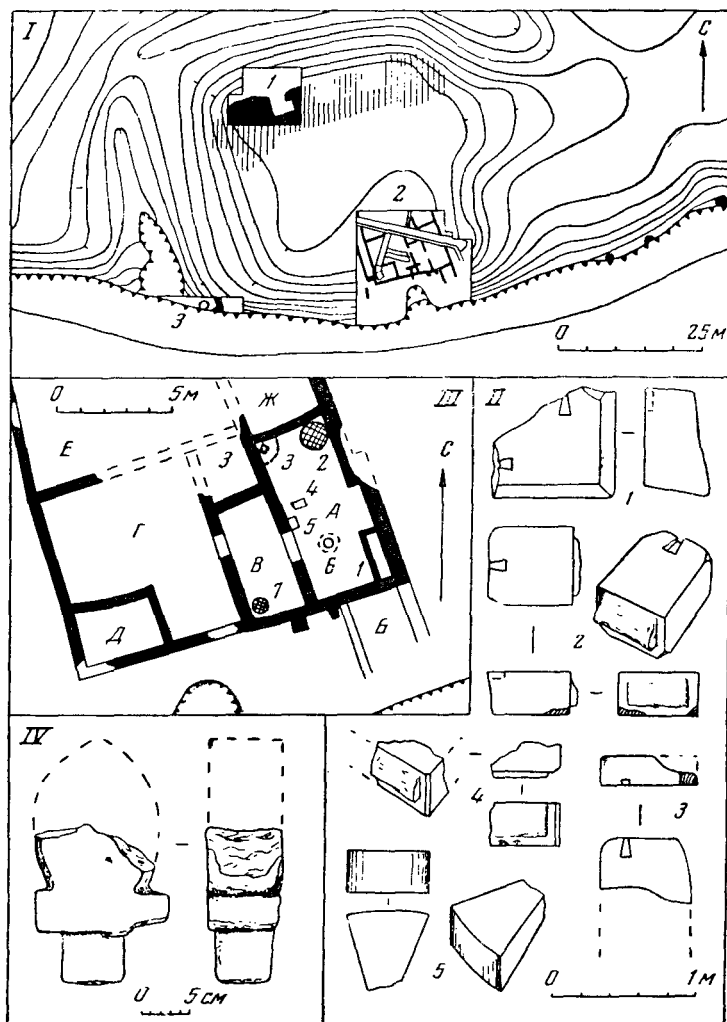


Рис. 50.

I — городище Тарпанчи; 1—3 — раскопы; II — облицовочные блоки из городищ северо-западного Крыма; 1 — Беаюс; 2 — Кульчукское (Красный курган); 3—5 — Тарпанчи. III — план «Дома с контрфорсами» на городище Тарпанчи. IV — антропоморфное надгробие (некрополь Кульчукского городища)

По технике обработки камней облицовки, а также их размерам, близким к величине облицовочных плит стен Херсонеса, дату сооружения первоначальной системы обороны городища Тарпанчи (а равным образом и других укреплений побережья) считаем возможным определить концом IV—III в. до н. э.

Для выявления характера и уточнения датировки последующей, скифской, системы обороны Тарпанчи на северо-западном участке городища был расширен раскоп 1960 г. (рис. 50, 1, 1), а на юго-западном прибрежном участке заложен новый раскоп (рис. 50, 1, 3). В северо-западном раскопе открыт отрезок крепостной стены с двумя башенными выступами (рис. 50, 1, 1). Стена и башни сложены без фундамента, на глиняном растворе из крупных грубо обработанных плит местного известняка и очень сильно сужаются кверху. Их наружные поверхности были, вероятно, обмазаны слоем глины. В кладке встречаются расколотые тщательно обработанные плиты вторичного использования, видимо, от более ранних эллинистических построек.



Расстояние между башнями — 3 м. Куртина сохранилась на высоту 1,25 м (6 рядов), башни — на 170—185 м (8—11 рядов). Северо-западная фланговая башня особенно монументальна. В плане она имеет вид неправильного многоугольника с тупыми углами. С северной стороны башня выдвинута от куртины на 5,30 м. Вторая башня, прямоугольная в плане, выступает впереди куртины на 2,65 м. В нижней части с северной стороны (напольной) она дополнительно укреплена противотаранным поясом, сложенным из положенных плашмя особенно крупных известняковых плит. Пространство между ними и башней заполнено землей. Пояс увеличивает вынос башни перед куртиной до 4 м.

Основание кладки крепостных сооружений лежит на слое эллипстического поселения с керамикой III—II вв. до н. э. Это обстоятельство дает возможность определить дату возведения крепостных стен второго периода существования городища временем не раньше первой половины II в. до н. э. Это, по-видимому, тот период, когда херсонесские укрепления в Западном Крыму переходят в руки скифов, разрушаются и на их месте строятся скифские крепости. Небольшие размеры городища Тарпанчи (45 × 45 м), характер кладки стены и башен, а также то, что подстилающий их слой III—II вв. до н. э. везде выходит далеко за пределы собственно крепости, позволяют утверждать, что территория поселения в период, предшествующий походам Диофанта, значительно сократилась, крепость возводилась поспешно и была совсем мизерной. Вероятно, эта же картина наблюдалась и на других укрепленных поселениях северо-западного Крыма.

На основании раскопок предположительно можно реконструировать северный фланг обороны скифской крепости (рис. 50, 1, 1, реконструкция дана штриховкой). Он, очевидно, состоял из стены с двумя большими угловыми башнями и двумя промежуточными. Въезд в крепость, как это подсказывает рельеф, находился с восточной стороны. Впереди стен, окружая укрепление, шел искусственный ров. Его глубина в наше время достигает 2,8 м. Скат рва, обращенный к крепости, был облицован камнем. Обкладка рва выявлена в юго-западном прибрежном раскопе (рис. 50, 1, 3).

В начале н. э. оборонительные сооружения Тарпанчи перестали функционировать. Пространство между башнями засыпано мусором и золой, а в частично разобранный угловую башню впущен фундамент постройки II—III вв. По-видимому, на других укреплениях Тарханкута наблюдается аналогичная картина. Исключение составляет только Караджинское городище у с. Оленовка, на котором во время разведок 1962 г. обнаружены остатки оборонительной стены первых веков н. э., сложенной на крепком известковом растворе с примесью цемьянки.

На юго-восточном участке городища Тарпанчи продолжалось исследование жилого комплекса первых веков н. э. (рис. 50, 1, 2, III). Отдельные части комплекса неоднократно перестраивались, и постепенно его первоначальная планировка изменялась. Полностью выявлена планировка хозяйства II—III вв. («Дом с контрфорсами»), относящегося к последнему периоду существования городища.

Хозяйственный участок занимает 135 кв. м (рис. 50, III) и состоит из дома с тремя помещениями — жилым А, хозяйственными — В и З и примыкающего к дому небольшого квадратного дворика Г со служебной постройкой Д. С севера к нему примыкают дворик Е и помещение Ж соседнего хозяйства (они и помещение З полностью не раскопаны, так как оказались перекрытыми строительными остатками VIII—X вв.). С юга выявлены стены помещения Б предшествующего строительного периода. Очевидно, в результате приближения к постройке берегового обрыва помещение Б было разобрано, а торцовая стена здания, обращенная фасадом по направлению ската, укреплена двумя контрфорсами.

Наблюдения, сделанные в процессе раскопок, позволяют высказать предварительное предположение о том, что раскрытое небольшое хозяйство

образовалось в результате постепенного дробления более крупного хозяйства. Другими словами, видимо, здесь мы сталкиваемся с процессом выделения самостоятельных семей из одной разрастающейся большой семьи. На такое предположение наталкивает прослеженная система последовательных перестроек (шесть строительных периодов).

Хорошая сохранность всего комплекса, поспешно покинутого жителями, дает возможность довольно полно и подробно реконструировать облик хозяйства. Из дворика Г дверной проем вел в хозяйственное помещение В с очагом 7 в юго-западном углу. Порог дверного проема вымощен мелким морским гравием. На глинобитном полу в разных местах вдоль стен лежали раздавленные амфоры, а у очага — лепная кухонная посуда. Помещение В пристроено к помещению А и сооружено позже последнего.

Самое большое (7,40 × 3,50 м) помещение А — жилое, с глинобитным полом имело, по-видимому, земляную крышу. Его стены и потолок были обмазаны глиной и побелены. В юго-восточном углу комнаты — довольно высокая каменная лежанка 1, по сторонам которой под полом находились два детских погребения в амфорах. В северо-восточном углу помещения размещался большой очаг 2, а напротив его, в северо-западном углу — полукруглая каменная загородка<sup>13</sup> окаймляла небольшую яму 3, в которой стоял прямоугольный известняковый жертвенник (?) с вертикальным сквозным отверстием. Слева от входа к стене пристроено низкое прямоугольное возвышение 5, рядом с которым лежала упавшая большая каменная ступа 4. В южной половине комнаты в полу вырыта грушевидная яма 6.

На полу помещения лежало значительное количество раздавленной посуды как лепной, так и выполненной на гончарном круге (рис. 51, 3). Среди лепных сосудов: кухонные горшки, близкие по формам сарматской керамике Приднепровья (рис. 51, 1, 2, 7), биконический кувшин (рис. 51, 5), флакон (рис. 51, 4). На одном из сосудов по сырой глине процарапан двучленный сарматский знак (рис. 51, 6). Наиболее близкие по форме знаки известны в Неаполе скифском и на плитах из Кривого Рога и Керчи<sup>14</sup>. Наш знак — первый памятник подобного рода, обнаруженный в северо-западном Крыму.

Результаты исследований последних лет в северо-западном Крыму позволяют в настоящее время пересмотреть некоторые общепринятые точки зрения в интерпретации памятников изучаемого района и расширить наши представления об этой территории как подвластной Херсонесу. Высказанное впервые П. Н. Шульцем<sup>15</sup>, а затем повторенное и развитое в работах других исследователей<sup>16</sup> предположение о единовременном возникновении в IV в. до н. э. на побережье северо-западного Крыма двух противостоящих друг другу систем крепостей — греческой и скифской несостоятельно и должно быть снято. Как показали исследования, все укрепления побережья возникают как греческие укрепления, а именно ΤΑ ΤΕΙΧΗ Херсонеса, упомянутые в тексте гражданской присяги<sup>17</sup> и декрете в честь Диофанта<sup>18</sup>. Их постройка относится скорее всего к кошку IV — началу III в. до н. э.,

<sup>13</sup> Такие загородки известны. Они обычны для жилых комплексов на поселениях Боспора, Приднепровья и Неаполя скифского.

<sup>14</sup> Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, № 43, 47, 53; О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском. — СА, 1962, № 1, стр. 184—186.

<sup>15</sup> П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. — СА, № III, 1937, стр. 253; Он же. Евпаторийский район. — Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 270.

<sup>16</sup> А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, IV. — ВДИ, № 2, 1950, стр. 49—51; Он же. Херсонесские этюды, VI. — ВДИ, № 8, 1955, стр. 42; Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. — АИБ, 1952, стр. 115.

<sup>17</sup> IOSPE, I<sup>2</sup>, № 401.

<sup>18</sup> Там же, № 352.

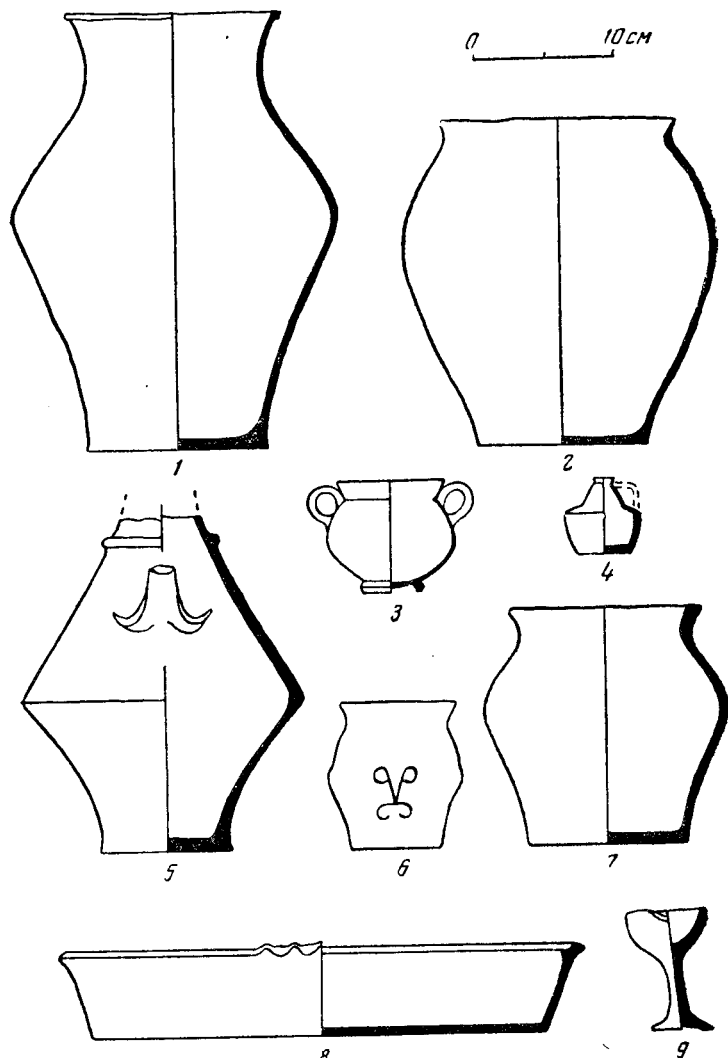


Рис. 51. Тарпанчи. Керамика из помещения А «Дома с контрфорсами»  
1, 2, 4—7, 9 — лепная; 3, 8 — гончарная

причем не позже его первой четверти, так как к моменту создания херсонесской присяги укрепления уже существовали.

Несомненна интенсивная колонизация Херсонесом земель северо-западного Крыма в III—II вв. до н. э. По херсонесскому типу была размежевана округа Калос-Лимена. Полисная система земледелия, судя по зафиксированным следам размежевки и наделу у мыса Ойрат, по-видимому, преобладала и на остальной территории. Скифских поселений этого времени здесь пока не обнаружено.

К середине II в. до н. э. херсонесские укрепления захватываются скифами, разрушаются и на их месте поспешно возводятся небольшие скифские крепости, впоследствии взятые Диофантом.

Неясными остаются многие вопросы, относящиеся к последнему периоду жизни поселений. Судя по позднеантичному комплексу городища Тарпанчи и некоторым другим памятникам, поселения побережья во II—III вв. были значительно сарматизированы и не входили в состав Херсонеса. Однако все это требует еще дальнейшего выяснения и разработки.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

РАЗВЕДКИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В 1961—1963 гг.

Крымский отряд Скифской экспедиции ИА АН СССР с 1960 г. систематически ведет изучение памятников скифской и античной культуры в Евпаторийском и Черноморском районах Крымской области. Сосредоточив основные силы на раскопках Южно-Донузлавского городища у с. Поповка Евпаторийского района<sup>1</sup>, отряд обследовал окружающую местность<sup>2</sup>. Целью разведочных работ (рис. 52) было выявление новых городищ, сборы подъемного материала и зачистки на уже известных здесь городищах и поселениях античной эпохи<sup>3</sup>, тянувшихся цепочкой с интервалами в несколько километров вдоль побережья между древними городами Керкинитидой и Калос-Лименом. Открыты также некоторые памятники эпохи бронзы, представляющие интерес ввиду слабой изученности этого периода на территории Крыма.

В 1,5 км к западу от с. Уютное Евпаторийского района в 1962 г. был обследован наполовину скрытый бульдозером курган и приостановлено его разрушение. Высота кургана 3 м. В центре его, на материке, оказался засыпанный слоем ракушек каменный ящик, сложенный из четырех огромных известняковых плит. Длина продольных плит 1,60 м, поперечных — 0,90 м, высота 1 м, толщина 0,24 м. Плита покрытия была сброшена при разрушении кургана, костяк не сохранился. Небольшая длина ящика свидетельствует о скорченном положении костяка. На стенках ящика с внутренней стороны оказались следы черной и белой росписи.

По словам местных жителей, единственной находкой в погребении была каменная булава. Нам удалось ее разыскать и получить для передачи в Евпаторийский краеведческий музей. Булава (рис. 53, 1) по форме близка к булавам катакомбной культуры<sup>4</sup>. Наличие такой булавы и окрашенность ящика<sup>5</sup> позволяют датировать погребение серединой II тыс. до н. э. и считать его принадлежащим какому-то племенному вождю.

Керамика и кремневые орудия эпохи поздней бронзы собраны на обнаруженном нами в 1962 г. Южно-Донузлавском селище, расположенном

<sup>1</sup> О. Д. Дашевская. Раскопки Южного Донузлавского городища в 1960 г.— КС ОГУ и ОГАМ, 1961.

<sup>2</sup> В наших разведках деятельно участвовал учитель-краевед Б. И. Матвеевко, обнаруживший ряд памятников.

<sup>3</sup> П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, III, 1937, стр. 252—254; Он же. Евпаторийский район; Л. Н. Щеглов. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма.— СХМ, II, 1961.

<sup>4</sup> Т. Б. Попова. Плосмена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 168—169, рис. 34.

<sup>5</sup> П. Н. Шульц. Таврские укрепления на горе Кошка в Крыму.— КСИА, вып. 7, 1957, стр. 65.

в степи, в 2 км к северу от одноименного прибрежного городища. Среди находок особенно интересен треугольный кремневый нож (рис. 53, 2). Такие ножи встречаются в Крыму в эпоху перехода от бронзы к железу<sup>6</sup>. Культурный слой селища сильно распахан под виноградник. Подъемный материал, очень обильный, прослеживается на площади около 300 × 300 м. Основная масса находок относится к эллинистической эпохе, а наиболее поздние — к I в. н. э. Преобладают обломки амфор (рис. 53, 3, 4), встречается скифская лепная керамика (с зашипами по венчику, простая и лощеная), античная чернолаковая и расписная (херсонесская). Здесь найдено свыше десяти клейменных амфорных ручек, главным образом херсонесских, а также синопских.

Отдельные находки херсонесских клейменных ручек амфор зафиксированы нами в Евпаторийском районе еще далее к северу, в степи у дер. Зольное (клеймо астинома Героника), а также к востоку, на ранее известном прибрежном городище Айрчи у дер. Витино (клеймо астинома Гимна сына Скифа), где найдена византийская монета императора Льва VI.

Еще далее к востоку, близ центральной усадьбы совхоза «Береговой» (с. Молочное Евпаторийского района), в 1961 г. обнаружены два поселения античной эпохи. Одно из них, городище Береговое, находится на берегу моря, в 0,5 км к западу от оз. Конрат и в 1,5 км к юго-западу от ранее открытого П. Н. Шульцем и дополнительно обследованного нами селища Тереклы-Конрат (Молочное); на одном из зольников этого селища устроено современное кладбище. Городище Береговое занимает площадь около 2,5 га. Здесь найдены многочисленные обломки эллинистических и раннеримских амфор, скифской лепной посуды, лутериев, канфаров, чернолаковых рыбных блюд (рис. 53, 9), а также биконическое пряслице и большие

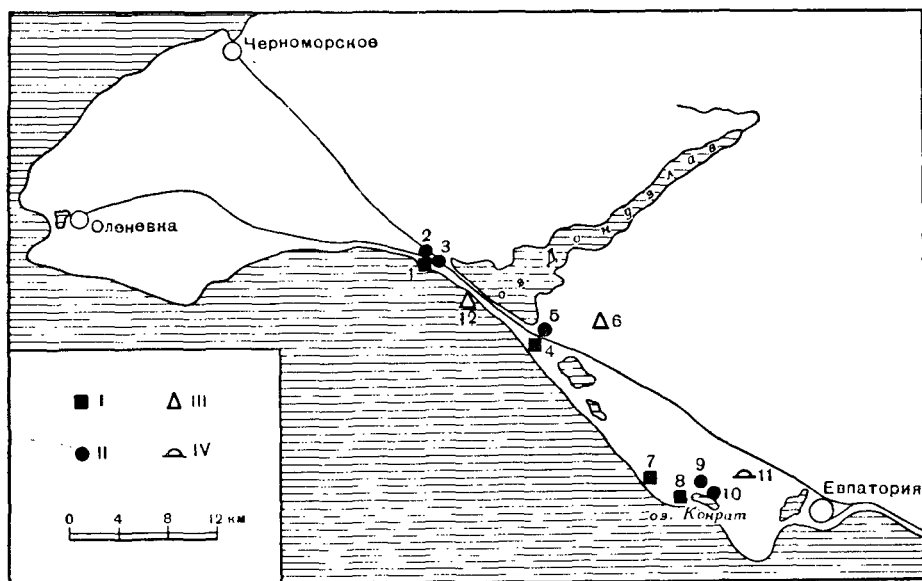


Рис. 52. Карта разведочных работ Крымского отряда

I — городища; II — селища; III — отдельные находки; IV — курганы; 1 — Беяус; 2 — Беяус — Северное селище; 3 — Беяус — Восточное селище; 4 — Южно-Донузлавское городище; 5 — Южно-Донузлавское селище; 6 — Зольное; 7 — Айрчи (Витино); 8 — Береговое; 9 — Мурачок; 10 — Тереклы-Конрат (Молочное); 11 — Уютное; 12 — пересыпь Донузлавского озера

<sup>6</sup> С. Ф. Стрелецкий. Херсонес-Корсунь. Путеводитель по раскопкам. Симферополь, 1955, стр. 9, рис. 2; X. И. Крис. Разведки на поселениях эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая. — СА, № XXIV, 1955, стр. 193, 194, рис. 5, 1.

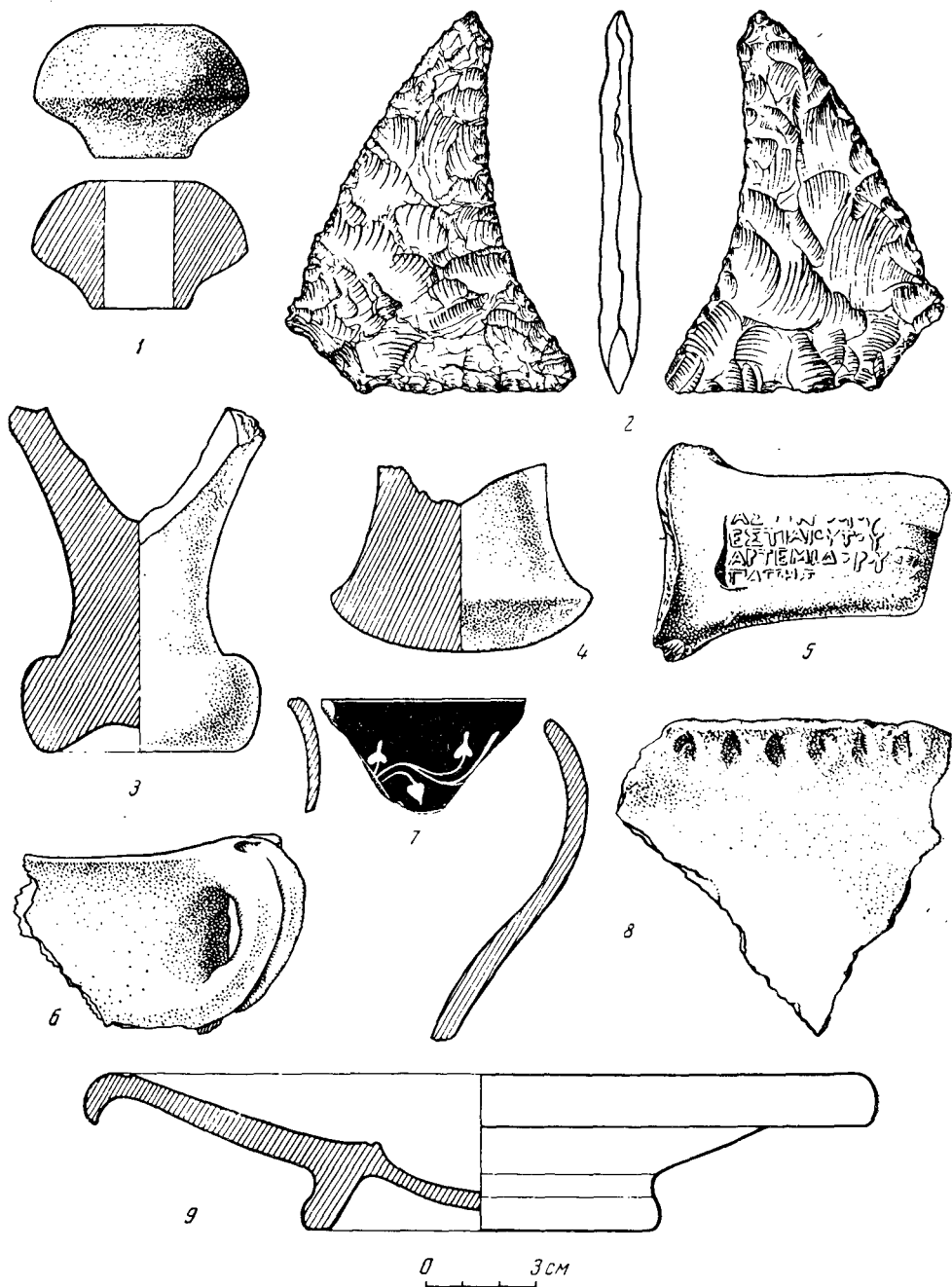


Рис. 53. Находки из разведок в северо-западном Крыму

1 — каменная булава из кургана у с. Уютное; 2—4 — кремневый нож и амфорные ножки с Южно-Донузлавского селища; 5, 9 — ручка синопской амфоры и чернолаковое рыбное блюдо с городища Берегового; 6 — лепной сосуд с селища Молочного; 7, 8 — венчики чернолакового кафара с белой росписью и лепного горшка с селища Беляус — Восточного

бронзовые гвозди. Среди находок — восемь амфорных клейм, из которых два синопских, III в. до н. э. (рис. 53, 5), а остальные — херсонесские.

Другое селище Мурзачок, находится в 2 км к северу от совхоза «Береговой». Здесь собран материал того же характера.

Наши разведки в Евпаторийском районе в дополнение к археологической карте северо-западного побережья Крыма, составленной П. Н. Шульцем и А. Н. Щегловым, показывают, что небольшим прибрежным городищам, возникшим здесь не позже начала III в. до н. э., сопутствуют селища, расположенные неподалеку от городищ, в степи. С этой точки зрения должна вестись дальнейшая углубленная разведка. Несколько таких комплексов открыто и в соседнем Черноморском районе А. Н. Щегловым<sup>7</sup>.

В Черноморском районе, к западу от Донузлавского озера, около городища Беляус, нами нанесены на карту два связанных с ним селища: Беляус-Восточное, у дома дорожного мастера, и Беляус-Северное, к северу от дороги Беляус — Оленевка. Восточное селище очень невелико, Северное, по распространению культурного слоя, прослеживается на 4 га. Собран большой подъемный материал эллинистического и римского времени. Здесь, помимо обычных обломков амфор и скифской лепной керамики (рис. 53, 8), оказалось особенно много античных лутериев, мисок, чернолаковых сосудов (рис. 53, 7).

В 1962 г. нами произведены разведочные зачистки на городище Беляус, известном прежде, но еще не подвергавшемся раскопкам. Городище расположено на низком песчаном берегу моря, у северо-западного конца пересыпи Донузлавского озера. Культурный слой достигает 2 м толщины. Площадь очень мала — 3500 м<sup>2</sup>. Поверхность изрыта окопами. П. Н. Шульд, обследовавший Беляус в 1933 и 1948 гг., заметил на прибрежном склоне выходы оборонительной стены, сложенной из тесаного камня. Нами расчищен занесенный песком отрезок фундамента облицовки юго-западной угловой башни, на протяжении 9 м, идущий вдоль берега (рис. 54). Здесь выявлено до пяти сохранившихся рядов кладки из крупных (длиной до 1 м) тесаных блоков; наибольшая высота кладки достигает 1,55 м. Стратиграфические данные говорят о том, что укрепление, безусловно греческое, возникло здесь одновременно с поселением<sup>8</sup>.

Стена башни Беляуса проходит по берегу на расстоянии всего 15 м от современного уреза моря, и остатки фундамента лежат под береговым песком. Это несомненно свидетельствует о происходящем здесь процессе опускания берега под воду и дает определенные хронологические вехи гидрологам, приходящим, со своей стороны, к тем же выводам<sup>9</sup>.

Для исторической географии изучаемого района особый интерес представляет обнаружение античной керамики на пересыпи Донузлавского озера. В настоящее время пересыпь прорыта каналом, и озеро превращено в залив. На северо-западном отрезке пересыпи, рядом с каналом, у самого уреза моря летом 1963 г. найдены обломки амфор I в. н. э. Там же при работе землечерпалки со дна моря извлечена почти целая гераклеяская амфора, конца IV — начала III в. до н. э., серой глины<sup>10</sup>. В дальнейшем подводные археологические исследования помогут окончательно решить дискуссионный вопрос о том, было ли Донузлавское озеро уже в античную эпоху отделено от моря пересыпью или являлось заливом<sup>11</sup>. Первое предположение теперь представляется достоверным.

<sup>7</sup> А. Н. Щеглов. Указ. соч., стр. 74.

<sup>8</sup> В 1963 г. раскопки были продолжены нами совместно с Херсонесским музеем. См. О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус в 1963 г. — СА, 1965, № 2 (в печати).

<sup>9</sup> В. П. Зенкович. Морфология и динамика советских берегов Черного моря, т. II. М., 1960, стр. 182—197.

<sup>10</sup> Амфора найдена лодчманом А. К. Киричком и передана экспедиции.

<sup>11</sup> См. А. Н. Щеглов. Указ. соч., стр. 74—75. Ср: М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. — Вестник ЛГУ, № 8, 1948, стр. 60.

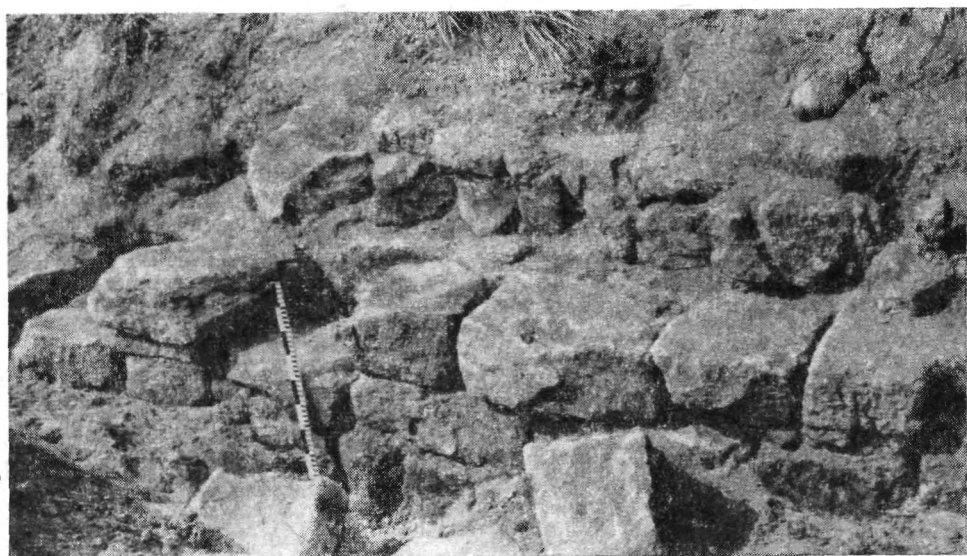


Рис. 54. Городище Беяус. Фундамент башни

Почти полное отсутствие античных поселений по берегам озера, расположение их через небольшие интервалы вдоль морского побережья к юго-востоку и к северо-западу от озера, а также последние находки на пересыпи заставляют думать, что уже в то время, как и теперь (до прорытия искусственного канала), озеро было соленым, мертвым и не привлекало древних рыбаков. Однако надо полагать, что абсолютной изоляции озера в античную эпоху не было: еще П. О. Бурачков около столетия назад видел проток, которым озеро соединялось с морем<sup>12</sup>. По пересыпи, через проток, шла дорога, связывавшая Керкинитиду и Калос-Лимен (современный г. Евпатория и пос. Черноморское). Именно этим путем и должен был продвигаться во время своего знаменитого похода на скифов, подчинивших себе греческие города, Диофант, полководец Митридата Евпатора, захватывая укрепления (ΤΑ ΤΕΙΧΗ)<sup>13</sup>, остатки которых мы находим на северо-западном побережье Крыма.

<sup>12</sup> П. О. Бурачков. О местоположении древнего города Керминитеса и монетах, ему принадлежащих.— ЗООИД, IX, 1875, стр. 124.

<sup>13</sup> IOSPE, I<sup>2</sup>, № 352.



К. К. ШИЛИК

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ЭЛЕКТРОПРОФИЛИРОВАНИЯ  
ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ<sup>1</sup>

В 1962 г. Лаборатория археологической технологии ЛОИА впервые провела опытные работы по внедрению геофизических методов разведки в археологии. Совместно с сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института методики и техники разведки была организована экспедиция для опробования некоторых методов разведки на неолитической стоянке Вьюн в Ленинградской области. Результаты оказались положительными. Было принято решение организовать геофизическую группу при Лаборатории, приобретены необходимые приборы, и в 1963 г. группа провела опытные работы в составе двух экспедиций ЛОИА. Одна из этих работ была произведена автором в Чайкинском отряде Ольвийской экспедиции (руководитель отряда А. Н. Карасев).

Городище, известное под названием «Чайка», расположено на берегу Черного моря в 8 км к западу от Евпатории. Здесь частично открыто раскопками большое здание, состоящее из многочисленных помещений, толстые стены которых сложены из крупных блоков известняка. Верхняя часть стен еще в древности была разобрана, но цоколь и фундамент отлично сохранились, так как тогда же были засыпаны морским песком, образовавшим на месте здания большой холм с пологими склонами. Глубина залегания стен колеблется от 0,5 м до 2 м. Основание фундамента здания находится ниже уровня грунтовых вод, так как этот уровень повысился за последние 2 года в связи с проведением гидрогеологических работ. К началу работ по электропрофилированию был открыт отрезок восточного фасада здания длиной 57 м.

Перед геофизической группой была поставлена задача определить возможность прослеживания еще неоткрытых стен. Поскольку песок и известняк заметно отличаются друг от друга по электрическому сопротивлению, целесообразнее всего было применить для решения этой задачи электроразведку<sup>2</sup>.

В настоящее время для поисков объектов с электросопротивлением, отличным от сопротивления среды, обычно применяется метод электропрофилирования, а чаще всего одна из его разновидностей — симметричное профилирование. В этой разновидности метода используется четырехэлектродная симметричная установка  $AMNB$  (рис. 55, а), в которой на электроды (заземлители)  $A$  и  $B$  подается и измеряется ток  $AB$ , а на электродах

<sup>1</sup> Доклад на заседании группы античной археологии ЛОИА 29 декабря 1963 г.

<sup>2</sup> «Справочник геофизика», т. III. М., 1963; Ю. В. Якубовский, Л. Л. Ляхов. Электроразведка. М., 1956.

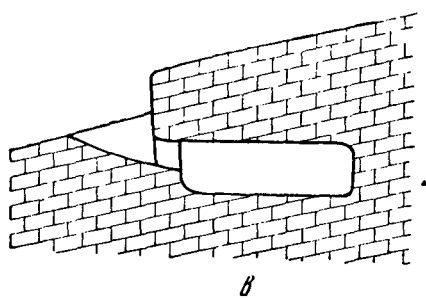
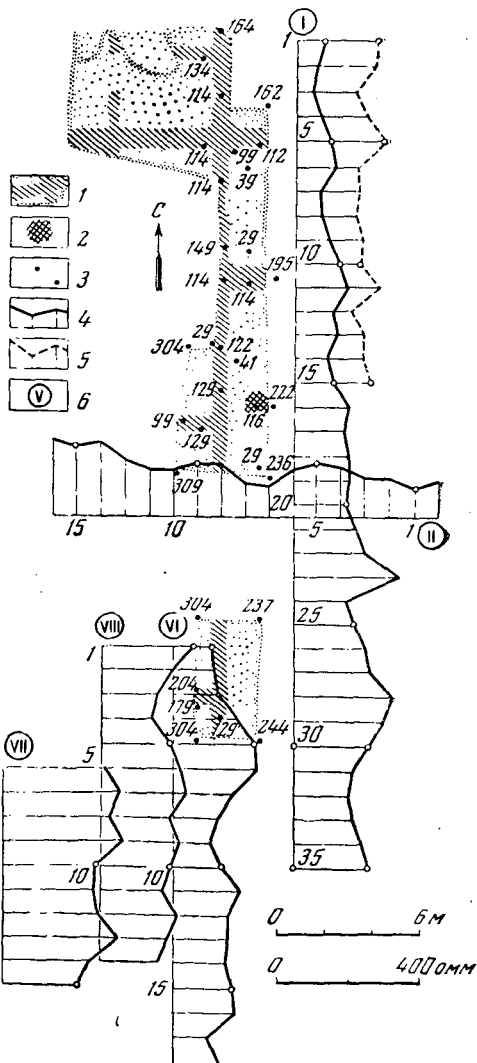
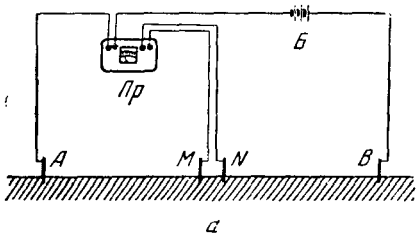


Рис. 55, а. Установка метода симметричного электропрофилерования

А, В — питающие электроды; М, N — приемные электроды; Б — источники питания (батарея); Пр — электроразведочный прибор

б. План южной части здания на «Чайке» с кривыми профилирования

1 — раскос со стенами; 2 — останец с пифосом; 3 — высота над уровнем почвенных вод; 4 — профиль с разном АВ—10 м; 5 — профиль с разном АВ—5 м; 6 — номер профиля

в. Схема разреза склепа на некрополе Неаполя Скифского

М и N, расположенных симметрично между А и В, измеряется разность потенциалов  $\Delta U_{MN}$ . Кажущееся удельное электрическое сопротивление грунта  $\rho_k$  находится по формуле:

$$\rho_k = K \frac{\Delta U_{MN}}{I_{AB}},$$

где K — коэффициент, зависящий от формы и размеров установки (то есть от взаимного расположения электродов). Величина  $\rho_k$  характеризует породы, расположенные на некоторой глубине между электродами М и N. Глубина эта зависит от расстояния между электродами А и В (разноса АВ). Разнос АВ определяется исходя из характера объекта и предпола-

гаемой глубины его залегания и должен превышать исследуемую глубину в 10—20 раз<sup>3</sup>. При производстве работ все расстояния между электродами остаются постоянными, а вся установка передвигается по профилю с определенным шагом. Измеряя сопротивление грунта на каком-либо профиле, можно обнаружить аномалию сопротивления, зависящую от скрытого объекта, а следовательно, и сам объект.

В качестве электроразведочного инструмента на «Чайке» использовался прибор постоянного тока — полупроводниковый автокомпенсатор АТЭ-1 завода «Геологоразведка», а в качестве источника питания — батареи БАС-Г-80-У2,1 (100-АМЦГ-У-2,0).

Первый профиль, проложенный с севера на юг вдоль фасадной стены с целью проверки величин аномалий, показал, что над каждой из стен, уходящих в борт раскопа, получается четкое увеличение  $\rho_k$  в 1,5—2 раза. Всего было проложено девять профилей: пять — к югу от раскопа и четыре — к северу. Шаг установки на всех профилях был выбран равным 1 м. Разнос АВ колебался от 5 м до 20 м.

Измерения на южных профилях выявили несколько последовательных аномалий  $\rho_k$  (рис. 55, б). Аномалии располагались друг от друга на расстояниях, характерных для расстояний между стенами внутренних помещений здания. Стало ясно, что здание продолжается на юг не менее чем на 20 м. На нескольких профилях получилось регулярное повторение аномалий  $\rho_k$  в направлении восток — запад. Возможно, эти аномалии отражают поворот западной стены раскопанной части здания. Все кривые, нанесенные на план здания, дают четкую картину и легко расшифровываются.

К северу от раскопа картину осложнили развалы. Кроме того, два профиля дали очень высокое значение  $\rho_k$  (в 4 раза выше среднего в районе работ). Это повышение  $\rho_k$  нашло объяснение при шурфовке: в местах повышенных значений  $\rho_k$  оказался чрезвычайно уплотненный, сильно заизвесткованный песок, похожий на мягкий песчаник. Возможно, в этом месте была древняя дорога.

Сильно осложнял работу высокий уровень грунтовых вод. Даже при небольших повышениях (или понижениях) рельефа резко менялось  $\rho_k$ , так как изменялась влажность песка, а следовательно, и его удельное сопротивление. Однако, как выяснилось в процессе работы, в большинстве случаев эти изменения можно учесть. Кроме того, на показания прибора влияет и рельеф сам по себе (близость к установке таких неровностей, как раскопы, канавы, валы и т. п.). Поэтому необходимо было очень внимательно подходить к расшифровке данных профилирования и учитывать, по возможности, все факторы, влияющие на показания прибора.

Такая же работа с целью проверки применимости метода профилирования для обнаружения пустот склепов, вырубленных в известняковой скале, была проведена на раскопах некрополя скифского города Неаполя в отряде И. И. Гузиной.

Некрополь расположен на склоне балки, прорезавшей наклонные слои плотного нуммулитового известняка. Склон образовал небольшие террасы, в основании которых и вырублены погребальные склепы (рис. 55, в). Толщина кровли в средней части склепов составляет около 2,5 м. Высота самих склепов достигает 1,5 м. Рельеф террас плоский наклонный. Слой почвы — не более 10 см.

Пустоты имеют гораздо более высокое электрическое сопротивление, чем известняк. Поэтому естественно было и в этом случае применить электропрофилирование.

На одной из террас некрополя над ранее раскопанными склепами было проложено два профиля. К сожалению, мощность батарей не позволила применить необходимый разнос АВ. Работа велась на разnose, равном 20 м.

<sup>3</sup> «Инструкция по электроразведке», ч. I. М., 1961.

На кривой  $\rho_k$ , полученной в результате работы, выделяются четыре пика. Два из них совпадают с ранее раскопанными склепами ( $\rho_k$  повысилось в 1,4 раза). Происхождение двух других пиков нашло объяснение при раскопках: они совпали с местами, где в скале имелись многочисленные трещины естественного происхождения. Поскольку любая трещина, если она не заполнена почвой, является пустотой, она оказывает электрическому току высокое сопротивление, как и пустота искусственного происхождения.

Таким образом, работа показала, что методом профилирования даже при недостаточном разnose  $AB$  можно обнаруживать склепы, если при этом наличие естественных трещин в самой породе не слишком велико.

## IV. ХРОНИКА

## РАБОТА СЕКТОРА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1963 г.

Основными проблемами, с разработкой которых были связаны исследования сектора античной археологии в 1963 г., как и в предыдущие годы, были: 1) Античные государства Причерноморья и их отношения с местными племенами; 2) Рабовладельческие общества Средиземноморья.

В истекшем году закончено написание монографий:

«Древний Милет» (М. М. Кобылина). Книга посвящена искусству и градостроительству Милета, нашедшим свое отражение в градостроительстве и искусстве античных городов Северного Причерноморья. Исследование этих вопросов, составляющих основное содержание монографии, предпослан краткий очерк истории Милета и общая характеристика его культуры.

«Элевсин в эпоху бронзы» (К. Т. Качурис). Монография (представленная и защищенная на соискание ученой степени кандидата исторических наук) содержит описание и характеристику древнего поселения и могильника в Элевсине в эпоху бронзы, различных типов погребальных обрядов и инвентаря могил, характеризует социально-экономический строй, этнический состав и особенности культуры обитателей Элевсина того времени.

«Боспор в эпоху поздней античности» (И. Т. Кругликова). Книга характеризует греко-варварское общество Боспора в эпоху поздней античности, освещает причины перерождения и гибели античной культуры на территории этого государства.

«Экономические связи племен Приднепровья с античными городами Северного Причерноморья» (Н. А. Онайко). Исследование освещает основные этапы в развитии торговли греков с племенами Приднепровья, роль отдельных центров, бывших посредниками в этой торговле, характер торгового обмена и его роль в социально-экономическом и культурном развитии отдельных племен Приднепровья.

С исследованием ремесленного производства в античных городах Причерноморья связаны темы двух исследований: законченная в 1963 г. большая работа «Керамика Фанагории» (Г. А. Цветаева) о гончарном производстве Фанагории в течение восьми веков (IV в. до н. э.— IV в. н. э.) и неоконченная пока большая монография «Деревообработка в античных государствах Северного Причерноморья» (Н. И. Сокольский), для которой в истекшем году написан ряд глав.

Начата работа над монографиями «Кораблестроение и судоходство в древней Греции» (Б. Г. Петерс) и «Элевсин в эпоху геометрического стиля» (К. Т. Качурис), написание которых рассчитано на ряд лет.

Источниковедческая работа сектора археологии выразилась в подготовке выпусков «Свода археологических источников СССР» и специальных

исследований. Подготовлен и сдан в печать выпуск «Свода» — «Гончарные строительные материалы Северного Причерноморья» и частично подготовлен второй выпуск — «Гончарные печи Северного Причерноморья» (оба выпуска — коллективная работа под редакцией и с авторским участием И. Б. Зеест). Начата подготовка выпуска «Свода» — «Терракоты Северного Причерноморья» (М. М. Кобылина).

Начата работа по исследованию лапидарных надписей, как источника по истории Боспора (А. И. Болгунова). Написана глава «Боспорские проксении» и отдельная статья «Проксенический декрет, найденный в Анапе, и некоторые вопросы истории Боспора».

Для коллективного труда «История СССР» вводная глава «Рабовладельческий строй» написана В. Д. Блаватским.

Подготовлен к печати том МИА «Древности нижнего Подонья», где освещаются результаты раскопок Недвиговского городища и других поселений в низовьях Дона и содержатся исследования материалов из раскопок. Частично подготовлен том МИА, посвященный результатам раскопок Пантикапея и его некрополя.

Написан ряд статей по отдельным вопросам истории и археологии Северного Причерноморья и Средиземноморья, исследования об античных археологических памятниках, по вопросам античного искусства, о раскопках античных городов, поселений и могильников, подводных археологических исследованиях. Статьи эти предназначены для издания в журналах, сериях и различных сборниках.

Полевые исследования сектора античной археологии производились на территории Боспорского царства, в нижнем Подонье и Южной Туркмении.

Таманская экспедиция (начальник Н. И. Сокольский) продолжала раскопки городища Кепы. Открыты остатки святилища эллинистического времени, где найдены фрагментированная мраморная статуя Афродиты эллинистического времени и другие разнообразные и интересные материалы. Найден фрагмент мраморного пьедестала с посвянительной надписью Афродите III в. до н. э. Производились раскопки некрополя этого древнего города. Вскрыто несколько десятков погребений с V в. до н. э. до III в. н. э., дающих новый материал для изучения этнического состава и духовной культуры жителей города. Особо следует отметить некоторые находки, в том числе голову мраморной статуи и надгробия с рельефами. Исследована часть оборонительных стен города; для сооружения фундаментов стен использовано большое количество памятников синдской скульптуры. Продолжались исследования двух крепостей у селения «Батарейка», где открыт ряд помещений с многочисленным вещевым материалом: заслуживают внимания остатки растений — полевых и садовых культур I в. н. э. Исследована башня, стены которой сохранились на высоту 5,5 м. Производились разведки в прилегающем районе.

Ананская экспедиция (начальник И. Т. Кругликова) продолжала раскопки города Горгиппии. Открыты часть древней магистральной улицы, проходившей вдоль морского побережья, и примыкавшего к ней комплекса построек. Улица эта существовала с IV в. до н. э. по IV в. н. э. Производились раскопки могильника; открыт ряд погребений с IV в. до н. э. по III в. н. э.

Новороссийская экспедиция (начальник Н. А. Онайко) продолжала раскопки Раевского городища. Закончены раскопки богатого жилого дома эллинистического времени, начатые в предыдущие годы. Производились небольшие разведки в прилегающем районе; открыто три сельских поселения эллинистического и римского времени.

Керченская экспедиция (начальники И. Б. Зеест и А. Л. Якобсон) производила раскопки в городе Керчи на территории бывшего колхозного рынка, возле церкви Иоанна Предтечи. Раскопки позволили установить стратиграфию этого участка: древнейшие слои относятся к VIII—IX в. н. э.;

жизнь средневекового города протекала особенно интенсивно на этом участке с VIII—IX вв. н. э. до XIV—XV вв. Исследованы остатки средневековой бани XIV—XV вв.

Восточно-Крымская экспедиция (начальник И. Т. Кругликова) продолжала исследования сельских поселений Боспора. Начаты раскопки античной деревни V—III вв. до н. э. в районе оз. Чурубаш. Открыто жилище, свидетельствующее о преемственности строительных приемов у жителей сельских поселений Боспора с IV—III вв. до н. э. до III в. н. э. Обнаружены ограды сельских участков и зольники. Продолжались раскопки сельского поселения у дер. Героевки, начатые в 1956—1957 гг. Вскрыты культурные слои с VI по II в. до н. э. Отсутствие строительных остатков вокруг ранее открытых жилищ показало особенности планировки сельского поселения — расположение построек на некотором расстоянии друг от друга. Проведены разведки в районе деревень Приозерского, Михайловского, Огородного и Сокольского. Открыто двенадцать ранее неизвестных поселений античного времени.

Михайловский отряд (начальник Б. Г. Петерс) начал раскопки новооткрытого городища последних веков до н. э. — III в. н. э., расположенного неподалеку от Илурата, сильно укрепленного боспорского города первых веков н. э., который исследовался в послевоенные годы Боспорской экспедицией ЛОИА. Небольшие по масштабу работы выявили мощные оборонительные стены и жилые комплексы — улицы, дома с дворами, вымостками, водостоками.

Ниже-Донская экспедиция (начальник Д. Б. Шелов) продолжала ранее начатые работы на трех городищах: первый Недвиговский отряд (начальник А. И. Болтунова) продолжал раскопки жилых комплексов, примыкавших с юга к северной оборонительной стене западного (эллинистического) участка города Танаиса. Вскрыта южная часть помещения III в. н. э., сооруженного над разрушенной и частично разобранной еще в древности оборонительной стеной эллинистического города, и часть помещения эллинистического времени с хозяйственными ямами в глинобитном полу.

Производились раскопки грунтового могильника, примыкавшего к городу с востока. Вскрыт ряд погребений I в. до н. э. — III в. н. э. Закончены раскопки кургана, расположенного на улице хутора Недвиговки к востоку от городища. Курган был насыпан над погребением I в. до н. э. Насыпь его с каменной крепидой и остатками тризны перекрывала часть расположенного здесь грунтового могильника эллинистического времени. Инвентарь вскрытых при исследовании кургана грунтовых погребений дал ряд интересных находок. В степи, к северу от городища, начаты раскопки кургана I в. до н. э. — I в. н. э. В южной части насыпи найден каменный жертвенный столик.

Второй Недвиговский отряд (начальник Д. В. Деопик) продолжал раскопки рва, защищавшего с западной стороны город первых веков н. э.

Азовский отряд (начальник И. С. Каменецкий) продолжал начатые в 1962 г. раскопки укрепленного варварского поселения на окраине г. Азова. Исследовались глинобитные жилые сооружения первых веков н. э.

Ниже-Гниловский отряд (начальник И. С. Каменецкий) продолжал начатые в 1962 г. работы по исследованию Ниже-Гниловского городища. Вскрыт ряд жилых комплексов. Особо следует отметить прекрасно сохранившуюся глинобитную печь.

Сектор античной археологии принял участие в работе Южно-Туркменской экспедиции (ЮТАКЭ). Античная группа этой экспедиции (начальник Г. А. Кошеленко) вела исследование мервского могильника позднеантичной — раннесредневековой эпохи (II—VI вв. н. э.). Выяснены три основных периода существования могильника, различающиеся по характеру погребального обряда.

Сектор античной археологии вел работу и по популяризации археологических знаний. Издано несколько научно-популярных работ: книга В. Д. Блаватского и Г. А. Кошеленко «Открытие затонувшего мира» и несколько статей в иллюстрированных журналах — о раскопках Фанагории (М. М. Кобылиной) и Горгииппии (И. Т. Кругликовой).

Деятельность сектора в укреплении и развитии международных научных связей выразилась в участии сотрудников сектора в работе VIII Международного конгресса по классической археологии, состоявшегося в сентябре 1963 г. в Париже, а также в публикации работ сотрудников сектора в зарубежных изданиях.

В работе конгресса в Париже приняла участие советская делегация в составе 12 человек. (Францию посетило из них только 11 человек.) Делегацию возглавил руководитель сектора античной археологии В. Д. Блаватский, избранный Почетным Членом Президиума Конгресса. В состав делегации входили восемь сотрудников сектора (В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, Д. Б. Шелов, Н. И. Сокольский, А. И. Болтунова, И. Т. Кругликова, Б. Г. Петерс — члены конгресса и Н. А. Онайко — гость конгресса). Подготовлено и сдано для напечатания в «Трудах» конгресса: доклад В. Д. Блаватского «Проникновение античной культуры в страны Северного Причерноморья»; сообщения: М. М. Кобылиной «Влияние античного искусства на позднескифское искусство», И. Т. Кругликовой «Варварские влияния в позднем искусстве Боспора», А. И. Болтуновой «Влияние античного искусства на торевтику Кавказа первых веков н. э.» и краткое выступление Н. И. Сокольского «О скульптуре синдов». Группа сотрудников сектора приняла участие в поездке членов конгресса в южную Францию для осмотра памятников античной архитектуры, раскопок античных городов и ознакомления с коллекциями музеев. В Париже сотрудники сектора детально ознакомились с коллекциями Лувра (экспозиция и фонды) и античными памятниками Парижа.

Ряд статей сотрудников сектора на различные темы в истекшем 1963 г. напечатан и сдан в печать в различных зарубежных изданиях.

В 1963 г. состоялось 28 научных заседаний сектора, связанных с его текущей работой. Были прослушаны и обсуждены отчеты о раскопках, законченные монографии, отдельные разделы подготавливаемых работ и другие научно-исследовательские работы сотрудников сектора, информации о памятниках античной культуры в зарубежных странах, работы аспирантов и ряд докладов сотрудников других научных учреждений.

*А. И. Болтунова*



## ГРУППА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА В 1962—1963 гг.

В 1962 и 1963 гг. коллектив научных сотрудников Группы античной археологии продолжал работать над основной проблемой, стоящей в настоящее время перед исследователями античной культуры, — «Основные этапы и закономерности развития рабовладельческих отношений». Разработка данной проблемы была связана с конкретным изучением истории и истории культуры античных государств Причерноморья. При этом уделялось специальное внимание вопросам их экономического развития, а также вопросам своеобразия культуры, обусловленного взаимодействием античной культуры с культурой аборигенной этнической среды (скифы, сарматы, меоты). Источниками, легшими в основу этой исследовательской работы, были прежде всего материалы, полученные в результате систематических раскопок античных городов — Ольвии и Мирмекия, античных памятников в районе Нижнего Подонья, а также раннесредневековых сельских поселений Крыма. В 1963 г. вышла из печати книга «Ольвия. Теменос и агора» (3,5 п. л.), отражающая результаты археологического изучения Ольвии в 1954—1961 гг. В книге опубликованы работы Е. И. Леви, А. Н. Карасева, И. Б. Брашинского и сотрудников других научных учреждений — Л. М. Славина, К. С. Горбуновой, Л. П. Харко.

В 1962—1963 гг. А. Н. Карасев работал над уже начатой ранее темой «Большая стоя ольвийской агоры», в работе дается реконструкция этого памятника.

Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, И. Б. Брашинский и Е. Г. Кастанаян готовили к изданию сборник «Новые и избранные ольвийские надписи». Работа эта заканчивается в 1964 г.

Часть сотрудников Группы была занята темами, связанными с историей и культурой Боспорского государства. В. Ф. Гайдукевич работал над монографией «Памятники монументальной архитектуры Боспора». Она посвящена исследованию боспорских гробниц с уступчатыми покрытиями. Работа базируется на точных обмерах, которым были подвергнуты соответствующие памятники, сохранившиеся до наших дней, а также на архивных данных XIX в., позволяющих не только дать полный обзор всех сооружений данного типа, но и восстановить их правильный облик, искаженно представленный в прежней литературе. Автор связывает эту группу памятников боспорского зодчества с древнейшей архитектурной традицией Греции, нашедшей (через ряд посредствующих звеньев) свое отражение в строительном искусстве Боспора, где эта традиция подверглась самостоятельной переработке. В работе, в частности, вскрывается несостоятельность

концепции, в которой под видом отрицания «теории влияний» предлагается объяснение генезиса величественных боспорских склепов влиянием примитивных деревянных склепов, применявшихся аборигенным населением в некоторых районах Северного Причерноморья. Кроме того, В. Ф. Гайдукевич продолжал работать по теме «Культура городов Боспора», включая в указанный труд результаты систематического исследования тех новых очень интересных материалов, которые дают планомерные раскопки Мирмекии и Илурата, а также разведочные исследования на Керченском полуострове и на южном берегу Крыма. Необходимо также отметить большую работу, проведенную В. Ф. Гайдукевичем над подготовкой второго немецкого издания книги «Боспорское царство», предпринятого Akademie — Verlag в Берлине (выход книги в свет намечен на 1965 г.). Книга подвергнута автором капитальной переработке с таким расчетом, чтобы она отражала состояние археологических исследований и состояние научной литературы по Боспору до 1963 г. включительно.

М. И. Максимова продолжала тему «Курганные комплексы эллинистического Боспора». Работа над одним из разделов этой темы получила в 1961 г. завершение в виде монографии «Артюховский курган», находящейся уже в издательстве. В настоящее время М. И. Максимова подготавливает к печати работу о Зеленском кургане. В обеих работах впервые полностью издаются комплексы двух очень интересных боспорских курганов. В результате всестороннего изучения находок из этих курганов М. И. Максимова получила ряд новых ценных данных, освещающих многие стороны жизни Боспора в эллинистическую эпоху.

Е. Г. Кастанаян работала над изучением лепной керамики Боспора, привлекая к исследованию новые материалы, полученные в результате раскопок последних лет. Включением этих новых материалов в уже ранее написанные Е. Г. Кастанаян исследования по данной теме автор добивается полного охвата фактических данных, характеризующих производство лепной керамики на Боспоре на всем протяжении античной эпохи — с VI в. до н. э. до IV в. н. э.

В. И. Пругло написала и представила к опубликованию работу «Эллинистические флаконы для лекарства ликий». Основанием для этого исследования послужили лекарственные сосуды, найденные в Мирмекии, а также в Херсонесе, и остававшиеся в течение некоторого времени без надлежащего объяснения. Наличие на них клейм, в которых фигурирует слово ΛΥΚΙΟΝ, позволило автору истолковать эти флаконы как сосуды для очень популярного в эллинистическое время медикамента. В клеймах названы также имена производителей лекарства — фармацевтов. На мирмекийском флаконе, кроме того, отмечено, что фармацевт, сделавший лекарство, ручается за его качество. В работе собраны сведения о находках флаконов для лекарства ликий в других местах античного мира; кроме того, автором приведена вся литература вопроса.

С. И. Капошина продолжала изучать памятники культуры античной эпохи в районе Нижнего Дона. На основе накопленных в течение ряда лет материалов из раскопок Кобякова поселения и его некрополя С. И. Капошина подготавливала к печати итоги изучения поселения — его строительных остатков (жилища и хозяйственные сооружения); его вещевого материала, характеризующего экономику поселения, торговый обмен и т. д. Наряду с этим велось изучение обильного материала из некрополя (раскопано около 300 погребений). Кроме того, С. И. Капошина занималась исследованием замечательного комплекса находок из богатого сарматского кургана, раскопанного в 1962 г. в районе Новочеркасска. Детальное исследование обнаруженных в этом кургане памятников античной торевтики позволило автору установить их дату и выявить ряд новых важных данных по истории торевтики позднего эллинизма. Вместе с тем, получены дополнительные веские доказательства существования достаточно широких свя-

зей между северо-восточным Причерноморьем и западными центрами Средиземноморья.

И. Б. Брашинский начал разработку темы «Экономические связи Причерноморья». Задачей работы является широкое изучение экономических связей городов Черноморья с другими античными центрами на протяжении всей античной эпохи.

М. А. Наливкина обобщила ранее добытые материалы из раскопок Керчинитиды и Калос-Лимена, готовя монографию, посвященную итогам изучения античных городов северо-западного Крыма.

А. Л. Якобсон продолжал работу над монографией «Средневековые поселения юго-западного Крыма», в ней дается исследование истории и культуры сельского населения юго-западного Крыма. В течение 1962 и 1963 гг. автором закончены главы, посвященные истории изучения раннесредневековых поселений Крыма и исследованию массового археологического материала, полученного в результате раскопок, ведущихся под руководством автора. К работе прилагается карта юго-западного Крыма с обозначением населенных пунктов, существовавших там в период V—X вв.

И. Г. Шургая (аспирант) работал (в плане широкой темы «Северная Африка в античную эпоху») над кандидатской диссертацией «Александрия — промышленный и торговый центр Египта в эллинистический и римский периоды». В работе автор особое внимание уделяет торговым связям Александрии (и Египта в целом) с Боспором и другими центрами Черноморья; подвергается также специальному рассмотрению вопрос о торговом соперничестве между птолемеевским Египтом и спартокидовским Боспором.

Наряду с систематическим заслушиванием докладов сотрудников Группы на темы, связанные с их научно-исследовательскими темами и результатами экспедиционных работ, на заседаниях Группы ставились доклады и сообщения сотрудников других научных учреждений, а также зарубежных ученых.

О. И. Бич (Архив ЛОИА) — В. В. Стасов и первые попытки перенесения керченских фресок в музей; А. И. Болтунова (Москва) — О новых эпиграфических памятниках Боспора; К. С. Горбунова (Эрмитаж) — Чернофигурный кратер мастера Лидоса из раскопок Ольвии 1962 г.; А. П. Иванова (Симферополь) — Рельефы херсонесских саркофагов; Л. Е. Ковалевская (Ленинград) — Из истории архитектуры Боспора; В. В. Кропоткин (Москва) — Римские бронзовые ковши, найденные на территории Восточной Европы; А. М. Лесков (Киев) — Краткие итоги работ на Керченском полуострове; О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси) — Итоги работ на IV участке Ванской экспедиции; Он же — Поиски древнего Фасиса; Н. И. Сокольский (Москва) — Результаты работ Таманской экспедиции в 1962 г.; С. Ф. Стржелецкий (Севастополь) — Государственные формообразования и местное население Крыма в античную эпоху; Г. А. Тирацян (Ереван) — Археологические исследования в крепости Ацциван; Дж. Хайнд (Кембридж) — Впечатления о поездке по южному Причерноморью; К. К. Шилик (Физическая лаборатория) — Опыт применения электропрофилирования при археологических работах; П. Н. Шульц (Симферополь) — Об одном новом рельефе сарматского круга.

Сотрудниками Группы, как и в предыдущие годы, широко проводились экспедиционные работы.

Боспорская экспедиция (начальник В. Ф. Гайдукевич) продолжала раскопки Мирмекия. На расследованных в 1962—1963 гг. площадях открыты остатки построек и выявлены многослойные культурные напластования, отражающие жизнь Мирмекия, начиная с рубежа VI—V вв. до н. э. и кончая второй половиной III в. н. э. Особый интерес представляет большой зольный жертвенник-эсхара, образовавшийся в период с конца IV в. до третьей четверти III в. до н. э. В Северном Причерноморье такой памятник

открыт и раскопан впервые. Аналогии дает Греция. «Зольник» заключает в себе очень большой вещевой материал, в том числе много керамических клейм. Под эллинистическим зольником-эсхарой открыт подобный же зольник второй половины V в.—начала IV в. Кроме того, исследован строительный комплекс IV в. до н. э., а также развалины домов римского времени.

Экспедиция продолжила (совместно с П. Н. Шульцем) разведки в районе Коктебеля (Планерское) — Судака с целью отыскания остатков города Афионеона. Были обследованы Отузская и Козская долины, а также долины Богаз и Капсель (по обеим сторонам мыса Меганом). Вывод: наиболее вероятным местом, где может быть локализован Афионеон, продолжает оставаться Судака.

В 1962 г. экспедиция провела подводные исследования у городища Китея, в районе селения Героевского, у мыса Синягина, а также в районе Коктебеля — Судака. На морском дне были найдены скопления древней керамики.

Керченская экспедиция (ленинградский отряд, начальник А. Л. Якобсон). Раскопки (1963 г.) велись на территории рыночной площади в г. Керчи. Раскопки выявили следующую картину культурных напластований в этой части города. Самые верхние культурные слои, сильно нарушенные, относились к XVI—XVII вв. Ниже залегал слой XIV—XV вв., в котором раскрыты остатки построек, водостоков и улиц. Раскопана часть здания бани — несколько помещений с топкой и подпольной камерой, откуда теплый воздух распространялся по внутрстенным трубам в верхние помещения. Выявлены также строительные остатки VIII—X вв.

Кобяковская экспедиция (начальник С. И. Капошина). Работы (1962 г.) экспедиции велись в районе нижнего Дона — на Кобяковском городище и на курганном могильнике около г. Новочеркаска.

На Кобяковском городище вскрывались слои эпохи бронзы и первых веков н. э. В слоях эпохи бронзы выявлены жилища наземного и полужемляночного типа. Раскопки слоев первых веков н. э. дали ряд интересных находок, в том числе некоторые новые формы местной керамики. При раскопках некрополя, относящегося к периоду первых веков н. э., вскрыто 29 погребений. Среди инвентаря погребений оказались сарматские сосуды «звериного стиля».

Одновременно велись раскопки курганного могильника на территории Новочеркасской ГРЭС. В трех из раскопанных курганов оказались погребения срубной, катакомбной и ямной культур. Три другие кургана относились к сарматской эпохе, все они ограблены. На западной окраине г. Новочеркаска, на территории Института виноградарства раскопан курган, в котором оказалась петропугумом грабителями место тризны. Здесь найдены первоклассные памятники античной торевтики: бронзовый котел, бронзовая ваза кельтского происхождения и итальянская бронзовая ваза с гравированным орнаментом. Кроме того, в насыпи кургана обнаружены еще несколько предметов, относящихся к той же тризне — серебряный лутерий, восемь серебряных чаш с рельефными изображениями, 14 золотых фаларов и свыше 200 шт. золотых нашивных бляшек.

Новочеркасская экспедиция (начальник С. И. Капошина). Исследовались (1963 г.) два курганных могильника в районе г. Новочеркаска. На землях колхоза станицы Грушевская раскопаны два кургана эпохи бронзы с погребениями срубной, катакомбной и ямной культур и один курган с погребением позднего кочевника.

Одновременно была проведена разведка на окраине г. Ростова, в окрестностях Левенцовки, где открыто поселение античной эпохи и в Азовском районе, у Койсуга, где обнаружен могильник того же времени.

Ольвийская экспедиция (начальник Е. И. Леви). Как и раньше, изучалась (1962—1963 гг.) территория ольвийской агоры и прилегающего к ней

священного теменоса. Раскрыта значительная часть фундаментов обширного здания с портиком IV—III вв. до н. э. Среди предметов, найденных при раскопках этого здания, привлекают внимание стенки амфор, на которых были вырезаны мужские имена. В юго-восточной части агоры продолжались раскопки общественной бани IV—II вв. до н. э. Открыта часть портика с пятью базами колонн и прилегающие к нему пять помещений, а также резервуар для воды.

Раскопано 45 ям обширного зернохранилища, существовавшего на месте агоры в первые века н. э. Найденные в ямах фрагменты хорошо датированных амфор и краснолаковой посуды позволяют уточнить время обнаруженных вместе с ними сосудов местного производства.

Раскопки дали много ценных материалов, освещающих жизнь Ольвии с конца VI в. до н. э. по III в. н. э. Особого упоминания заслуживают часть большой мраморной статуи эллинистического времени, аттический чернолаковый скифос с интересным граффито, мраморный постамент (обнаружен на некрополе) с посвячительной надписью в честь Аполлона Врача, в надписи обозначено имя скульптора — афинянина. Большое значение имеет находка почетного декрета V в. до н. э. в честь жителя Синопы. Надпись свидетельствует об экономических связях Ольвии с Синопой в столь раннее время.

Чайкинский отряд (начальник А. Н. Карасев). Работы велись (1963 г.) в районе г. Евпатории, близ санатория «Чайка», где в 1959 г. впервые было обнаружено античное поселение. Продолжалось раскрытие очень большого монументального здания IV—III вв. до н. э., помещений его подвального этажа. Стены сложены из крупных квадров известняка. Здание раскрыто на протяжении 70 м. На севере оно заканчивается башней, по-видимому, привратной, защищавшей въезд во внутренний двор. Раскрыто полностью семь помещений. Часть помещений была предназначена для хранения продовольственных запасов и других товаров. Здание, возможно, служило укрепленным эмпорием, торжищем, где греческие купцы из Херсонеса и Керкинитиды вели торговый обмен с местным населением. В III в. до н. э. здание сильно пострадало от пожара, после чего подверглось перестройке и, вероятно, перестало служить своему первоначальному назначению. Среди находок, произведенных при раскопках, имеется ряд интересных сосудов, металлических изделий и монет.

Средневековый отряд Крымской экспедиции (начальник А. Л. Якобсон). Работы отряда производились (1962 и 1963 гг.) в трех пунктах Крыма; на плато Кыз-Кермен (близ г. Бахчисарая), на плато Пампук-Кая (близ с. Куйбышева и близ села Гончарного), где раскрывались остатки средневековых сельских поселений.

На плато Кыз-Кермен продолжалось исследование поселения VIII—IX вв., где раскрыты остатки жилого дома и несколько тарапанов для выжимания виноградного сока.

На плато Пампук-Кая закончено исследование могил в храме, раскопанном в 1961 г. Открыта большая костьница со скелетами, лежавшими в несколько ярусов. Около одного из скелетов найдена золотая византийская монета императора Ираклия (610—641 гг.).

При раскопках поселения у с. Гончарного выявилась сложная картина культурных напластований. Самый древний слой поселения относился к V—VI вв.; открытые в них незначительные строительные остатки не связываются в единый комплекс. Выше этих слоев на исследуемом участке возникло жилище VII—VIII вв. с двумя большими пифосами. В дальнейшем всю эту территорию заняли базилика и примыкавший к ней некрополь, датированные VIII—IX вв. После IX в. жизнь на городище замирает и возрождается вновь только в XIV в. К этому времени относятся несколько могил, впущенные в верхние слои некрополя, а также раскопанные экспедицией остатки жилого дома XIV—XV вв.

*Е. Кастанаян*

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГ — Античный город  
ВДИ — Вестник древней истории  
ГИМ — Государственный исторический музей  
ДБК — Древности Боспора Киммерийского  
ЗООА — Записки Одесского археологического общества  
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древности  
ИА — Институт археологии АН СССР  
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры  
ИАДК — История и археология древнего Крыма  
ИАК — Известия Археологической комиссии  
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры  
ИТУАК — Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии  
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР  
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН  
КСОГУ и ОГАМ — Краткие сообщения Одесского Государственного Универси-  
Государственного археологического музея  
ЛГУ — Ленинградский Государственный Университет  
ЛОИА — Ленинградское Отделение Института археологии АН СССР  
МАК — Материалы по археологии Кавказа  
МГУ — Московский Государственный Университет  
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР  
ОАК — Отчеты архивной комиссии  
ОАМ — Отдел античного мира  
СА — Советская археология  
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной  
СХМ — Сообщения Херсонесского музея  
ТОИПКГЭ — Труды отдела истории первобытной культуры Государственного  
Хсб — Херсонесский сборник  
BSH — Bulletin de Correspondance Hellénique  
BSA — British school at Athens  
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua  
JAI — Jahrbuch des deutschen archéologischen Instituts  
JPE-JOSPE — Jcriptions antique Septentrionalis Ponti Euxini  
RE — Real Encyclopädie.